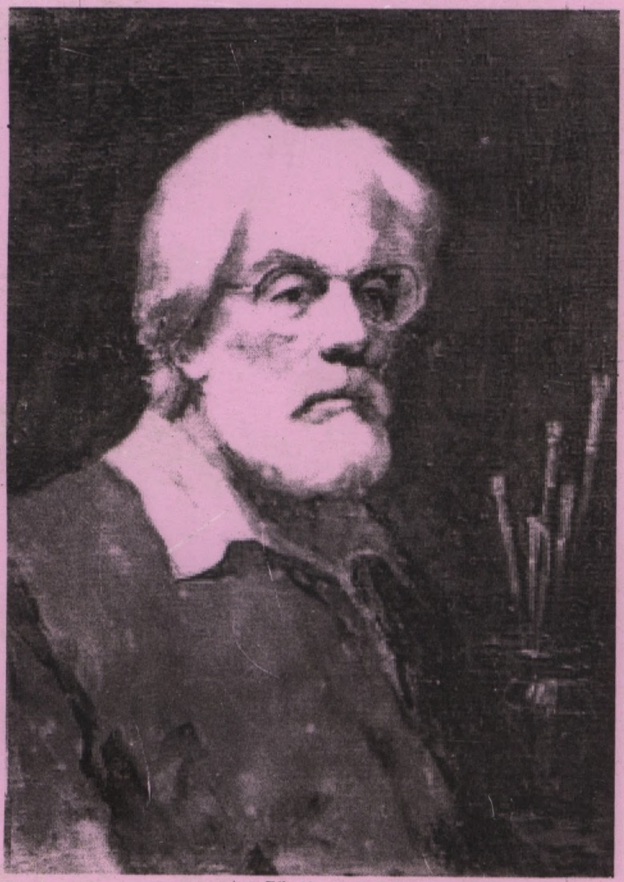
Ашур Хайдаров

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Ашур Хайдаров

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Душанбе — 2001

ББК 84 Тоҷик 7-5
Х-73

Ашур Хайдаров

85 лет со дня рождения

ВОСПОМИНАНИЯ (ХОТИРАҲО)

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АШУРА ХАЙДАРОВА

Творческий путь живописца Ашура Хайдарова, полон напряженных и плодотворных поисков. Воспитанник Самаркандского художественного училища, ученик П.Бенькова, З.Ковалевской и Л.Бурэ Хайдаров в 1955 году приезжает в Душанбе. Здесь начинается новый этап творчества художника, неразрывно связанный с Таджикистаном. Мастер острых психологических характеристик, работающий в области пейзажа, портрета и сюжетно-тематических композиций по своему осмысляет историчские и современные темы. Ашур Хайдаров всегда стремился глубже изучать жизнь республики.

Особенно большое впечатление произвела на него природа Таджикистана. Его неудержимо влечет в горы, куда он постоянно выезжал с С.Е.Захаровым и И.А.Абдурахмоновым. Об этом времени художник, глубоко прочуствовавший поэзию гор говорит: "Там я себя нашел". Исключительно плодотворной оказалась творческая поездка в 1965 году на Памир, где в результуте длительной работы на природе были созданы пейзажи "Восточный Памир". "Юрта", "Аличурская долина", "Горы Памира", которые отличаются непосредственностью восприятия природы, естественностью и близкостью к натуре. В 60-х годах Хайдаров пишет в основном лирические пейзажи — "Река Пяндж" (1966), "Ущелье в Варзобе" (1967). С любовью передает он силуэты далеких, уходящих к горизонту гор, яркость осенней поры, зной летнего дня. Гармонией цвета, мягкостью и богатством колорита отличаются и трепетно написанные пейзажи "Утро, Весна" (1981). "Полдень в горах" (1983), "Полдень.Июнь" (1984), в которых художник прекрасно воплощает состояние природы. Постепенно усиливается тяга к пространственной широте пейзажного образа и Хайдаров вплотную подходит к панорамному решению картины: "Таджикистан"

(1978), "Горный пейзаж" (1981), "Каратаг" (1981), "Советский Таджикистан" (1982), "Метеостанция" (1985), где художник ярко и образно раскрыл мощь, красоту и величие природы.

С работой над пейзажем, который, как никакой другой жанр, позволяет познать жизнь, характер, привычки и темперамент народа, связан глубокий интерес художника к истории.

Композиции 60-х годов, выражающие пафос революционной борьбы — "Отряд командира Афзали" (1967), "Комсомольцы и власть Советов" (1968), "Снятие паранджи" (1967) свидетельствуют о творческой зрелости художника. В дальнейшей тему борьбы женщин за свои права и свободу художник развивает в картинах "8-е Марта 1927 года. Ходжент" (1984) и "Худжум. Наступление" (1974). Здесь много персонажей — сторонников и врагов советской власти. Столкновение этих двух сил — основной конфликт картины. Идейно-смысловая и зрительно - образная доминанта композиции раскрывается в яростном столкновении взглядов женщины в гимнастерке, возглавляющей шествие и мужчины, полной бессилной ярости. В их противопоставлении раскрывается эмоционально - психологическое содержание образов участников в этой борьбе. В своем творчестве Хайдаров не раз обращался к героическим страницам борьбы за советскую власть: "Подвиг Али Акбара Абдурахмонова" (1977), "Падение эмирата" (1977), "Революция в Бухаре" (1978), "Последний бек" (1984-1985). Монументально по своему образно-пластическому строю полотно "Падение эмирата" (1977). Композиция картины убеждает документальной точностью отражения конкретной исторической ситуации. Сложный колорит с преобладанием горячих красных тонов передающих накал революционных столкновений определяет приподнятый эмоциональный настрой картины.

Достоверно передают атмосферу и характер эпохи сюжетно-тематические произведения Хайдарова на исторические темы — "Мушфики в Бухаре" (1976-1977)", "Встреча Абуали ибн Сино с учеными в Хамадане" (1980), в которых уделяется большое внимание предметно-пространственному и колористическому построению полотна, его эмоциальной наполненности. И хотя мы не най-

дем в работах художника принципиально нового подхода к построению композиции и колористическому решению, произведения Хайдарова, написанные в традиции русской реалистической школы, убеждают документальную точностью воплощения конкретной исторической эпохи.

Пристальное внимание к фабуле, интерес к конкретным деталям, свойственные творчеству Хайдарова, особенно ярко сказались в картинах на тему современности — "Асфальтировщики трассы" (1963), "Хлопкоробы, о нас пишут" (1972), "Горное стадо" (1975), "Вручение приза" (1979).

Глубокий, активный интерес к современности обусловил постоянное обращение Хайдарова к портретному жанру. Особенно охотно пишет художник женские портреты "Лайло Шарипова" (1960), "Портрет невесты" (1957), "Портрет киргизки" (1966), "Вышивальщица" (1968), в которых проявилось стремление выразить конкретные качества модели. И в дальнейшем, в портретах таджикской театральной интеллигенции "Народного артиста СССР Д.Муродова" (1983), "Оперной певицы З.Аминовой" (1983) и др. Хайдаров стремится к углублению образа портретируемого, к яркости и убедительности психологической характеристики модели.

Актерский темперамент, его эмоциональная природа лежит в основе созданных художником портретов "Народной артистки Таджикистана М.Исаевой в роли Гертруды в трагедии В.Шекспира "Гамлет" (1980), "Заслуженной артистки Г.Абдуллоевой в роли шахини в спектакле "Робияи Балхи" (1980), "Лаурета премии Ленинского комсомола Таджикистана Г.Сафаралиевой в роли Реганы в трагедии В.Шекспира "Король лир" (1985) и др. Портретам Хайдарова свойственны ряд общих черт — поиски наиболее выразительной композиции, выразительного силуэта, определенная монументализация образа, обусловленная зачастую характером исполняемой роли.

Участие в республиканских, всесоюзных и зарубежных выставках где Хайдаров принимал активное участие в общественной жизни Союза художников. Избирался председателем Правления Художественного фонда и членом Правления Союза художников Таджикистана. Произведения Хайдарова находятся в музеях изоб-

разительных искусств городов Омска, Горького, Воронежа, Самарканда, в национальном музее им.К.Бехзода, в Дирекции художественных выставок и панорам в Москве, Берлине, Австрии, США.

Народный художник Таджикистана Ашур Хайдаров является в тоже время одним из крупнейших представителей культуры республики. Кроме упомянутых выше авторских работ он писал свои мемуары. Мы предлагаем его воспоминания, где художник рассказывает о своей творческой судьбе.

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПРАВДЕ

довелось пройти художнику *А.Хайдарову*

Когда он вынул из постового ящика конверт с грифом "Верховный Совет Союза СССР", у него перехватило дыхание и задрожали руки. Он ждал это письмо, стараясь заглушить в себе преждевременную надежду, суеверно боясь разочарования.

С трудом заставив себя успокоится, распечатал конверт, не утерпел, заглянул в конец и горло перехватила спазмой. Он вытер слезы и начал медленно читать сначала.

"Военная коллегия Верховного Суда СССР. 7.8.1989 г.

Справка

Дело по обвинению Хайдарова Ашура Карабаевича, до ареста — 17 июля 1949 года работавшего художником самаркандского отделения Союза художников СССР, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 18 июля 1989 года. Приговор Военного трибунала Самаркандского гарнизона от 17 ноября 1949 года и определения Военного трибунала Туркестанского военного округа от 12 июля 1955 года в отношении Хайдарова А.К. отменены и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Хайдаров А.К. по данному делу реабилитирован..."

...Сорок лет Ашур Хайдаров — отец десятерых детей, художник, чьи работы экспонировались на международных выставках в ГДР, ФРГ, Франции, Португалии, Турции, Индии, Китае, Камбодже, носил клеймо изменника Родины. Носил, как теперь ясно, — незаслуженно. Он получал грамоты и медали Министерств культуры СССР и Таджикистана. В музее республики хранятся около ста его произведений. Четырежды Союз художников представлял его к званию заслуженного деятеля искусств, и четыре раза ему отказывали: мешало темное пятно в биографии. Как и в праве на персональную пенсию, в поездках в рубеж, даже в медали к столетию со дня рожденя В.И.Ленина.

Только тот, кто сам прошел страшный путь сквозь гитлеровские, а потом сталинские концлагеря, может по-настоящему понять, что испытал бывший лейтенант Красной Армии Ашур Хайдаров.

Он родился в Самарканде, в семье рабочего. Рисовать начал с детства. После восьмилетки поступил на рабфак на железнодорожного институт в г. Ташкенте. Учился прилежно, однако душа не лежала к технике. Рисовал портреты однокашников, писал акварелью пейзажи. Почему не пошел в художники? Не был уверен в своих способностях, да и родители слышать не хотели о том, чтобы сын, в нарушение заповеди корана изображал творения аллаха. Дед однажды увидил рисунок и поколотил внука. Такое было время в Средней Азии, с трудом освобождавшейся от вековых предрассудков.

Кто-то из друзей, увидев кипу рисунков Ашура, сказал: немедленно поступай в художественный техникум. Набравшись смелости, он зашел к директору. "Вам непременно надо учиться, - сказали ему. — Но зачем оставаться в общежитии в Ташкенте, когда в Самарканде есть прекрасный техникум? Вот возьмите письмо к профессору П. Бенькову".

Павел Петрович, едва взгянул на рисунки и акварели, написал на заявлении: "Зачислить на второй курс". Было это в 1933 году. После успешного окончания факультета живописи, Хайдарову предложили работу в Самаркандском театре. Когда год спустя, театр переехал в Ташкент, Ашур, успевший к тому времени обзавестись семьей, уезжать из Самарканда не захотел и перешел работать в редакцию газеты "Ленин юли" ("Ленинский путь").

Счастливо складывалась судьба молодого художника, но грянул сорок первый год. Через месяц Ашур с группой добровольцев надел военную форму. Шесть месяцев ускоренной подготовки в городе Фрунзе, и новоиспеченный лейтенант Хайдаров в качестве пулеметного взвода оказывается на передовой...

Не так представлял себе молодой офицер начало военной карьеры и боеготовность армии. Немцы стремительно наступали. Наши бойцы были вооружены из рук вон плохо. Ашуру выдали наган и семь патронов, вот и весь боезапас. Командовать пришлось штрафниками. не у каждого из них была даже винтовка-трехлинейка старого образца. "Оружие добывайте в бою", — сказал комиссар полка. Было приказано отбить у врага высоту 220". После атаки из девяноста шести бойцов в живых осталось четырнадцать, — но высоту взяли. Друг Ашура лейтенант Камильджонов остался лежать на простреливаемой полосе. Ночью, взяв с

собой бойца, Ашур вынес тело друга. Затем под всполохами вражеских осветительных ракет схоронил в окопе. А дела на фронте шли все хуже. В августе войска попали в окружение под Новочеркасском. Израненные, голодные бойцы с боями пробивались к своим, толком не зная, где находятся.

Однажды, когда вконец измотанный отряд заночевал под местечко Каменоломни их окружила моторизованная часть противника. Из единственного пулемета Ашур открыл огонь. Ответные залпы скосили большинство наших бойцов. Остальным удалось скрыться в ночи.

Утром Ашур оказался в городском парке. Из-за кустов увидел старика-садовника, рядом был его домик с небольшим огородом. Голод заставил Ашура выйти из укрытия. С жадностью набросился он на помидоры, зревшие на грядке.

— Пленный, сынок? — старик смотрел сочувственно. — Зайди в дом, переодеться тебе надо.

Из окна хибарки Хайдаров увидил длинную колонну пленных красноармейцев, сопровождаемую немецкими автоматчиками с овчарками.

Несколько дней, проведенных в доме садовника, вернули силы и надежду выбраться к своим. Но однажды появился полицай.

— Что-то я тебя незнаю, откуда взялся? - спросил он Хайдарова, поигрывая автоматом.

А на следующий день явились жандармы. Так Ашур оказался во временном лагере для военнопленных под городом Шахты.

Потом были другие концлагеря, пока наиболее крепких не этапировали в Германию. Что такое унизительный труд и режим в фашистских концлагерях — описанию не поддается.

— Однажды нас выстроили на плацу, — вспоминает А.К.Хайдаров. — В лагерь приехало высокое немецкое начальство. Разговор состоялся короткий. Кто хочет остаться в живых, должен перейти на службу к немцам. Остальным — путь в крематорий. на размышление — час.

— Если я в чем виноват перед Родиной, - говорит Хайдаров, — то лишь в том, что не отправился умирать в газовую камеру. Мы с ребятами твердо решили любой ценой вернуться к своим, чтобы продолжать войну с врагом. Сразу же из нашего контингента сформировали часть по охране железнодорожных путей. И вскоре

отправили нас в Люблин. На исходе был январь сорок четвертого. За время вынужденной службы у немцев я не сделал ни одного выстрела. Единственная мысль владела нашей группой из пятерых человек — связаться с польскими, а потом с нашими партизанами.

Им удалось это сделать! Не сразу, конечно.

— К нам долго присматривались польские рабочие из обслуги, проверяли. Наконец, в назначенный день мы встретились в лесу с хлопцами командира партизанского отряда Александра Чистова из лесного войска легендарного Вершигоры.

В отряде Хайдаров воевал до сентября, участвовал в четырех боях, в результате которых были пущены под откос два железнодорожных состава немцев, взорван мост. Командованием отряда Хайдаров был представлен к ордену Красной Звезды.

Потом были служба в войсках НКВД города Ракитна, жестокие схватки с бендеровскими бандами. После окончания войны Хайдаров вернулся в родной Самарканд. Явился, как положено, в местное управление НКВД, предъявил все документы и справки, снова занялся живописью, был избран председателем правления Художественного фонда.

За четыре мирных года родились у Хайдарова три девочки, сын в отсутствие отца вырос и стал помощником в доме. Совесть Ашура была чиста, хотя и тревожили слухи о массовых арестах бывших военнопленных.

Ашур Хайдаров оказался на свободе по амнистии, но еще долгие годы остро ощущал отчуждение, плохо скрываемое недоверие со стороны властей. Сотни писем написал он за годы заключения и после освобождения с просьбой разобраться в его "вине". Увы, безответно...

В 1955 году Хайдаров переезжает в Таджикистан— на родину предков. Коллектив Союза художников принял коллегу сердечно, с сочуствием. Дважды Ашур делегируется на Всесоюзный съезд художников в Москву. Его избирают главным художником, а позже - председателем правления Художественного фонда Таджикистана. Только перестройка вернула к жизни человека, почти утратившего веру в справедливость.

Сегодня Ашуру Карабаевичу семьдесят три года. Его творческая мастерская уставлена холстами и картинами с эскизами к бу-

дущим произведениям. На столе папка с карандашными рисунками на слегка пожелтевшей от времени бумаге. Это — особый фонд, работы лагерного периода. Они тоже дождались своего часа: Русский музей в Ленинграде собирается их приобрести.

— Знаешь, - говорит он мне, — такое ощущение, будто я заново родился.

Его радость разделяют жена и дети, которым тоже нелегко было носить клеймо членов семьи изменника Родины. Долог бывает иногда путь правды, но он неизбежно побеждает неправду. Это — закон жизни.

П.ГАЙРАТ.

Ашӯр Ҳайдаров

“БА ВАТАН ВА КАСБИ ХУД ХИЁНАТ НАКАРДААМ”

Ӯ ҳар рӯз дар байни мост. Ҳамроҳи мо дар кӯчаҳо қадам мезанад, аз навсозиҳои замона шодӣ мекунад. Дар даст мӯқалам, сурат мекашаду ботини ҷомеаи мо гӯё дар оина акси худро меёбад. Мӯқалами вай гоҳо сайри Бухорову Самарқанди қадим гоҳо аз ноадолатиҳои замони пешин зор-зор мегиряд. Ӯ ноадолатӣ, зулми одамиро бар одамӣ бинад, ба ларза медарояд, ба худ ҷои нишаст намеёбад. Тасаллии дили ӯ танҳо мӯқалам аст. Мекашаду мекашад то он даме, ки дар хаёли ҳақҷӯи худ ҳақро ба ҳақдор нарасонад. Қиссаи зер аз рӯзгори пуршӯри уст.

Ман ӯро дар иҳотаи суратҳои гуногунмазмун дарёфтам. Чандест, ки дар бинои Иттифоқи рассомон намоиши асарҳои ӯ гузошта шудааст. Қоматаш андаке хамида мӯи сар ва риши сафедаш гувоҳӣ медод, ки зиндагӣ ба дӯши ӯ рӯзҳои сахт ва ғаму андӯҳи зиёдеро партофтаст. Одамизод аз ғаму андӯҳ намемурдааст, аммо он бешубҳа ҷисми ӯро логару хотирашро парешон мекардааст.

Суратҳои безабон худ гувоҳи зиндаанд. Дар онҳо бо рангу тобиши ба худ хос манзараҳои шаҳри Бостонии Самарқанду Бухоро ва Хиваи кӯҳан майдонҳои ҳарбузарби Ҷанги Бузурги Ватанӣ, симои аз азобу машаққати вазнин коҳидаи маҳбусон то манзараҳои Тоҷикистони офтобрӯя акс ёфта буданд. Ӯ дар бораи вазъияти тавлид ва мазмуну суратҳо ҳикояи бадард мекарду овозаш пайваста бо ҷисму ҷонаш меларзид. Шояд ин лаҳза суратҳои безабон рӯзҳои мудҳиши гузаштаро дар хотираш зинда мегардонанд. Ба ман чунин метофт, ки дар пеши назарам дар ҷабинаш чанд ожанге пайдо шуд. Ман баробари ӯ ба суратҳо нигоҳ мекардаму китоби таърих ба руям боз мешуд ва дар пеши сабру тоқат ва бурдбории ин марди ҳафтоду панҷсола сари таъзим фурӯд меовардам.

То дер ба ӯ суол накардам. Метарсидам, ки суоли бечое медиҳаму ҷароҳати дилашро хуншор мекунам, чунки аз гузаштаи ғамангези ӯ огаҳ будам.

Ашӯр Ҳайдаров, Ходими шоистаи санъати Тоҷикистон, марди пурҳунар, рассоми моҳир. Ӯ да шаҳри бостонии Самарқанд ба дунё омадааст. Дар ҳамин ҷо соли 1938 омӯзишгоҳи рассомиро хатм намуда, як умр ба ин касб содиқ мондааст. Вай дар ҳама ҷо,

дар хар гуна вазъият мӯқаламро аз худ дур накарда ҳама лаҳзаҳои зиндагӣ: бадиву некӣ, дарду гам, шодию идро ба риштаи тасвир кашидааст. Ҳаёти ин марди ҳунарманд худ як таърихи нохондаест ва хар як шунавандаро мутаассир мекунад.

Айёми бачагӣ вай бехабар аз ояндаи худ ба даст қалам гирифта, манзараҳои атроф ва симои одамони наздикашро рӯи қоғаз меовард. Ва ин ҳол бобояшро, ки марди диндор буд, дарғазаб мекард. Боре ӯро дар сари кор дида, ба рӯяш шаппотие зад, ки дувумбора ин корро накунад, ки суратқашӣ дар мусулмонӣ гуноҳ аст. Аммо бачаи дилбохта аз роҳаш намегашт. Аз волидон пинҳонӣ суратқаширо давом медод. Баъд чанг сар шуду ӯ ихтиёрӣ ба фронт рафт. Рӯзҳои аввали ҷанг барои аскарони мо хеле гарон афтода буд. Душмани сартопо мусаллаҳ онҳоро фишор дода, ба акибнишинӣ маҷбур мекард. Ва яке аз рӯзҳои нахс ӯ дар муҳорибаи шадид маҷрӯҳ шуду асир афтод. Ва рӯзҳои мудҳише дар ҳаёти ӯ оғоз ёфт. Душман ӯро ба Олмон бурд. Рӯзона дар ҷангалзор кор мекарду шабона аз посбон пинҳонӣ сурат мекашид. Боре ӯ сурати посбонро мекашид, ки ба даст афтод. Сарбози немис сурати худро дида ҳайрон монд ва аз ҳунари рассоми худодод мафтун гашта, ҷои ин воқеаро ба командири худ арз кардан. Рӯзи дигар барои ӯ дафтарчаи суратқаширо ҳадя овард. Рассоми ташна. ки барои суратқашӣ коғаз мекофт, аз ин тӯҳфаи душман хеле шод гашт...

Баъди чанд рӯз дафтарча аз сурат пур шуд. Рӯзе соҳибмансаби немис ҳангоми кофтукови навбатӣ ӯро ёфт ва рассомро ҳамроҳи худ ба кабинет бурд, ҳама асирон бо нигоҳи маъюсона ӯро гусел карда, гӯё видоъ мекарданд. Аммо гайричашмдошти онҳо соибмансаб дар кабинет дафтарчаро варақгардон карду ба манзараҳои диёри худ, симои асирон ва посбонон зеҳн монда, табассум кард ва рассомро ҷавоб дода гуфт:

— Ҳамин, ки ҷанг ба охир расид, дафтарчаатро бозмегардонам.

Ӯ ин гапро бо дили пур гуфт ва гумон дошт, ки имрӯз ё пагоҳ ҷанг ба фоидаи онҳо меанҷомад. аммо рассом дигар ӯро надид. Чунки ӯро ҳамроҳи асирони дигар ба Польша оварданд ва ӯ вазъияти муносибро ёфта гурехт ва ба катори партизанҳои дивизияи Ковпак, ки дар ҳамон наздикиҳо амал мекард, ҳамроҳ шуд..

Ҷанг ба охир расид. Ӯ ба ватан баргашт ва бо дили пур боз ба суратқашӣ пардохт. Аммо ин осоиштагӣ дер давом накард. Ав-

вал ӯро ба идораи КБД чег зада пурсучӯ карданд, ки вай чаро асир афтод ва дар асирӣ чӣ кор мекард. Ва дере нагузашта ӯро шабона аз хонааш бурда, ҳабс карданд.

Панҷ соли маҳбусӣ дар шаҳри Қараганда гардиши куллие шуд дар ҳаёти вай. Ӯ дар он ҷо бо одамони гуногун: рассомон,олимон ва генералҳое, ки мисли ӯ бегуноҳ хабс шуда буданд, шинос, аз сӯҳбати онҳо баҳра мегирифт.

— Он солҳо басо мудхиш буд, — гуфт вай ҳангоми сӯҳбат бо чашми пуроб, — замони зӯроварӣ ва беадолатӣ буд. Мо маҳбусон ҳама медонистем, ки бегуноҳ маҳбусем. Охир ҷанг бе асир намешуд-ку?! Дар тамоми дунё замони ҷанг новобаста ба худ аскарон асир меафтанд ва баъди ҷанг озод мешаванд, ба истиснои онҳое, ки ихтиёран худро асир кардаанд. Дар маҳбас мисли ман бегуноҳ аз озодӣ маҳрум шудагон бисёр буданд. Яке аз онҳо олими физик, академик Н.В.Краснов буд. Вай ба мо ҷавонон доимо насиҳат мекард, ки рӯҳафта нашуда худамонро эҳтиёт кунем, ки дар оянда барои халқу Ватан лозим мешавем ва ин беадолатиҳо муваққатист ва рӯзе офтоби адолат ҳатман рух хохад намуд.

А. Ҳайдаров ба ин мазмун сурате кашида, дар он маҳбусон шабона ба ҷое равонанд ва аз дурии дур офтоб тег зада истодааст. Вай дар маҳбас ҳам аз суратқашӣ даст накашидааст. Суратҳои кашидаашро дар ҷойҳои махсус пинҳон мекард, чунки дар хабсхона сурат кашидан манъ буд. Дере нагузашта коркунони ҳабсхона аз ин огаҳ шуданд... ва минбаъд супориш медоданд, ки сурати коркунони фаъолро барои тахтаи пешсафон кашад. Ин кори ӯро қадре осон кард. вай ҳар суратро ду нусха тайёр мекард: яктоашро ба онҳо медоду дигареро барои худ нигоҳ медошт. Ва онҳоро одамоне, ки аз ҳабс озод мешуданд, пинҳонӣ бароварда ба завчаш гусел мекарданд. Қисми асосии намоишеро, ки дар боло зикр кардем, хамон суратҳо ташкил медиханд. Ман ба суратҳо назар меафканам. Ҳамаи онҳо бо мурури замон зард гаштаанд. Дар он одамони гуногунчеҳра гамгину маъюс кашида шудаанд: яке ба дуродур нигоҳкунон гӯё касеро интизор аст, гурӯҳе аз маҳбусон саф кашида сӯи коргоҳ равонаанд, дар сурати дигаре марде дар дами ҷонканисту чанд тан дар атрофи ӯ сархаманд. Ба суратҳо менигараму худамро дар ҳолати ногуворе ҳис мекунам. Чашмони ғамгину азобкашида илтиҷоомез рост ба ман нигоҳ мекунанд...

— Вақте ки ман аз маҳбас озод шудам, шарм мекардам, ки ба кӯча бароям. Аз таънаи одамон метарсидам, чунки дар байни мардум овоза шуда буд, ки гуё ман дар чанг хоинӣ карда бошам, — гуфт ҳамсӯҳбатам дар охир.

— Маро аз ҳабс озод карда бошанд ҳам сафед накарда буданд. Гӯё ман барои гуноҳам ҷазо дидам. Он ноадолатиҳо ба рӯи ман мӯҳри хоинро гузошта буд. Шабҳо азоби рӯҳӣ мекашидам, тақдири бади худро лаънат мехондам. Гумон мекардам, ки кашидани ин бори гарон маро ба вартаи ҳалокат мебарад. Ва фақат моҳи августи соли 1989 фахмидам, ки бегуноҳии маро комиссияҳои махсус иқрор шудаанд. Дер бошад ҳам бори аввал тӯли ин чанд сол нафаси озод кашидам. Бори гароне аз китфам дур шуд.

Ӯ хомӯш монд.

Чунин хомӯшии вазнин дар хаёти ӯ бисёр рух додааст. Соли 1949 ҳангоме ки ӯро ҳабс карданд, дар Тошканд, намоиши асарҳои ӯ оғоз ёфта буд. Чун хабари ҳабс шудани ӯро фаҳмиданд, дарҳол тасвирхояшро ба завҷааш баргардонданд. Ҳамсари гирёну нолон ин хабарро ба ӯ расонд. Вай фақат ғамгинона сар ба зер афканду чизе нагуфт. Замоне буд писаронаш ҳини пур кардани ин ё он ҳуҷҷат ба саволи "Оё дар оилаатон касе ҳабс шудааст" аз ӯ посух мехостанд, хомӯш мемонд. Намедонист чӣ ҷавоб диҳад. Ба "ҳа" гуфтан забонаш намегашт, чунки ӯ бегуноҳ буд...

Ин буд шаммае аз рӯзгори ҳунарвари асил Ашӯр Ҳайдаров. Шояд хонандагони гиромӣ номи ӯро бори аввал мешунаванду мусаввараҳои ӯро надида бошанд. Чунки дар чумҳурии мо ба ин намуди санъат кам аҳамият медиханд. Айб аст, ки то ҳол мо дар Душанбе золи махсусе надорем, ки тез-тез намоиши асарҳои ин гуна ҳунарворонро ташкил карда, аз санъати дилошӯби онҳо баҳра намебардорем.

А.Ҳайдаров чеҳраҳои одамони бузург — Рӯдаки, Сино, Раҳим Ҳошим ва дигаронро кашидааст, ки ба гуфти худи ӯ аз назари тамошобинон дур дар таҳхонаҳо чанг зер кардааст. Мусаввараҳои вай дар намоишгоҳҳои Москваю Ленинград ва мамолики хориҷ Эрон, Ҳиндустон, Олмон, Италиё, Белгия, Португалия ва минтақаи Африқо дар атрофи худ харидорони зиёдеро гирд овардааст. Вале дар чумҳурии худаш мардум аз эҷоди ӯ пурра огоҳ нестанд.

Равшани Махсумзод

ВОҚЕАИ ФАРАҲБАХШ

Намоиши асарҳои рассоми тоҷик Илья Рахнаев ва Ашӯр Ҳайдаров, ки чанде қабл дар музеи вилоятии санъати тасвирӣ баргузор гардид, дар ҳаёти мадании шаҳри бостонии Самарқанд воқеаи фараҳбахше буд.

Ҳаёт ва эҷодиёти ин нигорандагон бо таърихи Самарқанд аз чанд ҷиҳат пайванд аст, бинобар ин намоиши мазкур як навъ ҳисоботи рассомон дар назди мардуми ҳунаршиноси ин шаҳри қадима буд. Бо вуҷуди гуногунии услубу тарзи қаламронӣ ин ду рассоми моҳирро як сифати умумие, ки муҳаббат ба тасвири мавҷудоти воқеӣ номидан мумкин аст, муттаҳид менамояд. Ин ду эҷодкор дар тӯли тамоми роҳи фаъолияти эҷодии худ дар сари он ақида устуворанд ва афзалияти асарҳоро дар мӯътамадӣ бидуни санадҳои он мебинанд.

Ашӯр Ҳайдаров ҳунарманди шинохтаи услуби таърихии нигориш буда, дар тасвири вокеияти конкретӣ ба дастовардҳои боэътимод ноил гардидааст. Ҳайдаров муддате дар омӯзишгоҳи рассомии шаҳри Самарқанд кор карда, ба принципҳои эҷодие, ки аз устодонаш Л.Бурэ, З.Ковалевская ва П.Беньков омӯхта буд, як умр содиқу вафодор аст. Урфу одат ва хулқу атвори мардуми Самарқанди бостонӣ ва муҳаббати бепоёни таърихи Шарқ дошта аш асоси асарҳои калони дар мавзӯи таърихию революционӣ эҷодкардаи ӯ гардидаанд.

Дар тавлиди мусаввараҳои таърихӣ А.Ҳайдаров ҳамеша мекӯшад, ки аз тамоми сарчашмаҳои таърихӣ, материалҳои архиву музейҳо ва ҳуҷҷатҳо фаровон истифода намояд. Мавзӯи асарҳои таърихиро корнамоиҳои халқи қаҳрамон ва пойдоршавии Ҳокимияти Советӣ дар Осиёи Миёна ташкил мекунанд. "Сарнагуншавии Аморат", "Инқилоби Бухоро", "Беки охирин", "Корномаи Алӣ Акбар Абдураҳмонов" мусаввараҳои таърихианд.

Таърихи халқ ва анъанаҳои маданӣ таркиби ҷудонашавандаи расмҳои ӯ буда, дар асарҳои ҷудогонааш равшан инъикос ёфтаанд. Портрети беҳтарин актёрони тоҷик, чун М. Исоева, Г. Сафаралиева, Г. Абдуллоева, З. Аминова ва чанде дигарон низ ба қаламӣ ӯ тааллук доранд.

Табиати хушманзараи Тоҷикистон диққати рассомро ба худ мекашад. Ҷустуҷӯ ва сафарҳои чандинкаратаи эҷодии ӯ ба гӯшаву

канори республикавиамон боиси тавлиди асарҳои манзаравӣ гардидаанд, ки намоёнашон сурат-манзараҳои "Помири шарқӣ", "Хиргоҳ", "Қаторкӯҳҳои Помир" мебошанд. Дар ин пейзажҳо Ҳайдаров тавонистааст, зебоию назокати табиати дилфиреби кишварамонро ҳамчун рассоми касбӣ ситояд.

А.Ҳайдаров иштирокчии фаъоли бисёр выставкаҳои республикавӣ буда, бехтарин асарҳояш дар музеи шаҳрҳои Москва, Омск, Горкий, Воронеж ва Самарқанд маҳфузанд. Выставкае, ки соли гузашта ба намоиш гузошта буд, аз эҷодиёти баркамоли ӯ шаҳодат медиҳад.

Илья Рахнаев бошад, дастпарвари Институти театрӣ-рассомии шаҳри Тошканд ба номи А.Н.Островский аст. Табиист, ки маҳорати хуби рассомӣ ба ӯ имкон додааст, портретҳои ходимони маданият, қаҳрамонҳои меҳнат ва саноати Тоҷикистонро тасвир намояд.

Сараввал Рахнаев фаъолияти худро аз сиёҳқалам сар карда, ба бисёр маҷаллаю рӯзномаҳо ҳамкорӣ намуд. Асарҳои "Байраки сурхи сайёр", "Дар замони хурд", "Декрет дар бораи сулҳ" аз истеъдоди вай гувоҳӣ дода, ғояҳои сулҳу дӯстӣ дар онҳо таҷассум ёфтаанд.

Ҳангоми сафарҳо ба деҳаҳои дурдасти республика рассом ба зебоӣ ва манзараҳои аҷоибу гароиби он ҷойҳо майл карда, хусусиятҳои махсуси гӯшаро бо шавқи зиёд тасвир мекунад. Аз ин ҷост, ки ба пейзажҳои ӯ бештар ручӯҳои лирикӣ хос аст. Соли 1983 Рахнаев барои тасвири шоҳроҳи БАМ, ки он ҷо тоҷикписарон ҳам меҳнат мекарданд, силсилаи расмҳои манзаравиро ба вуҷуд овард.

Асарҳои И.Рахнаев дар Австрия, Италяву Бельгия, Афғонистону Туркия ба намоиш гузошта шудаанд. Ӯ кӯшиш дорад, портретҳои аввалин комсомолони республикаро пешкаши мухлисони санъати тасвирӣ намояд.

Эҷодиёти Рахнаев ва Ҳайдаров ва дигар рассомони тоҷик аз сахифаҳои таърихӣ, меҳнатӣ ва маданиии ҳаёти республика бо услуби ба худ хос ҳикоят мекунанд. Намоиши мазкур, ки рассомони тоҷик ба шаҳри қадимаи соҳили дарёи Зарафшон, ба намоишгоҳи музеи вилоятии Самарқанд фиристодаанд, тӯҳфаест ба ин мардуми санъатпарвар.

Л. ДОДХУДОЕВА

СЕҲРИ ҚАЛАМИ ОРЗУОФАРИН

Саргузашти начибеву сарнавишти гайриоддие ӯро насиб гашта будааст. Кас ба рӯзгору зиндагии пурташвиши рассоми шинохтаи тоҷик, шодравон Ашӯр Ҳайдаров ошно гашта ангушти ҳайрат мегазад. Ҳайрон мешавад ва хоҳу нохоҳ ба худ суол медиҳад? Чаро чунин мардони сарсупурдаи миллат, фидоиёни роҳи маърифату фарҳанг кам ёд мешаванд. Охир Ашӯр Ҳайдаров аз қабили он рассомонест, ки маҳсули қалами ӯ, мусаввараҳояш кайҳост, ки берун аз чумҳурӣ, ҳатто дар хориҷа осорхонаву намоишгоҳҳоро зебу оро медиҳанд.

Лаҳзае ки ҳамсари ӯ холаи Сарвар ва духтараш Мавлуда номаеро ки аз чумхурии Олмон фиристодаанд ба ман нишон доданд, ҳайратам дучанд афзӯд. Баъди шиносоӣ бо нома ба шигифт омада, хурсанд шудам, ки ҳамдиёри мо, рассоми тоҷик Ашӯр Ҳайдаровро дар Олмон менишохтаанд. Дар мактуб гуфта мешуд, ки чандин сол аст, ки дар яке аз калонтарин осорхонаҳои Олмон выставка-намоиши асарҳои рассом Ашӯр Ҳайдаров ба маърази тамошо гузошта шудааст. Ҳамчунин тарҷумаи ҳоли ӯ дар энциклопедияи санъати ҷаҳонӣ дар шаҳри Олмон, соли 1998 аз чоп мебарояд. Баъди мутолиаи мактуб хостам ба расму кашидаҳои рассом аз наздик ошно шавам. Гуфтанд, ки беҳтари махсули қаламаш дар хонааш нигоҳ дошта шудааст.

Акнун мо дар хонае, ки якваҳтҳо дар он худи Ашӯр Ҳайдаров кору зиндагӣ мекард, дар ҳалкаи фарзандонаш будему расмҳои ин марди зиндаёдро як-як тамошо мекардем. расмҳо-мусаввараҳои зебову таърихӣ амсоли таърихи кӯҳани диёр пеши назари бинанда гузоштаи дурро ба ҷилва меоваранд.

Дунёи дигаре бо тамоми шукӯҳу шаҳомат, зебоиҳояш ба забон омад.

Чеҳраҳои гӯё, манзараҳои нотакроре, ки рӯи тоблу бо тасвир омадаанд, гувоҳи он буданд, ки Ашӯр Ҳайдаров рассоми хушсаликае будааст.

Мусаввараҳо хеле зиёданд. Ва ман бо диққат ба яке аз онҳо менигарам: "Субҳи кӯҳистон"-и амали рассом А.Ҳайдаров соли 1981.

Чӣ тасвири табиӣ, ба дил наздике, хаёл мекунӣ, ки дар миёни кӯҳсорон дар интизории субҳи содиқ истодай. Нишебу фарозҳои кӯҳистон амсоли сарнавишти пурфоҷиаи фарзандонаш талху са-

бақомӯз аст. Дар талу пуштаҳо алафҳои зарду хушкшуда ба назар мерасанд. Аз ҷонибе чашмаи беобе ҳасрат дораду аз тарафи дигар дарахтони бесоҳиби барвақт шикаставу фаромӯшшуда дар фиғонанд. Хонаҳои пастаки гилину сангини танҳо гӯё то ҳол дар интизори соҳибони худ роҳ мепоянд.

Ин дам субҳ медамад, субҳи босафои кӯҳистон, дараҳо аз нав мунаввару зебо мешаванд, пардаи ҳарире амсоли чодари наварӯсӣ атрофро фаро мегираду кабкон ба хониш меоянд. Аз субҳи нав дарак медиҳанд.Ҳамаи ин лаҳзаҳоро рассом чунон моҳирона ба риштаи тасвир кашидааст, ки ҳайрон мемонӣ. Аз назари борики ӯ лаҳзаҳаке пинҳон намондааст.

Дар дигар расмҳои АшӯрҲайдаров аз қабил "Қаратоғ", "Нисфирӯзӣ дар кӯҳистон", "Абуалӣ ибни Сино", "Арӯс", "Модар", "Шаб дар чарогоҳ", "Молчаронӣ, "Гулҳои баҳор", "Бегоҳӣ", "Ватан ва фарзандон", "Дунёи умед" ва ғайра низ зиндагӣ бо ҳама ҳусну қубҳаш, талхиву ширинияҳояш тасвир ёфтааст.

Аз тамошои расмҳо бори дигар равшан маълум гашт, ки диққати Ашӯр Ҳайдаровро бештар ҳаёти мардуми Самарқанди бостонӣ ба худ кашидааст. Зеро худи рассом дар ин гӯшаи афсонавӣ ба дунё омада, замони бачагӣ, мактабхонии вай маҳз дар Самарқанд сипарӣ гаштааст. Ашӯр Ҳайдаров аввал дар омӯзишгоҳи рассомии шаҳри Самарқанд таҳсил кардааст. Пеш аз оғози ҷанг ӯ аллакай чун рассоми ояндадор шинохта мешуд. Устодаш яке аз мусаввирони машҳур Бенков аз нахустин расмҳои Ашӯр пай бурд, ки ӯ дар интихоби шогирд хато накардааст. Ашӯри ҷавон пайваста меомӯхт. Вай баъдтар санъати рассомиро аз З. Ковалевская, Л. Бурэ барин устодони бузург омӯхта фаҳмид, ки рассомӣ шуғли осону ҳазл нест. Балки ба мусаввир лозим меояд, ки тамоми умр заҳмат, бехобию ранҷ кашад, паи офариниши акс ё мусавварае умрашро ҳазон кунад. Вале ӯ аз мушкилотҳо наҳаросид ва умри азизи хешро бо ин пешаи пурифтихор ба таври ҳамешагӣ пайваст. Роҳи эҷодии Ашӯр Ҳайдаров тахту ҳамвор нест. Ӯ солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ аллакай чун афсар-лейтинант дар сафи пеши фронт, дар майдони ҷанг буд. Ордену медалҳои то ин дам ёдгор мондаи ӯ гувоҳи онанд, ки А.Ҳайдаров дар фронт чун тоҷикписари диловар корнамоиҳои зиёде нишон додааст.

Дар айни ҷӯши ҷанг соли 1942 ӯ дар ҷанги нобаробар захмдор шуда асир меафтад. Баъди чанде вай бо як гурӯҳ хамяроқонаш ба

асирӣ гурехта бо партизанҳои Полша якҷо мешавад. Баъди ба охир расидани ҷанг ӯ бо сари баланд ба диёраш баргашта боз паи эҷод, шуғли дӯстдоштааш мепардозад. Дар ин давра як силсила асарҳои калонҳаҷм эҷод карда мехоҳад, ки дар намоиши осорҳои рассомон ширкат варзад.

Вале чанде аз одамони нотавонбин дар ҳаққаш тӯҳмат карда, аз болояш ба НКВД мактуби шикоятӣ менависанд. Ӯ боз ба тӯҳмат гирифтори маҳкама мешавад. Аз маҳкама чандин маротиба ба органҳои болоӣ муроҷиат мекунад, бегуноҳии худро нишон медихад, вале ба додаш касе намерасад. Ва Ашӯр Ҳайдаров аз соли 1949 то соли 1955 дар маҳкама мемонад.

Ҳини дар маҳкама буданаш вай як силсила расмҳо эҷод кардааст, ки аз ҳаёти маҳбусон ҳикоят мекунанд. Ин расмҳо ҳоло ҳам дар бойгонии Ашӯр Ҳайдаров маҳфуз мебошанд. Дар ин мусаввархо бештар симоҳои маҳбусон - онҳое, ки бо тӯҳмату бӯҳтон дур аз ватан, ёру диёр афтодаанд акс ёфтаанд. Ашӯр Ҳайдаров аз соли 1955 то дами маргаш яъне қариб зиёда аз 30 сол роҳбарии шӯъбаи рассомии Иттифоқи рассомони Тоҷикистонро ба ӯҳда дошт.

Солҳои 60 ва 70-ум давраи авҷи камолоти эҷодии ин рассоми чирадаст буд. Ӯ маҳз дар ҳамин давра бо ҳамроҳии мусаввирони ҷумхурӣ, Сафронов, Мухин, Боборикин, Зуҳур Ҳабибуллоев дар як саф истода асарҳои арзишманде ба майдон овардааст. Аввали солҳои 60-ум Ашӯр Ҳайдаров бо ҳамроҳии рассомон С.Захаров ва А.Абдураҳмонов ба сафари эҷодӣ баромада ба кӯҳистони Бадахшони офтобӣ меояд. Ӯ ки дӯстдори табиат, олами нотакрори кӯҳистон, манзараҳои зебо буд, мехоҳад дар ин мавзӯъ асарҳои нав таълиф намояд. Ӯ дар кӯҳистони Бадахшон зиёда аз ним сол заҳмат кашида силсилаи калони расмҳоро бо номи "Манзараҳои Помир" ба вуҷуд овардааст.

Ин расмҳои ӯ аз ҷониби дӯстдорони санъати тасвирӣ, муҳаққиқон баҳои баланд гирифта худи А. Ҳайдаров чун ифшогари манзара, тасвири табиат, эътироф гардид.

Бояд қайд кард, ки Ашӯр Ҳайдаров истеъдоду санъати худро дар тамоми жанрҳои санъати рассомӣ бараъло нишон додааст. Ӯ на танҳо дар офаридани манзараю тасвир, балки дар иншои портрету симои шахсиятҳои таърихӣ низ соҳиби саликаи накӯе мебошад. Аксҳои "Қумандон Афзалӣ", "Сарнагун шудани Амир",

“Ибни Сино”, “Ҷӯрабек Муродов”, “Симои модар”, “Лайло Шарифова”, “Робиаи Балхӣ”, “Шамсӣ Қиёмов”, “Падарон” ва ғайра аз он башорат медиҳанд, ки мусаввир дар офаридани симоҳои таърихӣ, шахсиятҳои фарҳангӣ низ рағбати зиёде доштааст.

Масалан, ӯ алломаи Шарқ Абуалӣ ибни Синоро дар миёни шогирдонаш хеле боварибахшу табиӣ ба риштаи тасвир кашидааст. Дар ин ҷо ибни Сино танҳо нест. Ӯ дар ҳалқаи пайравонаш машғули таълими омӯзиш қарор дорад. Нигоҳи ӯ, амалу рафтораш гувоҳи он, аст, ки дар оянда низ чароғи маърифат, илм хомӯш нест. Балки ин чароғро чун ҳидоятгари дилҳо, қалбҳои ҳазорон ихлосмандони ин аломма шогирдонаш ба фардо мебаранд. Яъне дар ин расм бузургӣ, фурӯтанӣ ва орзую омоли ибни Сино ба таври барҷаста ҳувайдо гаштааст...

Ашӯр Ҳайдаров дар зиндагӣ соҳиби бахти баланде буд. Ӯ соҳиби дах фарзанд мебошад. Ҳамаи онҳо соҳиби маълумоти олӣ буда, имрӯзҳо дар соҳаҳои мухталиф кору фаъолият доранд. Писараш Ҷалолиддини ғуррамарг мехост, шуғли падарашро идома дихад. Ӯ нав акнун нахустин аксҳо, расмҳои кашидаашро ҷамъ мекард. Мехост намоишнома созмон дода, онҳоро пешкаши ҳаводорони санъат намояд. Вале сад афсӯс, ки орзуҳои вай нотамом монданд Ҷалолиддин дар синни 23-солагӣ дунёро падруд гуфт...

Ҳоло қабри рассоми мардумии ҷумхурӣ, ходими шоистаи санъат Ашӯр Ҳайдаров дар оромгоҳи Сари осиёби пойтахт ҷойгир мебошад. пайвандону шогирдонаш атрофи оромгоҳи ӯро ободу хуррам намудаанд...

Дар водии хомӯшон оромии ҳузнангезе ҳукмфармо буд. дар инҷо касе набуд. Оромии атрофро танҳо гоҳ-гоҳе садои хониши гунҷишкон халалдор мекарду халос. Қабри ин марди зиндаёд аз дур чун дар кафи даст менамуд. Агар ӯ имсол зинда мебуд ба синни мубораки 85-солагӣ қадам мезад. Ин дам дар фазои беканор парандагони хушбол ба парвоз омаданд. Онҳо мехостанд, баландтар дуртар парвоз намоянд. Барои ин қанотҳои худро калон кушода ҳаворо убур мекарданд. Ин дам пеши назарам аксҳо, мусаввараҳои рассом ба ҷилва омаданд, боз ҳамон мусаввараи зебои “Субҳи кӯҳистон”-ашро дидам. Дар он расми ӯ ҳам кӯҳистон, кӯҳу дарё ва осмони мусаффо буд ва парандаҳо бол мекушоянд ба диёри дур, ба мулки орзуҳо.

М. САЛИМ.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАДЖИКСКОГО ХУДОЖНИКА А. К. ХАЙДАРОВ

Жизнь и творчество таджикского художника старшего поколения Ашура Карабаевича Хайдарова прочно связаны с историей и современностью республики.

Родился живописец в Самарканде в 1916 году. Любовь к рисованию у него появилась рано, и еще в детстве зародилась мечта стать художником. Родители, видя увлечение мальчика, не препятствовали ему. окончив семилетку, он поступает в 1933 году в художественное училище в родном городе, где ведущим педагогам в то время был талантливый советский живописец П.Беньков; преподавали там также известные художники З.М.Ковалевская и Л.Л.Бурэ. Это дало возможность будущему художнику пройти хорошую профессиональную школу. У Бенькова Хайдаров научился неутомимости познания нового, трудолюбию, искусству живописи.

Годы учебы прошли незаметно. Упорная работа привела к созданию первых полотен жанрового характера, которые, однако, не удовлетворяли художника. Он понимал, что обладал далеко не всеми секретами мастерства, что еще многое не познано. Он наблюдал природу, стремясь к постижению тайн ее красоты, наблюдал жизнь. Молодого живописца можно было увидеть на крыше мечети и в лощинах гор, на базаре и далеко на окраине города. Сохранилось немало этюдов, эскизов, просто карандашных зарисовок, которые в дальнейшем послужили рабочим материалом и оказали огромную помощь в решении сюжетов его больших исторических полотен. Дело в том, что с детства наряду с искусством юный Ашур увлекался историей. Он изучал особенно пристрастно революционную историю своего народа, события которой разворачивались у него на глазах. Он помнил время борьбы за Советскую власть в Узбекистане, помнил как бесчинствовали басмачи, как дерзко боролись женщины Средней Азии за свое равноправие, как шли они учиться, снимали с себя постылую паранджу. Все это оставило неизгладимый след в памяти наблюдательного подростка, побудило впоследствии к созданию полотен исторического характера.

И, будучи совсем молодым художником, в конце 1930-х начале 1940-х годов Ашур решил создать цикл работ, посвященный женщинам советского Востока. Много подготовительных рисунков, эскизов, этюдов с натуры были сделаны прежде, чем появились первые картины, посвященные раскрепощению женщин Азии.

Работу над ними прекратила Великая Отечественная война. Ашур Хайдаров становится воином Великой Отчественной войны, участником которой он был с 1941 по 1945 год. Но и в сложных армейских условиях живописец рисовал, делал карандашные портреты своих боевых друзей.

Великая Отечественная война закалила характер художника, оставив в памяти неизгладимый след. Об этом свидетельствуют многие рисунки, зарисовки военного времени.

После ранения и демобилизации Хайдаров некоторое время жил в Самарканде. С 1955 года его жизнь и работа связаны с городом Душанбе. С 1957 года он становится членом Союза художников Таджикской ССР и участвует в молодежных выставках, проводимых в республике.

Что же определило дальнейший творческий путь художника? На это можно ответить словами самого живописца: "Узнавание всего, что оставили жившие до нас, вызывает у любого человека ощущение и твоей нужности на земле. Это великое, необходимое людям чувство. Этому учил меня мой учитель П.Беньков, это подтверждается жизнью".[1]

Живописец со всей присущей ему страстностью продолжает глубоко изучать историю Востока, России. Он вновь возвращается к мысли о создании цикла работ, посвященных революционным страницам истории Таджикистана.

Очень большую, если не сказать, решающую роль в формировании творчества художников поколения 50-60-х годов, к которому относится Хайдаров, сыграли всесоюзные молодежные выставки. Молодые художники обрели возможность выступать вместе, учиться друг у друга, выражать свое отношение к окружающей жизни. Это, как известно, было время подъема советского изобразительного искусства, его активного обращения к жизни народа, его труду, время поиска новых средств выражения слож-

[1] Из беседы автора статьи с художником осенью 1982 г.

ных сторон жизни. И эти молодые художники — участники выставок — потом, через несколько лет, во многом стали определять лицо советского искусства в республиках, также и в Таджикистане. Здесь имеетя в виду прежде всего плеяда живописца, с которыми учился Хайдаров, таких, как А.Абдуллаев, И.Абдурахмонов, В.Лисиков, А.Матасов, М.Мухин, М.Нуритдинов, Р.Тимуров, М.Шипулин. Многие из них прошли войну. Суровое время фронта и нелегкая послевоенная пора закалили и отточили талант этого поколения, сформировали их личности определили мировоззрение, что оказало свое решающее влияние на творчество этих художников.

В 60-е годы Хайдаров приступает к созданию ранее задуманного цикла "Женщины Востока". Снова живописец создает много подготовительных рисунков, эскизов, этюдов с натуры.

Одно из первых полотен — "Снятие паранджи" (1967)— изображает действие, происходящее на Регистане — знаменитой площади родного Самарканда. Эта большая многофигурная композиция убеждает своей достоверностью и жизненностью образов. Она, как и последующее полотно обнаруживает изучение автором традиций русской реалистической картины. Спустя несколко лет он снова возвращается к этой теме.

... 8 марта 1927 года. В этот день был провазглашен Декрет о Положении и Права женщин Средней Азии. "Худжум" ("Наступление") — таково название другой картины этого цикла (1973-1974). Изображается столкновение двух миров - старого и нового. Это основная идея данной многофигурной композиции. Ее центр строится на перекрестии взглядов женщины в гимнастерке и мужчины, изображенных на переднем плане. Образы контрастны.

М. Мавджудова.

Посвящаю современникам, пережившим то, что пережил я.

/А. Хайдаров/

Мир — это море. Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел.

Рудаки.

❁ ❁ ❁

Благоуханный рай для тех открыть,
Кто добрыми делами знаменит

❁ ❁ ❁

Были бы от зла сердца чисты,
Не знал бы мир ни распри, ни вражды

Джами.

ДЕТСТВО

Летом 1916 года, точнее в начале июля родился мальчик, это был я, а старше меня были брат Курбон и сестра Рохатой. Мы жили в городе Самарканде, у нас был свой дом и сад за городом, отец работал на фабрике рабочим, а мать домохозяйкой. в том же году отец покинул Самарканд и внезапно скрылся. Впоследствии он мне рассказал, что причиной было то, что тогда царская Россия закупала у баев и беков батраков и отправляла в глубь России, в Сибирь на лесозаготовку, в числе таких батраков был зачислен и мой отец. Он тайно перебрался из Самарканда на купеческих караванах, скитаясь по городам, а затем остановился в г. Чарджоу.

Спустя два года, после февральской революции в 1918 друзья тайно перевезли нас к отцу. Естественно обо всех этих путешествиях я не знал, потому что тогда мне было всего два годика.

Помню тот далёкий год с большими событиями, которые мы и весь наш город пережили, это стихийное бедствие, наводнение от буйной реки Амударьи, в 1921 году, весной.

Это стихийное бедствие произошло в апреле месяце, мне уже было пять лет. Наш дом находился недалеко от реки около 2-3 км. я очень хорошо помню, когда отец по лестнице переместил нас на крышу, потому что дом наш был на воде, мы просидели и проспали полторы суток на крыше, пока не приехали за нами на помощь. Помню, как к нам подплыла лодка, и были мужчины одинаково одетые в военной форме, которые спустили нас с крыши, посадили на лодки и поплыли в сторону улицы. Наш дом размещался по улице Пушкина 9, когда переправляли, на лодках нас было много, это были женщины, дети и старики. Мы постигали эти ужасы, а ещё я запомнил, как по воде плавали бараны, козы, коровы и прочие домашние животные, и какой-то мужчина в

резиновых сапогах погонял скот в сторону. Куры, гуси сидели на деревьях и с удивлением, с криками звали на помощь людей.

Мы плыли на лодках около трёх-четырёх часов, кругом было залито грязной, желтой охристого цвета водой, а вода всё прибавлялась и прибавлялась.

И, наконец, нас высадили возле большого каменного дома, который не был похож на наши глинные каркасные азиатские домики. Из главного входа дома выходили вооруженные военные люди. Я впервые увидел военных в сапогах и в длинных шинелях, на голове были шапки с длинными ушами, на лбу красная звезда, на левом боку висела шашка, а на другой стороне, на ремне держалась какая-то кожанная коробочка. Я долго смотрел и думал, может это табакерка или коробка, где носили инструменты, потому как раньше к нам приходили мастеровые с разными коробками.

У входа большого дома мы не долго сидели, как появился отец и сказал, что всё в порядке, он поднял меня на руки, и я вспомнил про эти коробочки, что носили военные, и спросил у него:

"А что у военных висели на поясе?".

Он странно посмотрел на меня, слегка улыбнулся и сказал:

"Что с левой стороны называется шашка".

"А с правой стороны?"

— " А это, сыночек, хорошая игрушка, называется наган (револьвер), а сам дядя, военный комиссар нашего города".

— "Папа, а кто он по национальности?" - я снова задал папе вопрос.

— "Этот дядя здешний туркмен, командир, он командует лашкарами, очень хороший человек",

— Он назвал его имя, но я не смог запомнить. Пока мы дошли пешком до какого-то большого здания, я услышал какие-то громкие, короткие и длинные звуки, хоть уши затыкай. Это здание было железнодорожным вокзалом.

Туда, где поместили мать, сестру, брата и меня еще подходили другие женщины, дети и старики. Папа подал маме сверток и сказал:

— "Накорми детей, ждите и никуда отсюда не уходите!"

Когда мы ели еду принесенную отцом, к нам подошла молодая девушка в белом халате, с белокурыми волосами и спросила у матери всё ли в порядке, а мать ответила:

— "Спасибо за заботу доченька, большое спасибо!" Она удалилась к другой группе семей.

— "Мама, что она сказала?" - спросил я.

— "Она спросила, не болеют ли дети, не страдают ли какой-нибудь болезнью, она наверное врач".

Мы ждали отца. К вечеру, на закате солнца, люди в зале ожидания стали куда-то перемещаться, и тут я увидел того самого дяденьку, высокого в длинной шинели. За ним шли несколько человек в шапках с длинными ушами, на лбу красной тканью были вшиты звёзды и на груди в рубашках и на шинели три с острыми концами красная ткань, на поясах висели шашки, а за спиной винтовки. Это были красноармейцы, они помогали детям и женщинам упаковывать вещи в мешки, в сундуки и т.д.

В это время в толпе показался наш папа, он подошёл к нам и поднял меня, а на другой руке держал мешок. Вышли мы на улицу и через некоторое время подошли к тем красным домикам с железными колесами, которые стояли на двух железных линиях.

Я всё думал, что это такое, задавал себе на ум. Дошла до нас очередь, и мы стали двигаться к этим красным домикам. Мама взяла меня за руку, за нами сестра и брат, и поднимались в домик. Папа тоже поднялся и рассадил нас в домике, где уже сидело много людей: женщины, дети и пожилые люди. Когда я смотрел вокруг этого домика, он был двухэтажный расставленный досками.

В верхнем этаже разместили мужчин и стариков, в нижнем женщин, и я с мамой, сестрой ибратом остались там. Отец попрощался с нами, поцеловал нас, обнял и сказал - "Ну сыночек, до свидания, я скоро за вами приеду, не скучайте". У меня на глазах появились слезы, и я стал плакать и сестра меня начала успокаивать. Тем временем папа уже стоял с товарищами перед нашим четырехколесным домиком, ждал, в это время вдруг слышу колокольные звонки два раза и наши длинные домики потихоньку тронулись с места. Слышны были длинные гудки и мы покатились така тук... под звук железных колес. Через некоторое время наш город исчез из поля зрения, стали переезжать большую реку Аму-

Дарьи, которая затопила наш дом и город. Когда я успокоился, после расставания с папой, мне мама дала в руку не помню то ли коржи то ли пряник и я стал есть.

"Мама, почему папа остался?"- спросил я.

"Так нужно, сынок,"- ответила мама и моя сестра объяснила, что наш отец и его товарищи пока останутся жить и работать в г. Чарджоу, чтобы помогать новым властям (они были мясниками - бойщики), поздней я узнал у отца, что они добровольно записались помогать рабочей - крестьянской Красной Армии. В то время ещё шла гражданская война, кругом банды басмачей, контрреволюционеров, которые пытались задушить молодую власть Советов. Красная Армия охраняла город и поселения от этих банд басмачей. Наш отец и его друзья работали более двух лет на бойне, резали скотину, снабжали мясом Красную Армию. Ему тогда было тридцать три года, он хорошо владел русским языком, и мог стрелять из винтовки.

Помню как-то до наводнения города, не знаю, что был за праздник, было народное гуляние и были конные скачки где отец участвовал на состязаниях, и с ходу на лошади выстрелив из ружья попал в мишень, и получил приз новый шелковый халат.

Мне было очень грустно без отца. После объяснения сестры причину пребывания отца в г. Чарджоу я спросил её:

— Рохат-сестра, расскажите как называются домики на которых мы едим, что нас везёт так быстро, неужели такие сильные лошади?

Сестра слегка улыбнулась и объяснила, что эта вся железная лошадь, как ты назвал, питается углем-огнём, а зовут его "паровоз", за собой тянет пятьдесят а то и сотни красные домики-вагончики.

Позже я узнал, что это состав товарных эшелонов-теплушек. Когда в нашей теплушке стало темнеть, зажгли фонарики, их было 2 штуки, и они качаясь, освещали нашу теплушку. По пути мы останавливались а потом опять в путь. Вдали мелькали огоньки и силуэты гор, деревьев и столбов. Любуясь всем этим и занятый своими мыслями я заснул возле мамы.

Наутро меня стали будить и сказали, чтобы я поел молоко с хлебом. Мы подъезжали к городу Самарканд Республики Узбе-

кистан. Через несколько часов наш поезд остановился возле большого здания, перед составом была высокая площадка, куда нас высадили и пошли к выходу. Сестра взяла меня за руку и пошла вперёд, а мать и брат Курбан шли позади. Нас встретили дедушка Султон-фойтонщик /извозщик/ вместе с дядями Рустамом и Азизом. Дедушка всю жизинь "был деньшиком" и у него были четыре лошади, фотоны. Сев в фойтоне мы поехали домой к бабушке.

ВНОВЬ В САМАРКАНДЕ

В Самарканде жили все наше родные с папиной и с маминой стороны. Когда мы приехали туда наши родные жили в махалле Мулло-каландар. Дедушка жил с бабушкой, у них было два сына, старший Рустам и младший Абдуазиз и ещё было три дочери, Старшую звали Музаффар, среднюю Мунаваз, а младшую Анвар. Дяде Рустаму было 17-18 лет, дядя Азиз был на два года моложе, они помогали дедушке. Двор и их хозяйство было большое: лошадь, коровы, куры. я часто катался на фойтоне, ездили к озеру или к речке, мыли лошадей и фойтон. Мы быстро привыкли к теплому уюту бабушки и дедушки.

Однажды летним ранним утром, дедушка зашел к нам в комнату и сказал:

— Ну дети, мои, одевайтесь и поедим гулять в город. Сегодня праздник Рамазан, это народный праздник.

Мы быстро оделись, сели на фойтон. Дядя Рустам был за кучера деньщика и поехали по переулкам к центру города в Регистан, где было много народу. Все были празднично одеты в ярких халатах, старшие по возрасту нередко одеты в белых чалмах. По узким переулкам проезжали арбы с нарядными верблюдами, одни закрытые для защиты от солнца, другие открытые. Помню одного мальчика, моего возраста, который сидел на белом осле с красным седлом, на шее которого висели колокольчики. Я долго смотрел за ним пока он не скрылся из виду.

— Ты что, Ашурджан поднялся? - спросил дедушка. — Кого увидел?

— "Вон того мальчика на белом и красивом ослике," - ответил я.

Подъехали к большому величественному Регистану, фойтон оставили на стоянке деньщиков, дядя Рустам остался с фойтоном. Мы прошли немного мимо гуляющей толпы, где продавали всякую всячину. Дедушка угощал нас сладким и холодным напитком Рохати-джон, изготовленным из кусочков льда политым шинни (так называется сок из тутовника) приготовленный особым методом. Было очень вкусно.

День был очень жаркий, и этот напиток как нельзя кстати утолил нашу жажду. Мы видели массу людей,которые забавлялись боем петухов. Мне малышу, которому шел уже шестой год, это развлечение очень понравилось. Через некоторое время мы пошли дальше и увидели несколько стариков с длинной бородой, загоревшими лицами, на голове длинные высокие кронами шапками с обмотанными желтыми и зелеными тряпками, на руках длинные палки и все халаты с наружи в заплатках разных цветов, которые пели весёлые и грустные песни. Я спросил у брата, — "Кто эти люди?" - тот пожал плечами, тогда я спросил у дяди Абдуазиза, на что он ответил:

Это божьи люди, они поют о народе, о религии, они воспевают поэзию поэтов Востока, их называют каландарами /дервиши-странники/.

Это навсегда осталось в моей памяти и в жизни потрясающем зрелищем. Спустя, более пятьдесяти лет, я написал картину "Мушфики в Бухаре", которая в настоящее время находится в Республиканском краеведческом музее им. К. Бехзода в г. Душанбе. Когда я писал эту картину, то все время вспоминал тех властных фонатиков, бродяг и других людей. Немного обошли площадь Регистана и повернули на улицу "Заргар" (ювелир). Мы подошли к тому месту, где масса народа окружала группу артистов, которых называли "Дорбозы" (канатоходцы). Эти артисты ходили по канату на высоте 15-20 метров и наверху выполняли разные акробатические трюки, кстати после Великой Отечественной войны в 1948 г. я написал картину "Канатоходцы", которой к сожалению, остался недоволен и она сейчас находится в краеведческом музее в г. Самарканде. Дорбозы эти люди своего рода были настоящими народными артистами, ездили по городам, развлекая народ показывали представления. Большая заслуга этих артистов, жонг-

леров, была в том, что они прививали воспитание к культуре, справедливости и нравственной гуманности. Когда началось представление канатоходцев, мой дед попросил какого-то седобородого старика, который, по всей видимости, наводил там порядок, проводить нас поближе, и он охотно это сделал. Дедушка посадил меня на колени и мне было все видно, как на ладони. Я сейчас не помню, о чем там говорили и пели, все это понять было не для моего возраста, но я с удовольствием смотрел, как канатоходец так ловко и быстро с длинной палкой пошел по канату вверх и вдруг остановился на крестовине узла, как на стартовой полосе и сверху стал говорить:

— "Люди добрые, все мы рабы божьи, да поможет бог, всем вам и нам радости, а мне счастье дойти до высоты Дорбоза, обращаюсь к Вам, отцы и братья, — вновь обратился к тому седобородому старику, который нас посадил впереди, и тот откликнулся отвечая: "Слушаю, сын мой".

Канатоходец обращался к народу ради справедливости, гуманности, счастья людям и в том числе мне и Вам отцу-Дорбозов кто сколько может подаяния, это меня вдохновит к высотам Дорбоза, да поможет мне бог-пророк Мухаммад совершить радость людям. После этих слов он встал вздохнув "Е пирам" (благословит мой учителя) и смело с длинной палкой пошел по канату, по пути делал блестящие акробатические трюки. Когда закончилось представление, мы с дедом пошли дальше. Навстречу шли два человека, которые вдруг остановились около уличного торговца. Они были хорошо одетые и тут начали бить торговца плеткой, ногой. Когда бедный торговец потерял сознание, те подняв поволокли его по земле, бросили и скрылись. Через некоторое время появилась конная милиция в темно-синих гимнастерках, которым не удалось их поймать. На мой вопрос — "Почему эти люди избили того торговца? — "Дед кратко ответил: "Эти люди из банды Курбаши, а причину когда вырастешь, узнаешь из истории. Я тогда не мог понять деда и не понимал такие тонкости, но старался не забыть. С тех пор прошло много лет, и потом узнал, что в то время банда Арислон-бека и Ачил-бека вербовали молодых людей, особенно бедных не грамотных бродяг в борьбе против молодого советского государства.

Спустя много лет, когда я повзрослел, мать рассказала про случай с отцом. Оказывается когда мне было несколько месяцев, и спал в колыбели, ночью ворвалась банда Арислон-бека, отца разбудили и ставили ультиматум. Когда отец спросил: "Что вы хотите от меня?" - один из бандитов сказал: "Именем Аллаха и Шариата Ислама ты должен взять оружие и драться против кофиров (не правоверных), если откажешься нам приказано расстрелять тебя, жену и младенца.

Отец долго не стал думать, принял их требования и ушел с ними. По рассказам матери он только один раз участвовал в краже дочери какого-то русского чиновника, украв девушку, доставил не Курбаши, а губернатору г. Самарканда, тогда русские власти взяли его и семью под защиту. Вот с этого начались преследования баев и беков нашего отца, причина зачисления в батраки на вербовку заготовки леса в Сибирь. Оставался один выход, скрываться. Он тайно уехал с караванщиками за берег Амударьи г. Чорджуй в 1916 г.... Так, наша экскурсия продолжалась дальше к Регистанской площади, где в очень ярких, цветных халатах, торговали, покупали. Были люди верхом на лошади, кто пешком, одним словом, это была настоящая живопись по последним нашим понятиям. Вспоминая это я очень жалею, что на лет тридцать раньше не родился художником, простите мои читатели за этакую вольность. Мы подошли к закрытому от солнца навесу — чайхане. Дядя Абдуазиз с дедушкой подошли к чайханщику и на подносе принесли чайник чая с лепёшкой, в белой фарфоровой чаше было "нишоло" — это сладкое повидло изготовленное из сахара с белками яиц и лимонным соком.

К вечеру, когда село солнце, мы пешком вернулись домой с подарками для наших женщин. Я с большой радостью рассказывал маме и бабушке обо всём, что увидел, также с сожалением о случае избиения торговца неизвестными лицами.

ЮНОСТЬ

В г. Самарканде однажды летним днем 1923 года, мы играли на улице и в это время мимо нас проехал фойтон. Мой друг узнал сидящего в фойтоне мужчину, это был мой отец. Когда он мне сказал это, я с большой радостью, изо всех сил помчался за ним и

догнал. я сел рядом с ним, он меня обнял крепко, и спросил как мы тут жили всё это время. От радости у меня на глазах появились слёзы и так в объятиях отца мы доехали до дома. Отец вошел первым и увидев дядю Абдуазиза попросил, чтобы он помог занести чемоданы. Мать, сестра и бабушка тепло встретили отца, у всех на лице сияла радость. Не прошло и полчаса как, дедушка с дядей Рустамом вошли во двор и крепко обнялись с моим отцом. На другой день я узнал у матери, что отец приехал за нами и что скоро мы опять поедим в г. Чорджуй. Действительно, вскоре мы покинули Самарканд и уехали в Чорджуй. Дом в котором мы поселились был куплен отцом у одного туркмена, двор был большой с садом. Мы жили хорошо, скоро отец обзавёлся хозяйством, купил корову с телёнком, которая давала по ведру молока. Дед нам отдал красивую лошадь золотистого цвета и ещё отец купил крупного осла. Меня с братом отдали учиться в мусульманскую школу при мечети. в этой школе были свои порядки. Там было большое помещение, а сидели мы на кошме и на коленях держали книгу, а впереди нас на мягкой курпаче /одеяло/ сидел наш Мулла-учитель, который держал в руках палку длинной в 2-2,5 метров, и иногда за нарушения дисциплины некоторых учеников сильно бил. Мы изучали Азбуку арабского языка, мне очень трудно доставался язык, и потому часто попадалось от учителя за незнание.

В 1924 г. когда мне исполнилось восемь лет, а брату десять отец, решил меня с братом забрать с этой школы и отдать в новую школу. В то время в нашем городе были русские, азербайджанские и татарские школы. Нас отдали в татарскую школу, где обучение было платное.

21 января 1924 году был объявлен траурный день, но мы, дети не знали что такой траур и ради чего он был объявлен. Отменили занятия и объявили митинг. Позже я узнал у старшеклассников, что умер В.И.Ленин, вождь пролетариата. В школе ученики, учителя были очень печальные и в тот день все очень суетились и спешили. Директор школы Шамиль Негматулин был одет в военную форму, и на левой руке была повязана красная лента с чёрной окантовкой. День был холодный, но солнце немного пригревало. Наша школа колонной направилась в центр города, где со-

бралось очень много народу, и все ждали открытия траурного митинга. Вокруг площади были расставлены отряды эскадрона красноармейцев. Под траурную музыку митинг был закрыт, и весь город разошелся. Когда мы с братом вернулись домой и рассказали родителям о том, что произошло на площади К. Маркса, отец сказал, что В. И. Ленин был великим человеком. Я никогда не забуду, того дня мне казалось, что весь мир оплакивал его смерть.

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ ДЕТСТВА

В сентябре месяце, из нашей школы, более одарённых ребят местной национальности стали отбирать для продолжения учёбы в техникумах, в педагогических училищах. Мой брат учился на два года раньше меня, и потому его зачислили на первый курс педагогического отделения, а меня в подготовительную группу. Учёба была на государственном обеспечении. Мы жили в общежитии, кормили хорошо, каждые десять дней один раз водили в баню. Обучение было на узбекском языке. Два раза в месяц разрешали навещать родителей. Наши учителя носили при себе револьвер для самозащиты от врагов Советской власти. в те годы на нашей земле свирепствовала гражданская война между властями Советов и врагами-басмачами. Часто происходили грабежи и разбойные нападения на мирных жителей со стороны этих врагов. Были случаи, когда басмачи крали детей и продавали их афганцам в рабство. Однажды я возвращался домой со школы и встретил по дороге своего родственника, который и поведал мне об этом. Сильно испугавшись я побежал домой. Мама заметила, мою бледность и спросила, не болен ли? Вдобавок к испугу я был ещё и голоден. Я поздоровался с дедушкой, который, облокотившись о подушку пил чай и ел лепёшку. Потом пришли мой отец и брат, и мы вместе поели жареное мясо с огурцами и помидорами. Отец начал рассказывать о разных случаях, в частности о еврейской национальности. Мне очень хотелось послушать, но брат Курбан попросил, чтобы я вместе с ним пошел кормить скотину. Тогда у нас было две коровы, один осел и ослик, которого мне отец покупал за четыре танга. У меня была забава часто его купал с мылом в речке.

Весна 1927 года. Лёд Амударьи тронулся, деревья стали оживляться, птички — чаще летать и мне казалось, что они веселились, как на празднике. Словом природа рождалась заново. Как сейчас помню, накануне женского праздника 8 марта, учительница сказала, что в этот день учиться не будем. На следующий день мы поздравляли наших девочек с этим праздником. Сбор был назначен в восемь часов утра на площади им. К. Маркса. Стадион был расположен в центре города, с одной стороны размещались казармы Красноармейцев, а с другой — стояла русская церковь и через дорогу был парк культуры и отдыха. Сзади колонны со всех сторон были выстроены вооруженные красноармейцы верхом на лошади, а по середине стадиона была трибуна построена из досок и натянутая красной тканью, где был написан лозунг "Да здравствует 8 марта, праздник солидарности и свободы женщин Востока". К нашему счастью наш класс находился очень близко к трибуне и мне очень хорошо было видно стоявших на трибуне. Тогда я играл на барабане, а мой одноклассник играл на трубе. После того, как прозвучал духовой оркестр, на трибуну поднялись несколько мужчин и одна женщина с открытым лицом. Она была либо русская женщина либо татарка. Меня заинтересовала эта женщина с открытым лицом, на которой была одета кожаная куртка, на голове красная косынка и, на боку, на ремне у неё висел револьвер. После недолгих выступлений мужчин в военной форме, эта женщина тоже поздравляла всех женщин Востока на узбекском языке. В её выступлении говорилось о бесправии женщин Востока. После её выступления все стали бурно аплодировать, заиграл духовой оркестр, а потом многие женщины начали подниматься на трибуну и сбрасывать с себя свою паранджу* в разгоревшийся огонь. В числе первой женщины я заметил свою маму, которая тоже сбросила с себя хорошую шелковую паранджу. я гордился своей мамой, что она одна из первых сбросила с себя паранджу, с другой стороны было жаль такую красивую шелковую паранджу. И тут же я подумал: а что скажет папа? Но всё обошлось. Оказываетя пап заранее знал об этом. Среди сбросив-

* Паранджа — это чадра, покрывало женщины закрывающее с головы до ног.

ших паранджу была только одна узбечка, остальные все таджички. Я попросил учителя, чтобы разрешил нам с братом подойти к маме, тот сказал, не забудьте поздравить с праздником и от моего имени. Спустя некоторое время, нас с мамой и ещё нескольких женщин посадили в фойтоны и увезли за город, где стоял самолет. я впервые увидел такую железную птицу, летающую в небо. Когда мы сошли с фойтона, к нам подошла та самая женщина, выступавшая на трибуне и сказала:

— "Мои дорогие женщины сейчас мы полетим, потому что вы заслужили такое внимание.

Вся группа женщин и я с братом сели в самолёт и через несколько минут мы оторвались от земли и взлетели в небо. Мама меня посадила около окна, мне было всё видно, я смотрел вниз и видел город. Я стал искать наш дом, но так и не нашёл.

Более полчаса кружился наш самолёт над городом Чорджуй. Когда вечером мы приехали домой на фойтоне, отец и дед встретили нас приветливо, делились впечатлениями. в те годы некоторые люди не понимали значение праздника 8 марта, относились сурово, считали, что это против мусульманского шариата. Это были те, кто был связан с бандой басмачей-разбойников, остатками контрреволюционных групп и фанатиков исламской религии. Как-то мама и моя сестра собрались поехать в гости к родственникам. Отец прислал извозчика своего близкого друга, звали его Сурен, был он толст, с густыми бровями и большим носом, во рту всегда держал трубку, и курил турецкий табак. У него были чёрные широкие штаны, и красная рубашка, на голове носил большую каракулевую папаху и говорил затяжным голосом. Когда мы сели в фойтон, мама с сестрой снова надели на себя паранджу. Не проехали более километра, как я не выдержал и спросил сестру:

— "Почему мама надела паранджу?

Мама сама ответила, что сейчас время опасное, кругом могут оказаться враги советской власти и пристрелить. Да, на самом деле так и было. Поздней я сам узнал и даже видел, как тысячи женщин бросивших паранджу стали жертвами того дня — 8 марта, их убивали мужья или фанатики. Подумать только, почти полутора тысячелетия придерживаясь традициями ислама женщины Востока были под паранджой и, вдруг, Советская власть, спустя де-

сять лет после образования без какой-либо подготовки ввела закон о раскрепощении женщин. По религии женщина не имела права с открытым лицом появляться где либо, тем более разговаривать с чужими мужчинами, показывать свои ноги и руки. В народе Востока был распространен такой анекдот: "Однажды Ходжа Насреддин приходит домой, жена стирает бельё, а петух соседа кукарекает. Ходжа Насреддин увидел это и как закричал на жену, мол тебе не грех видеть, как на заборе сидит соседский петух, и ударил жену". Вот что такое фанатизм ислама. Вот в такое время Советская власть, коммунистическая система большевизма хотели переделать черное на белое, не подождав эволюционного и нравственного сознания в цивилизации разума народов Востока, из-за такого режима погибло сотни тысяч женщин и девушек. Если кто-то сопротивлялся, ущемляли его жизнь и быт. Поздней я узнал у родителей, что им тоже грозили, что если мать не снимет паранджу, то дети не смогут учиться в советских школах. А если кто-нибудь выступал против раскрепощения женщин, то им грозила тюрьма и ссылка, даже тайный расстрел, как врага народа. Вот какая большая ошибка была допущена большевизмом. Помоему субъективному личному мнению к этому режиму надо было идти эволюционно, тогда самосознание народа без угроз и репрессий само привело бы к раскрепощению женщин....

Наконец мы на фойтоне добрались до наших родственников, они жили в другом конце города не далеко от центрального базара. Когда мы подъехали, нас радостно встретил отец и его друзья. Мама с сестрой прошли в женский двор, а меня с братом отец взяв за руки повел во двор к гостям. Родственник был купцом, имел мануфактуру и магазины. Наши родственники справляли свадьбу обрезание "циркумзация" двух мальчиков в возрасте 4-5 лет. Народу было очень много, двор был у них наружный и внутренний. В наружном дворе сидели мужчины, а во внутреннем разместились женщины. Двор выглядел праздничным, на стене висели ковры, на веранде наружного двора разместились музыканты, которые распевали песни. В другом конце двора были расставлены котлы, где два толстых повара варили шурпу и плов, у входа ворот стояли мужчины нарядно одетые и которые встречали гостей. Вскоре приехали на осликах жонглёры со своими музыкаль-

ными инструментами /карнай , сурнай и домбра/. Начались национальные цирковые представления, после мальчик в возрасте 10-12 лет, одетый в белую рубашку и красные бархатные штаны, опоясенный поясом зелёного цвета, в красных сапожках сделал несколько акробатических трюков. Он надев на ноги две длинные палки, ростом стал более 2-3 метров и начал под музыку танцевать. Представление длилось более часа. После представления жонглёров угостили и проводили с полными сумками подарков. Артисты продолжали петь песни и приглашать гостей танцевать, это продолжалось до позднего вечера и все это вермя гости приходили и уходили. Зрелище было впечатляющее и забавное. В ту ночь мы остались там ночевать, наутро проснувшись, подошли к отцу. Он нас покормил сладкими конфетами и лепёшкой, а пир всё продолжался. Народ и на другой день приходил есть плов и пить чай и это продолжалось до заката солнца. Потом началось самое главное. Привели нарядно одетых двух мальчиков, они были близнецами — Хасан и Хусейн, завели их в женский двор, где посередине комнаты была постелена мягкая постель покрытая белой простынью. Мулла выполнил мусульманский обряд, одел на них белые штаны и прочёл изречение обряда обрезания из Корана. Я с братом стояли недалеко и эта процедура нам была знàкома так как, семь лет назад мы это испытали. К вечеру попрощались с родными, подъехал дядя Сурен на своём роскошном фойтоне и увёз нас домой.

Самое жаркое время, в наших краях, это июль и начало августа. Пятница, по старому обычаю в Средней Азии считался базарным и днём отдыха. В один из таких дней 1927 года мы должны были с братом сходить к отцу, но мать попросила его остаться дома и помочь ей по хозяйству и обратилась ко мне: — "Сынок, накинь на ослика хурджин (мешок) и поезжай к отцу".

Ӯ меня был ослик белого цвета, ему было полтора года и был он выше меня ростом. Каждый раз, когда я садился на него, подставлял себе под ноги что-нибудь, чтобы легко сесть на седло. На шее у него висели несколько медных колокольчиков. я поехал на базар к отцу, и вдоль базара добрался до центра, чтобы посмотреть на кипучий людской поток, где можно было увидеть продавцов дыни и арбузов, и повернул туда, где располагался крытый

рынок. Тут продавцы жарили рыбу, мясо, продавали сладости, так много было людей, что я еле проходил по краю рынка. Вдруг подъехали двое мужчин в военной форме, вооруженные, и останавливали прохожих. Мне запомнился один молодой туркмен в белой папахе на белой лошади. Его грудь была обмотана патронной лентой, в руках держал длинный пик, у которого на кончике торчал красный флажок. А второй, пожилой похож на русского, в брюках по краям красные ленты, это был казак. Когда люди остановились, через некоторое время, тихим ходом приближался конный отряд, всадники были одеты, одинаково и вооруженны на поясах у них висели шашки. Они шли в три шеренги в руках держали пики с красными флажками. На конце пика проколоты были бритые головы басмачей, похожие на туркменов, а на шее у них висели ярлыки с надписью их имён.

Это зрелище так запомнилось мне, что до сих пор в моей памяти осталось. Они проехали до конца площади базара, и там на столбах, на железных крючках повесили головы этих бандитов и оставили на обозрение в течении трёх дней. Для меня мальчика 10 лет, казалось непонятным это варварство, я думал, до чего же люди стали похожими на хищников-зверей. Простит меня мой читатель, прошло с тех пор более 66 лет, и мне как художнику, простому человеку невольно опять приходит мысль, что неужели люди до такой степени похожи на зверей-хищников /пример 1992/. Эта трагедия, 8 месячная братоубийственная война в Таджикистане, то что я видел и свидетель 66 летней давности, это была революция свержения старого, феодального строя, закабаленая царской самодержавой - монархом. Ещё один пример это Великая Отечественная война 1941-1945 г.г. фашистский режим делал подобные истребления путём массовых расстрелов, газовых камер в концентрационных лагерях. Я не возмущаюсь прошлыми трагедиями, прошло уже более половины века, но неужели разум человечества не осознал, и осмелился повторить подобные зверства в Таджикистане над своим братом, сестрой, отцом и матерью. Мне только остаётся сказать всем людям, - "Опомнитесь, ведь жизнь дана один раз, пожалейте сами себя. Фашист уничтожал систему коммунизма, - "А вы кого? - задайте себе вопрос.

После этого зрелища я поскакал к отцу, он сидел в лавке с друзьями и продавал мясо. Заметив в моём лице тревогу спросил, не случилось ли что нибудь. Я, конечно, рассказал ему, то что я увидел. Отец слегка потёр свои длинные чёрные усы и сказал:

"Ашурджан, те головы, что ты видел на пиках красноармейцев, это головы басмачей, враги советской власти которые убивали невинных людей, сжигали их дома и поселения. Рядом с отцом работал его товарищ, дядя Вано, армянин по национальности, очень весёлый человек. Он имел небольшую лавку, где жарил шашлык и продавал. Он пригласил меня покушать и дал конфету, стараясь отвлечь и успокоить. Отец наполнил мой хурджин мясом, дыней и арбузом, посадил на ослика и сказал, чтобы я попросил маму сварить хороший плов. По дороге домой я всё время вспоминал эти жестокие события, которые происходили у нас в городе.

В кратце хотел бы ознакомить своих читателей с моими родителями.

Отца звали Хайдар ибни Ибрагим, а мать Куйсуной ибни Султон. Отец работал мясником всю свою жизнь. Он с четырнадцати лет самостоятельно работал и водоносом и рабочим на фабрике чаепромышленности, а в 1915 г. нанялся резчиком в бойню. Во время революции 1917 г. он был в г. Чорджуе, позднее в г. Бухаре. С 1932 г. до конца своей жизни он жил и работал мясником в колхозном рынке в Сари-Ассийском районе, Сурхандарьинской области. Отец был неграмотный, учиться ему не удалось. Он был в детском возрасте, когда дедушка мой бросил его и бабушку и уехал к своей молодой жене в Мешхед /Иран/ . Он был не грамотным, но считать умел лучше всякого счетовода, был общительным, добрым и доверчивым человеком. Он всегда нам говорил: "Любите жизнь, природу, любите семью и своих детей, делайте для них всё возможное и невозможное". Нас у отца с матерью было 14 детей, осталось в живых шестеро, остальные умирали от всяких болезней. Мать с отцом прожили вместе более 60 лет. Она была хорошей вышивальщицей, сама придумывала узоры для "сюзане" /ковер/, она прожила 88 лет, отец умер 27.12.1971 г. в возрасте 83 лет.

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Недалеко от нашего дома, в расстоянии не более 2-х км протекала река Амударья, она ещё называлась "Дайробош" и ширина составляла не более 6- 7 метров, а местами доходило до 10 метров. Во время летних каникул, мы всё своё время до заката солнца проводили у речки. В один из таких вечеров, вместе с моим другом Исмоилом купались в речке, как тут подъехали красноармейцы верхом с целью купания, своих лошадей и предложили нам проделать эту процедуру. Мы с удовольствием это сделали, а после купания верхом на лошади доехали до казармы, где размещался кавалерийский эскадрон, тут нас досыта покормили кашей. Мы каждый вечер стали приходить в казарму и просили взять у них лошадей, чтобы искупать в речке. После купания лошадей, мы медленно возвращались в казарму, чтобы они были чистыми, не запылились, так как старшина строго проверял каждого коня. Однажды, когда мы возвращались после очередного купания, нам навстречу шли двое ребят, очень бедно и грязно одетые. Оказалось, это были русские ребята Семён и Пётр, которым было по 12-13 лет, (мне в ту пору было 11 лет) их родители были убиты во время революции, и они сбежав из России, поселились в наших краях. Как-то раз после знакомства с ними, мы сходили посмотреть, как они живут. Они жили, на берегу реки в зарослях камышей. Они попросили нас принести им старую одежду и еду. По дороге домой мы с Исмаилом решили, что зайдём к отцу на бойню и попросим у него немного печени и прочие отходы от резаной скотины и принесём ребятам. На следующий день, на ослике с Исмаилом поехали к отцу, он хотел, чтобы я привёз домой несколько шкур от скотины, и когда он погрузил шкуры, я попросил его дать немного отходов от скотины. На его удивленный вопрос я честно ответил, что хотим помочь беспризорным мальчикам, и он дал. Не прошло и трёх часов, как мы уже были у ребят. Увидев столько продуктов и одежды они очень обрадовались. Мы очень подружились с ними и почти каждый вечер приходили купать лошадей на том берегу.

Мы почти все свои каникулы проводили с ними. Как-то раз я рассказал учителю об этих обездоленных ребят, о том, в каких плохих условиях они живут и о том, что предложил им учиться в

нашей школе. Учитель похвалил меня за моё доброе сердце и поручил мне привести их в школу. Встретившись с русскими ребятами на обычном месте я сказал им про разговор с учителем, о том, что поступить учиться в нашу школу поможет ЧК /чрезвычайная комиссия/. Услышав это слово, они сразу же отказались, объяснив это тем, что ЧК забирает беспризорных детей и отправляет в лагерь "Коммуна", где не будет им никакой свободы. "Нет, ребята, это не правда, у нас хорошо, здесь накормят, оденут, и будут очень хорошо относиться". "Ладно, друг не уговаривай, поживем, увидим", - сказал Семён, который был старше них. Он был высокий, худощавый, с курносым носом, со светлыми волосами. Однажды он сказал мне, что у меня добрая душа и спросил меня: "Ашур, ты откуда знаешь русский язык, и почему так подружился с нами? А почему мне не помочь обездоленным сверстникам, которые потеряли своих родителей. На другой день мы с учителем, и нашей пионер-вожатой Галиёй пошли к этим ребятам, они нам сварили уху из мелкой речной рыбы. Учитель объяснил им правила поступления в техникум и условия в каких они будут учиться. Их зачислили в интернат при техникуме, о дальнейшей их судьбе мне ничего не было известно. Прошло более пятнадцать лет и однажды я находился в книжном магазине и смотрел художественную литературу, это было в 1946-1947 г.г., после Великой Отечественной войны. Подходит ко мне один незнакомый человек и спрашивает:

— Простите, Вы не Ашур Хайдаров?

— Да - ответил, и я сразу же узнал его, это был Семён.

— "Семён, друг родной, как ты оказался в Самарканде?- и мы зашли с ним в ближайший кафетерий. Просидели с ним до позднего вечера, рассказывая друг другу о жизни. Я приглашал его домой, но, к сожалению, он был проездом у нас в городе. На следующий день он уехал и с тех пор мы с ним больше не виделись. Через некоторое время, я получил от него письмо, где он выражал свою благодарность.

...Летом 1928 года наш отец по неизвестным причинам скрылся и долго его дома не было, мы стали скучать, и я спросил мать. Она сказала, что его перевели на работу в г. Бухару и просила никому об этом не говорить. Позже я узнал, что это было не так.

Он вынужден был уехать от репрессии раскулачивания, так как родители имели не большой дом, у нас была корова, несколько баранов и козы, одна лошадь и маленькая мясная лавка. Однажды я возвращался со школы и меня одноклассник отозвал в сторону, чтобы я обратил внимание на сообщение, которое было наклеено на улице. Я внимательно стал читать. Это был список кулаков и врагов молодой Советской власти. Среди этих фамилий оказалась и фамилия моего дедушки Карабаева Ибрагима, но фамилии отца не было. Через некоторое время мы тоже поехали в г . Бухару, где жили недалеко от "Ляби-хауза", отец снимал дом у одного старого друга моего деда Хусейн-бобо. В середине лета, в августе месяце отец наш попросил меня с братом пойти с ним прогуляться по священному городу Бухара. Мы шли довольные, кругом зрелище было удивительное, древний восточный город с узкими улицами, густо расположенными домами, много разных людей это таджики, узбеки, евреи, афганцы в длинных и широких штанах, на голове белые чалмы. Индусы с чёрными бородами на голове белые или жёлтые чалмы, иногда проскальзывали женщины в разных цветных развеивающих покрывалах /паранджа/, русских женщин с открытыми лицами. Туркмены в огромных лохматых шапках, казахи и киргизы, сидящие на верблюдах, у которых на шее висели шумные колокольчики. я спросил отца, что это за люди так нарядно выглядят их караваны. Он ответил, что это купцы из далёкой Каракалпакии. Всё было удивительно необычно интересно и красиво в древнем городе Бухаре. Мы добрались до центра г. Бухары, это место называлось "Ляби-хауз Дионбеги" это большой водоём, откуда люди брали воду. Недалеко от Ляби-хауза находился базар, круглыми сводами, многовидными нишами, где сидели купцы, торговцы. В Бухаре была школа, где обучение было на узбекском языке. Мы с братом не очень хорошо владели узбекским языком, и поэтому было немного трудно понимать. Школа наша находилась недалеко от дома, в нашем классе учились только мальчики, а девочки у нас в классе вообще не учились хотя в г. Чорджуе в татарской школе мальчики и девочки учились вместе. Наш учитель был серьёзный человек, всегда был в военной форме.

Мы прожили в Бухаре более двух лет. Летом в 1929 г. мои родители вновь переехали в г. Чорджуй и мы жили по-прежнему в своём доме. Меня с братом Курбоном зачислили в Туркменский педагогический техникум, но учиться в техникуме пришлось до 1931 г. Когда закончился учебный год, меня с братом дядя Азиз увёз в Самарканд, где родители купили небольшой дом. Мне было 14 лет, брату 16, а старшую сестру выдали замуж. И жила она тоже недалеко от нас.

В то время я увлёкся чтением романа Майн Рида "Волшебные разбойники". Как известно, обычно весенние ночи бывают то ясные, то грозовые. Когда началась гроза и молния, мне хотелось быть героем этого романа, но увы мне в это время было всего 14 лет. У нас в классе училась одна девочка, ее звали Розия,она по национальности была татаркой. Она была очень красивой, стройной, с черными волосами, белоснежным лицом с большими голубыми глазами, она мне очень нравилась. В те годы нашей юности, когда мы учились, за партой сажали мальчика с девочкой. Так как меня посадили вместе с ней, мне было очень приятно сидеть рядом с той, кто мне был по душе, я всегда ее защишал, чтобы другие ребята не обижали. Отец ее был торговцем табака,но жили они бедно. На внешность он был худощавым с большим носом и серыми глазами, на лице было много родинок. Он всегда курил табак и при виде меня мило улыбался. Он был верующим. Мать звали Робия, хорошая милая женщина. Когда мы вместе с Розией приходили домой и делали уроки, ее мама всегда угощала вкусными блюдами. В ту ночь проснувшись я открыл глаза в окнах засверкала молния, вслед за ней гроза сквозь чудесно расписанные темные тучи, кое-где светилось серебрянное небо. Свет в комнате освещала полумрачная керосиновая лампа, и мне всё это казалось романтичным. Я вспомнил, что вчера вечером после занятий, я обещал встретиться с Розиёй у сквера городского парка. Как и договорились, я пришёл в назначенное время, но ждать её пришлось ещё полчаса. Солнышко проскальзывало сквозь деревья, листья шуршали на ветках, как-будто не давали мне скучать, иногда птички чирикали, призывая своих близких на вечерний покой. Я начал переживать, что она не придёт, но вдруг она появилась на аллее, такая тонкая, изящная в красной юбочке и в белой

кофточке, душе стало приятно. Первое, что я почувствовал, это её ласковый взгляд и жажду нашей встречи. Я пошёл к ней на встречу, и почему-то мне очень хотелось её обнять и поцеловать в румяные щёки.

— "Прости, Ашур, я немного опоздала, мама задержала домашними делами" произнесла она виновато.

— "Нет, нет, ничего ты пришла как раз. Я то же пришел недавно", — старался не давать повод ей чуствтовать себя виноватой.

Мы сидели на скамейке и рассказывали друг другу о прошедшем дне. В это время мне казалось, что она была самая красивая девушка, и я неожиданно сказал ей: "Роза Розия какая ты красивая!" Она опустила свои глаза на несколько секунд и сказала: "Это комплимент Ашур?" На что я ответил, "Нет дорогая, это правда Роза моя, радость". В это время мне хотелось взять её пухленькие ручки прижать их крепко и целовать, но я подумал об окружающих нас людях, что девушке потом будет стыдно. Она мне рассказала, что у её подруги Робии неприятности дома, её отца ночью пришли и забрали милиционеры неизвестно за что.

Потом мы пошли кататься на карусели, мы сидели на каруселях совсем близко и у меня была возможность поцеловать её белоснежную шейку. Она не сопротивлялась, а только нежно говорила:

— "Не надо Ашур, люди увидят!"

Мы признавались друг другу в любви, но были ещё дети, нам всего было по 14 15 лет. Мы гуляли с ней до темноты,потом я проводил её домой, и перед уходом опять хотел поцеловать, но она разрешила только в щёку и мы расстались. На какое-то время я почувствовал себя одиноким сиротой, но и счастливым человеком на свете...

Вернувшись, домой, у ворот нашего дома, встретил сестрёнку, которая кормила зерном курей, я обнял её и поцеловал от радости на, что она от неожиданности спросила:

— "Ты, что сума сошёл?"

— "Нет, дорогая ты знаешь, я самый счастливый человек".

— "А в чём твоё счастье ?"

— "Это моя тайна, когда-нибудь узнаешь".

Вечером, когда семья сидела за ужином вдруг отец спросил:

— Сын, а в чём твоё счастье? Твоя сестра сказала, что у тебя сегодня был счастливый день,не расскажешь ли про свою тайну.

— "Сегодня учительница похвалила меня" ответил я, мне не хотелось обманывать родного отца, но стыд оказался сильнее, признания правды. Мама тоже похвалила меня и сказала, что я всегда был молодцом. После мама с сестрой со стола всё убрали и я пошёл спать. Когда лежал в постели, я долго не мог уснуть. Всё время Розия была возле меня и произносила свои слова, которые говорила мне на прощание. Утром после того, как я помог матери по хозяйству, с братом пошли в школу.

ГОРЬКИЕ СООБЩЕНИЯ

Было ясное утро в небе двигались белые облака. Я зашёл в класс, в этот день был урок по литературе, тема урока была о русских классиках, о биографии А. С. Пушкина. Я поздоровался с Розиёй и сел рядом и мы внимательно слушали рассказ учителя о биографии великого русского поэта. Я узнал о дуэли Пукшина с Дантесом о гибели поэта и где-то в глубине моей души, в моём убеждении мне было жаль его. Скажу откровенно, я бы тоже так поступил, защитив честь моей жены. Прозвенел звонок и мы вышли в коридор, тут ко мне подошла олноклассница и сказала, что меня зовёт Розия. Я тут же помчался к ней и она мне сообщила про отца своей подруги Робии, что его забрали и обвинили как врага народа и заплакала. Закончив уроки мы пошли домой, когда мы расстались, она была очень расстроенная. Весь день и всю ночь я думал только о ней. На следующий день утром по дороге в школу, я решил зайти за ней и подошёл к её воротам, а там были забиты доски крест на крест. Сперва мне подумалось, что не туда попал. Вдруг вижу подходит ко мне женщина и сообщает, что сегодня ночью подъехала и вывезла всю семью неизвестно куда и зачем. С тех пор я больше никогда её не видел.

В 1931 г. я поступил в Самаркандский художественно-промышленный техникум, где было три отделения ковровое, дерево отделочное и керамическое, срок обучения три года. Я учился на керамическом отделении. Наш учитель был Рахимов. А брат учился на дерево отделочном отделении. Мы жили в общежитии. Техникум находился на территории Теппа-Кургани бывшая крепость

гарнизона губернатора г. Самарканда. Учебный корпус был одноэтажный, каменной застройки, очевидно, там жили солдаты царской России. Каждую неделю вместо отдыха проводили уборку помещений в общежитии. Наши учителя старались дать нам хорошие знания. Преподавателя по рисунку и по живописи звали Фальбов Иван Парферьевич — выпускник Московской высшей школы живописи. Он был родом из Сибири. Мы его очень любили и с любовью относились к его предмету. Он был очень спокойный и добрый человек. Иван Парферьевич нам показывал репродукции картин и рисунков эпохи Возрождения, Ренессанса. Я впервые из его уст услышал о художниках прошлых времён и о русских художниках, таких как Репин, Иванов, Суриков, Левитан, Коровин, Серов. Он объяснял и требовательно просил правильно писать натуру. Сам он увлекался течением искусства "кубизма"и "формализма." По истории искусства нам было известно, что в те годы многие художники работали против течения "реализма" и "импрессионизма". Я полюбил свою учёбу и не жалел энергию ради любимого дела. Мне очень хотелось стать художником. В свободное время дома использовал своего осла в качестве натуры, который меня слушал и охотно позировал, делал с него наброски, в выходные дни уходил с ним в старый город, забирался в караван-сарай, где было много привязанных лошадей, ослов, верблюдов и других животных. Я целыми днями проводил в караван-сараях и чайханах. Однажды я сидел в тени, и рисовал сидящих в чайхане, которые не обращали на меня внимание. Лето было жаркое, люди были в цветных халатах, кто на лошади, кто на ослах проезжали мимо чайханы. Недалеко от меня народ стал собираться и не прошло полчаса, началось зрелище. Я тоже забрался на дерево, чтобы было видно хорошо и держал в руках альбом Три старика с длинными волосами в красных рванных шапках, халаты в заплатках, держа в руках длинные палки, стали одновременно петь. Голоса были очень мелодичные. Это были дервиши, легендарные странники. Я начал их рисовать, делал из них наброски и вдруг кто-то стал тянуть меня за ноги.

— "А ну-ка парень слезай, нечистая сила, что ты там делаешь?"- грозно крикнул на меня.

Это был пожилой человек с плёткой в руках,чем подгоняют коня.

— "А ну-ка покажи, что ты сделал на этой бумаге?".

Он отобрал у меня альбом и громко крикнул, обращаясь к народу:

— "Эй люди, смотрите этот мальчик, да ещё мусульманин нарушив обычай шариата, позволил себе рисовать святых дервишей, это грех, надо его наказать, уши надо отрезать.

Правду говоря я сильно испугался, но стоял и мужественно ждал, что будет дальше. Подошёл один из трёх дервишей, взял альбом и посмотрел на моё творение, и сказал этому фанатику:

— Отпусти его, ибо в нём таится наследие великого /наккоша/ художника Камолиддина Бехзода.

Техникум долго не существовал его ликвидировали и после этого в 1932 г. я поступил на учёбу в рабочий факультет, где проучился один год, а брат пошёл работать по линии комсомола. Горько вспоминать те далёкие 1930-1932 г.г. В Самарканде всё стоило очень дорого. Мы не знали положение жизни за городом, где свирепствовала банда басмачей, которые убивали активистов, учителей и даже детей. Однажды я с братом решили пойти в гости к нашему дедушке Толиб-бобо на дачу, которая находилась где-то в 3-4 км от города. Он нас принял очень хорошо, наелись фруктов и отдыхали у него в саду. Вдруг прибежал старший сын Толиб-бобо и сообщил нам о приходе банды в их поселение. Дедушка долго не раздумывая, взял нас за руки и спрятал под виноградными кустами и сказал, чтобы мы до его прихода, сидели тихо, не высунув носа.

Почти через два часа в сад ворвались всадники, вооруженные карабинами и саблями. Это была банда басмачей Амирча, которые хотели пообедать и покормить лошадей. Затем они уехали, а нас Толиб-бобо покормил и сам проводил до города и строго наказал, чтобы мы больше не появлялись здесь в белой рубашке с красным пионерским галстуком на шее. Он сказал, что несмотря на то, что вы мои родные, они могли вам отрубить головы.

Наш сад находился на южной окраине г. Самарканда, эта местность называлась Ходжа-Ахрор, где мы проводили всё лето. В июле месяце 1931 года в медресе Шердор состоялся Верховный

суд Средне-Азиатского округа, где шёл процесс суда над этой бандой "Амирча, количество подсудимых было 82 человека, из них 18 получили высшую меру наказания /расстрел/, остальные разные сроки тюремного заключения. В том же году в районе Таджикистана недалеко от реки Кофарнихон Красной Армией была задержана и разгромлена последняя банда Ибрагим-Бека. В 1931 г. мне лично приходилось его видеть в г. Самарканде на железнодорожном вокзале, под усиленной охраной войск. На нём был халат, а под халатом жёлтый камзол, на голове тюбетейка, рыжая борода, ростом высокий, он с опущенной головой приходил и не смотрел ни на кого. С тех пор прошло более 50 лет, я написал картину к юбилею армии "Последний бек", которая находится в Республиканском историко-краеведческом музее им. К. Бехзода в г. Душанбе. Он по национальности был турок-лакаец, наставник эмира г. Бухары, соратник Энвер-пашши турецкого генерала.

* * *

У выхода ворот нашего общежития сидела молодая женшина, я сразу узнал её, она работала в редакции вместе с моим братом. Она пришла ко мне, чтобы сообщить, что брат Курбон заболел брюшным тифом и лежит в больнице. Я сразу же помчался в больницу, но меня не пустили к нему, у него была высокая температура. Более двух часов я пробыл во дворе больницы, у окна палаты, чтобы увидеть состояние его было тяжелое и он всё время спал. Я не выдержал и залез на подоконник окна, чтобы хоть краем глаза увидеть своего тяжело больного брата. Увидел его спящего, мне стало легче. Когда я вернулся в квартиру, где он снимал комнату, там сидели его замечательные друзья Саиджон-Тилло, молодые поэты Зафар-Диёри, Амин-Умари, Усмон Носири, Шайх- зода. Многих поэтов и писателей в те годы арестовывали, такого как Чулпан. Я долго размышлял, почемуже такого замечательного поэта посадили в тюрьму. Я тогда очень сильно переживал за брата и думал, неужели мой брат такой молодой, уйдёт из этого мира. Я провёл 45 дней в больнице у брата.

Была глубокая осень, кругом листопад, запах осенний, прошел я по улице Карла Маркса не доходя универмага, слышу: "Ашур-

чик, здравствуй!"- это была Зина, дочь нашего вахтёра общежития. В это время она показалась мне самой красивой на свете, её большие лазурево-голубые глаза казались мне драгоценным кобальтом. Мне хотелось обнять и поцеловать её, поделиться с болью, что лежит брат при смерти. Тогда она сказала: "Саша!"- так меня в детстве звали русские товарищи. "К тебе приехала мама, она ждёт тебя в общежитии на Асокинском". Я от радости мигом поцеловал её за хорошую новость, и помчался к матери. У проходной нашего общежития сидела тётя Вера, я поздоровался и она сказала, что мать меня ждала почти целый день. Я мигом подбежал к матери и крепко обнял её, мне показалось, что я обнял целый мир. "Мама, мамочка!"- слёзы потекли у матери, я стал успокаивать её, говорить, что с братом всё будет хорошо, врачи за ним ухаживают хорошо , но все мои старания были напрасны, она плакала, её слёзы лились как тающие весной капли от сосулек. Я старался её отвлекать другими разговорами, за обедом. Мы с ней потом навещали брата по два раза в день, а иногда она одна навещала его.

27 декабря 1933 г. его выписали из больницы, а через 3 дня он проводил меня в г. Самарканд. Я поехал на поезде в г. Самарканд, и когда пришёл домой, то дома увидел свою мать, сестёр и младшего брата Мамадкула. Утром я встал и пошёл к своим друзьям. Был у меня русский друг, звали его Виктор Пугаев, который учился в Самаркандском Художественном училище на 2 курсе, шло второе полугодие учёбы в училище. Разговор мой с Виктором был об учёбе в училище, он охотно согласился подготовить меня за время зимних каникул. Меня допустили к экзаменам, так как у меня было образование с первого курса института по общим предметам. Мне пришлось сдавать экзамены только по специальности, по рисунку, живописи и композиции, которые я сдал на отлично, и меня зачислили на 2 курс Самаркандского Художественного училища.

* * *

После окончания рабочего факультета в 1933 г. я поступил на учёбу в Средне-Азиатский Инженерно-Транспортный институт г. Ташкента. Со мной вместе успешно сдали экзамены и мои друзья

детства это Исмаил Рахматов и Мамед Беглов. Мы жили в общежитии института по ул. Экопская 12. Занятия для меня проходили тяжело, почему-то я на уроках спал или рисовал сидящих студентов. Несколько раз преподаватели мне делали замечания, почему я рисую, а не решаю задачи по математике или по физике. Приближался праздник, и декан нашего факультета попросил меня оформлять стенгазету. Я охотно согласился и выпустил отличную стенгазету, где был изображён В.И.Ленин на броневике, за что меня вызвал ректор института и похвалил, а заодно спросил причину моей неуспеваемости, неудовлетворительной учебы В ответ я ректору сказал что меня больше интересует рисование. Тот пообещал меня направить на учёбу в Ташкентский Театрально-Художественный институт. Когда я получил свои документы мои друзья посоветовали мне учиться не в г. Ташкенте, а возвратиться в Самарканд и учиться у Павла Петровича Бенькова, известного художника. В 1934 г. после успешной сдачи экзаменов, меня зачислили на первый курс педагогического факультета Самаркандского Художественного училища. Преподавание по рисунку вёл Лев Леонардович Буре,замечательный человек, ему тогда было 50-55 лет, высокого роста, худощавый, глаза синие и с большим носом. Он был родом из Москвы или из Лениграда, точно не помню, но знаю,что его мать была русская, а отец голландец. До революции заканчивал Люксембургскую Академию Художеств. С 1922 года он жил в г. Самарканде и являлся прекрасным художником, работал честно, его пейзажи напоминали школу известного русского художника В.В. Верещагина. Мы студенты с любовью относились к его картинам, он настолько сильно вникал в цвет солнца и изображение мозаики, отделанные медресе средневековых храмов г. Самарканда, что его работы можно было считать ювелирными. Он не допускал ни малейшую ошибку в цвете и рисунке. Был замечательным художником-карикатуристом,многие его рисунки печатались в юмористическом журнале "Муштум". П. П. Беньков очень уважал его и доверял ему своих учеников. В годы учёбы моими педагогами были такие замечательные люди, как Василий Михайлович Юткин, Александр Осипович Рынски. Занятие по живописи акварельной техники вела у нас Зинаида Михайловна Ковалевская. Два года она занималась с

нами, и была для нас не только прекрасным педагогом, но и родной матерью. З. М. Ковалевская являлась самой любимой ученицей П. П. Бенькова. Он пригласил её на работу из Казанского Художественного училища, и так до конца своей жизни она оставалась с профессором Павлом Петровичем. В 1977 году, у меня была персональная выставка в г. Душанбе. По моему приглашению она приезжала поздравлять любимого ученика. Для меня это были счастливые дни. Она была счастлива. В 1978 г. я встретил З. М. Ковалевскую со своими внуками на выставке в Третьяковской галлерее, это была наша последняя встреча. Через некоторое время я узнал, что она умерла, что её похоронили рядом с П. П. Беньковым в Самарканде.

Рассказ о П. П. Бенькове написан в книге "Воспоминания о П. П. Бенькове", в 1981 г. в г. Ташкенте.

Душа этого замечательного человека была такой же яркой и светлой, как его солнечная живопись.

Б. Урмонча
(поэт и писатель Татарии, Казань)

Павел Петрович Беньков... Впервые я увидел его на первом занятии по живописи в Самаркандском техникуме в 1934 году. Вошёл в аудиторию человек небольшого роста, довольно неприметный, вошёл так тихо, что мы даже не заметили его. Первые произнесенные им его слова, были: "Смотрите на натуру, старайтесь точнее брать отношения цвета, не загружайте краской бумагу, акварель любит свежесть".

Эти слова глубоко врезались мне в память. Прошло много лет, тем не менее я до сих пор помню его первое напутствие. Павел Петрович сыграл огромную роль в воспитании меня как художника. Впервые от него я услышал о великих русских художниках 18 столетия, о художниках передвижниках, о художниках мир искусниках, о титанах эпохи Возрождения. У нас были не просто занятия живописью. Очень часто П. Петрович вёл беседы по теории искусств, многое мне тогда было не понятно, но со временем я понял великую силу мастеров. Павел Петрович был влюблён в

этот край и учил нас любить его. Он постоянно бродил по окрестностям города Самарканда и брал нас с собой на этюды. Самое прекрасное было в том, что он даже в обыденном учил нас видеть поэзию. Своими рассказами о истории создания архитектурных памятников Самарканда он умел создавать атмосферу средневекового востока.

П. П. Беньков всегда работал с упоением, завораживая нас своей любовью и жаждой к живописи. Я не раз наблюдал, как писал Беньков. Кисть в его руках словно дышала. Беньков был очень требовательным и строгим учителем. Когда мы работали над натурой, он обычно говорил: "Помните, натура это большая сила и школа для художника, особенно начинающего. Забудьте, что перед вами женщина или мужчина, перед вами модель и вы должны сделать рисунок..."

Прошло столько лет и всё же память сохранила образ этого человека — моего первого учителя, на редкость скромного, отзывчивого.

Мне повезло ещё раз встретиться с ним спустя несколько лет, в 1945 г., после возвращения с фронта. Я занимался тогда живописью для себя, а работал в исполкоме городского Совета г. Самарканда. Он узнал меня и пригласил к себе. Мы сидели до поздна и разговаривали о художниках, вспоминали мои студенческие годы. Павел Петрович спросил меня:

— "Не оставил ли мысль стать художником?"

Он прочитал мою тайную мечту. Я не успел ответить, а он уже сказал: "Я помогу тебе, я вижу огромное желание в твоих глазах".

Он помог мне перейти на работу в Союз художников, стал брать меня на этюды, смотрел мои работы, помогал советами. Три года я работал с Павлом Петровичем и всё это время ощущал теплоту, доброту этого человека. Много нового я открыл в долгих беседах с ним. Мы говорили об искусстве, спорили. Это были редкие вечера, но они особенно запомнились. Как-то он сказал мне:

— "Ашур! Впереди тебя ждёт много трудностей. Не отчаивайся, не отступай, не останавливайся на достигнутом. Люби природу, свой народ, свою культуру. Тогда ты сможешь стать хорошим художником".

1949 год. Павел Петрович тяжело болел. За три-четыре дня до его смерти я и мои друзья зашли к нему домой навестить. Он лежал в мастерской, на мольберте стояла незаконченная картина "Встреча героя", которую он так и не успел завершить. Он был рад нашему приходу и когда после продолжительной беседы мы собрались уходить, подозвал меня и тихо сказал:

— "Держи знамя искусства, Ашур!..."

Это были последние слова сказанные им мне. 16 января 1949 года Павел Петрович скончался. Многие ученики пришли проводить своего учителя в последний путь. В мастерской художник Сергей Васильевич Редькин сделал рисунок покойного Павла Петровича. 18 января его тело было вынесено из здания Художественного училища - здания, где прошла его долгая жизнь.

С грустью вспоминаются последние часы, проведённые с Павлом Петровичем Беньковым, - человеком, который был большим примером для нас - художников младшего поколения. Конечно, очень много можно написать об этом замечательном - большом художнике, мой низкий поклон П. П. Бенькову. Если бы не такие мастера-художники, такие учителя и наставники, возможно не было бы национальных художников в Средней Азии.

* * *

Годы учебы в Художественном училище — 1933-39 г.г., репрессии в стране, студенческие эпизоды и события моей жизни, призыв в Армию и начало Великой Отечественной войны 1941-1942 г.г.

В 1938 году после окончания Художественного училища я решил поехать на заработки в Ургутский район (Самарканд). Там жили мои друзья Захар и Саттор, один был шофером, другой работал фармацевтом в аптеке. Это было весной, кругом цвела вишня, черешня, на глазах природа вновь рождалась. Так хотелось жить и жить. Я пришел в районный комитет и там с отдела пропаганды меня направили в колхоз, в село Амонкутом, оформить ленинский уголок. Это было в 25 км от села и пришлось мне идти пешком почти весь день. Я добрался до какого-то села, где недалеко протекала река и вдруг мне навстречу едит на ослике мужчина. Я спросил его есть ли где мост, а он в ответ сказал, что где-то через 4-5 км будет мост. Решил переплыть реку. Подумал, что

груза у меня нет, кроме этюдника и рюкзака, где было немного еды и я переплыл реку. Когда переплыл реку и оказался на другой стороне берега, двое мужчин увидев меня засмеялись и сказали:

— "Ты что парень, сума сошел, что в такую холодную воду залез?"

Они меня завели в дом, обогрели, покормили и уложили спать. Наутро я направился в контору колхоза. Там меня ждал парторг и мы договорились о работе, я закончил работу и получил 400 рублей. Этот вечер я провел с другом Захаром, а когда возвращались домой, купил газету "Правда Востока", где на третьей странице была большая статья "Враги народа достойно наказаны". Статья была о Файзулло Ходжаеве и Акмале Икрамове. Я был удивлен, неужели они были врагами народа? Тогда я сказал: "Захар, друг мой, что делается на белом свете? Ты знаешь, кто эти люди, они верные революционеры, особенно Файзулло Ходжаев". Через два месяца арестовали еще несколько руководителей, в том числе, Камола Миршаропова — первого командира дивизии в Туркестане. Я дружил с его младшим братом Закиром Миршароповым, с которым вместе работали в пионерских лагерях. Я работал как художник от редакции газеты "Будь готов". Прочитав эту статью, я не мог поверить, в глубине души я не верил, чтобы такие люди были врагами народа. Прошли годы, времена изменились, их посмертно реабилитировали, их сделали героями, им поставили памятники. Как жаль это человечество, сознательно руководящее страной, которые сожгли верных сынов народа в тюрьмах, в ссылках и приговорили к расстрелу. Да, мое убеждение говорит, что там где есть государство - там насилие и ложь, там нет справедливости и есть страдание народа, хотя говорим о коммунизме о том, что это единственный верный путь к вершинам равноправия, идеалам человечества, но это на словах. Читатель обязательно подумает, что я пессимист, но я не верю в бога в пророка, я настоящий атеист-оптимист, я верю себе и своему труду, знаю, что я делаю добро людям, свое искусство оставляю потомкам, что пройдут многие годы и они скажут спасибо нашим дедам.

Мне хочется вспомнить об остальных моих учителях - это Лев Леонардович Бурэ, Зинаида Михайловна Ковалевская /народный

художник Узбекистана/, Александр Осипович Рынский. Все они были замечательные люди с большой культурой и образованием. После долгих лет вспоминая их, я сделал вывод, что они с жаждой и большим желанием старались из нас юношей сделать художников, чувствовалось их отношение к нам, но было тяжелое время, только что окончилась гражданская война в Туркестане. В то время было особенно трудно со студентами местной национальности, которых с большим трудом приходилось втягивать в учебу, потому что в то время свирепствовала религия, которая запрещала изображать живую натуру. У нас в группе я был один таджик, но время меняет облик нового поколения, но не сразу, а постепенно и именно в преодолении психологических барьеров громадная заслуга наших учителей, я с большой любовью вспоминаю этих замечательных педагогов. Один из них Василий Михайлович Юткин, который преподавал нам урок черчения и перспективу. Он был очень образованным и отзывчивым человеком. По отношению к своим студентам был справедливым всегда интересовался нашими жизненными условиями. Он был добрым и доверял нам всегда, давал добрые советы и в частых беседах старался развивать наш кругозор.

Шел 1937 год, месяц февраль, наше училище отмечало 100 летие со дня смерти А.С.Пушкина, где студенты старших курсов делали всякие творческие рисунки, композиции о жизни поэта.

Я также участвовал и мой рисунок — момент дуэли Пушкина с Дантэсом, получил хороший отзыв.

* * *

Эту историю надо написать отдельной главой.

В то время события происходившие в кругу интиллегенции меня сильно возмущали, потому что так много замечательных поэтов, писателей, ученых и даже руководителей правительства были репресированы и находились в тюрьмах. Был такой большой поэт Усмон Насыр, кстати он сделал перевод "Евгения Онегина" А. С. Пушкина, ему было 27 лет, когда его осудили.

Однажды со мной произошел случай, я тогда еще учился в художественном училище. Нам заказали сделать портреты членов

политбюро ВКПб, в то время секретарем ЦК КПб Узбекистана был Акмал Икрамов. Мне дали фотографию А.Икрамова, у него правый глаз косил, я и нарисовал с фотографии точный его портрет. Когда я закончил портрет, пришла комиссия из университета во главе с ректором посмотрели и остановились у портрета Икрамова, и сделали замечание по поводу его косоглазия и пригрозили меня посадить в тюрьму. Благодаря проректору Семенову, который тогда в мою защиту сказал, что я смогу исправить эту ошибку, и после их осмотра сам немедленно подправил его глаза на портрете.

Прошли еще годы, в 1938 году я закончил Художественное училище, защитил дипломную работу — "Охотники в кишлаке" и две обнаженные фигуры — старика и женщины. Трудовую жизнь я начал в 1939 году в русском драматическом театре художником-исполнителем, где мне не долго пришлось поработать, потому что театр перевели в г. Ташкент, куда я не поехал. В те годы мой брат Курбан работал в областном комитете комсомола, заведующим отдела пионеров области, откуда меня, как комсомольца направил на работу в областную газету редакции "Ленин Юли" художником, где я проработал до 1941 года.

22 июня — это был воскресный день я и мой друг Абасов Ахтам, директор библиотеки Самаркандского Госуниверситета поехали на дачу к бабушке погостить до вечера. Вечером мы с ним расстались и я заехал домой к дяде Рустаму, он один сидел посередине двора и возле него была трехлитровая бутылка сухого вина. Встретил он меня хорошо, но тут я почувствовал в его взгляде печаль и он мне сообщил, что началась война, Германия вероломно напала на нашу страну. Я сперва не поверил, как война, ведь в 1940 году был подписан договор о сотрудничестве с Германией сроком на десять лет, и вдруг услышал голос Левитана по радио сообщение о вероломном нападении немецких фашистов Германии. На другой день в редакции, где я работал пришел наш редактор Шароф Рашидов будуший первый секретарь ЦК КП Узбекской ССР он поздоровался с нами и прошел к себе в кабинет. Я работал целый день, делал свое задание по печати рисунков и ретуши, а в конце рабочего дня я зашел к редактору и сказал: "Шароф - ака я пришел к вам по личному вопросу". "Что Ашурд-

жан?"- с полуулыбкой ответил он. "У меня все кипит, я целый день думаю только об одном, прошу вас отпустить меня, я поеду добровольцем в армию". Он встал, подошел ко мне и сказал, что также думает поехать в армию и еще к нам хотел присоединиться Гайнанов наш сотрудник заведующий сельхоз отделом. "Нам необходимо написать заявление в военкомат, а ты Ашурджан посоветуйся с родными и завтра отнесешь наши заявления", сказал Шароф-ака. На другой день, утром Шароф Рашидов зашел в кабинет, и пригласил к себе меня, Гайнанова и Юнус-Заде ответственного секретаря редакции, обговорил сложившуюся ситуацию, а затем дал задание Юнус -Заде , отправил его и остались мы втроем. Он спросил меня: "Говорил ли ты с родными?" и я конечно ответил: "Да", но на самом деле я даже не посмел заикнуться дома. Я отнес все три заявления в военкомат на имя военкома Султанова, потом он меня вызвал и спросил кем я работаю и год рождения, где мне пришлось сказать, что работаю художником. Он оставил у себя заявления и сказал, что еще успеем воевать, но прошло не более двух месяцев и нас всех троих взяли в армию и направили в военно-пехотное училище. 25 декабря 1941 года я закончил пехотное училище в звании лейтенанта и был направлен в запасной полк, где мне поручено было обучать новобранцев военному делу. Меня не отправляли на фронт, потому что такие молодые офицеры как я знали таджикский, узбекский, казахский, киргизский, туркменский, но также владели и русским языком и мы обучали военному делу азиатских новобранцев. Потом меня направили в г. Коканд во второй запасной полк в качестве командира 2-го пулеметного взвода. В течении месяца в нашей части не было ни одного солдата новобранца и нам нечего было делать. Однажды командир полка майор Курбанов подъехал к нашему общежитию вызвал нашего командира батальона Ткаченко и дал ему соответствующие приказы. Когда он собирался уезжать я не растерялся и обратился к нему по поводу моего отъезда домой на несколько дней, на что он возражая не отпустил меня и пообещал в следующий свой приезд отпустить меня и несколько моих товарищей. После его отъезда в г. Ташкент, мы решили, что пока он эти 7-8 дней будет находиться там, у нас есть возможность уехать тоже. Я навестил мать, жену и сына, которому было десять меся-

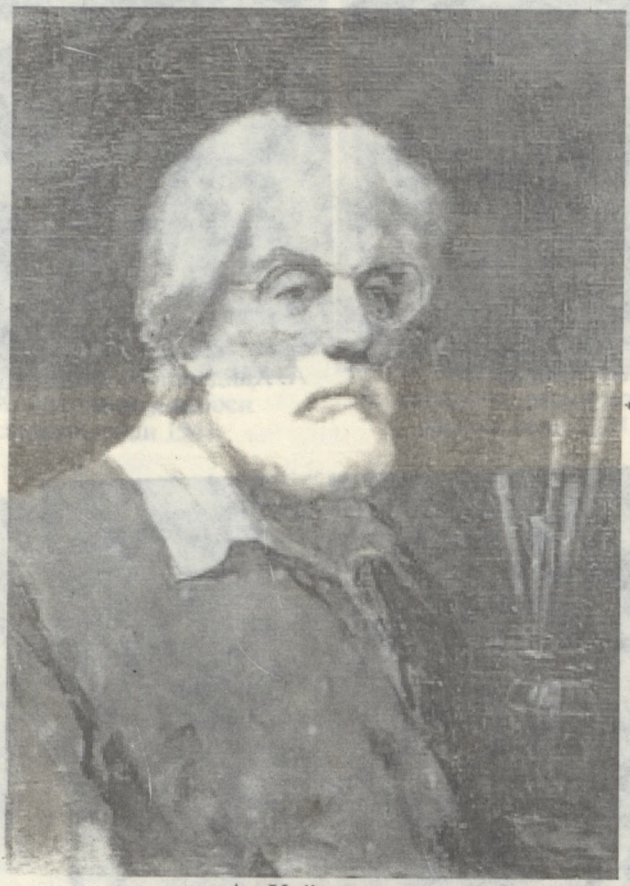
цев. После самовольной отлучки я возвратился к себе в часть, где все еще не было новобранцев, но если бы не случай с нашим товарищем Рахматуллаевым Исмоилом, командиром истребительного взвода, который с опозданием прибыл в часть после самовольной отлучки. Когда его вызвали в штаб полка он рассказал, что отлучался эти несколько дней вместе с нами. Через три месяца мы попали в маршовый батальон. 28 июня 1942 г. нас отправили на фронт в направление г. Ворошилограда. Там в 152 тыловом запасном стрелковом полку мы пробыли пять дней и затем нас отправили на передовую линию фронта в распоряжение Лисичанского. Я и мои два товарища молодые лейтенанты зашли в блиндаж, нас встретил майор, начальник штаба 92 стрелкового полка и спросил: "А вы что приехали, мы же просили солдатов а не офицеров, возвращайтесь обратно!". Тут же я обратился к полковому командиру с просьбой оставить нас и что возвращаться — плохая примета. Он строго посмотрел на меня и с улыбкой спросил кем я работал в гражданке. Я ответил, спустя несколько минут он вызвал меня к себе и вручил распоряжение о моем назначении командиром пулеметного взвода 2-го пулеметного батальона. Мы отправились в свою часть, на следующий день начался бой. Нам был дан приказ взять 118 высоту, где находились противники, расстояние было от нашей обороны на железнодорожной линии до немцев около 100-150 метров. К десяти часам утра немцы отступили. После двух часов дня нас ураганно обстреляли из пушек, минометов, нам даже не успели дать подкрепление и мы отступили назад. Из 27 человек моего взвода осталось после боя 9 человек. Ночью санитары стали забирать раненных и на следующее утро я не нашел среди раненных одного своего земляка Камилджанова. Один из солдатов, сказал, что он убит и лежит под разбитым самолетом на поле боя. Я вспомнил нашу клятву, что если кто-то из нас умрет, то другой обязательно похоронит. Ночью где-то в 23.00. часов я и еше два солдата без разрешения командира роты ползком добирались до самолета, перевязали его ремнями и поволокли с того места. Тут открылся огонь из пулеметов со стороны немцев, мы буквально прилипли к земле с полчаса, потом снова поползли и так добрались к линии железной дороги и похоронили его.

* * *

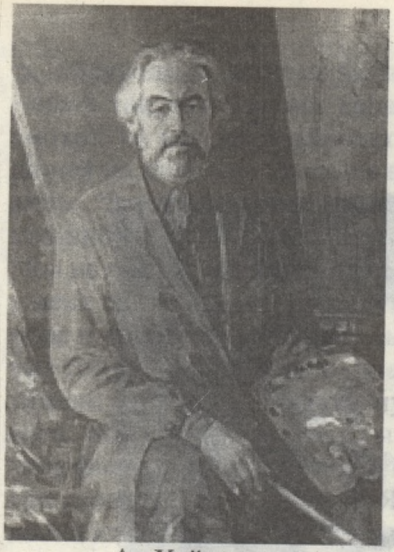
Было лето 1942 года. Наш полк отступал на восток, 10 августа 1942 года мы не могли выйти из окружения. Отступали, проходили через села нам был дан приказ занять усиленную оборону мы ждали противника. К вечеру все было тихо. В это время я был назначен командиром пулеметной роты. Солнце стало заходить, шум мотора с каждой минутой усиливался, вижу танковые колонны. В этой давке погиб один мой друг — грузин по национальности, командир истребительной роты лейтенант Мациошвили, имя я не запомнил. Он с несколькими солдатами занял оборону у самой дороги, где шли немецкие танки. С первого залпа сбили два танка, а третий с боку проскочил и прямо двинулся на ребят, которые растерялись и не смогли удержаться от натиска танка и все погибли. Дорога для немцев была открыта, противник прорвал оборону и врезался в наш тыл. Ночной бой горел, кругом дым столбом, в 21.00 часов бой прекратился. В штабе дали приказ отступать и направиться в г. Новошахтинский. Мы сутки шли пешком. Наш батальон подходил к г. Новошахтинск, вдали город горел, внезапно появилось звено юнкеров, которые начали нас бомбить. Я дал приказ разойтись вправо в подсолнечное поле, а политрук, который был в разногласии со мной с несколькими солдатами скрылись влево недалеко от железной дороги, рядом с составом поезда. Затем немцы начали бомбить железную дорогу, где поезд, который стоял на линии разбился и полсостава сгорело. После бомбежки тех двух солдат, что скрывались с политруком не было видно. Мы пошли искать, через некоторое время нашли труп политрука внутри большой трубы. Когда мы открыли вагоны, там было очень много мануфактуры, такие ткани как сукно, шелка и т.д. Не теряя времени мы пошли в сторону поселка, где жили люди и сообщили им, что они могут что-нибудь для себя взять из этих вагонов пока не пришли фашисты. Одна старая женщина спросила нет ли чего - нибудь поесть там, но к сожалению ничего съедобного там не было. По дороге мы встретили нашего комиссара батальона, голодного и злого. Я позвал старшину Семенкова и попросил его принести ему мед, хлеб и масло, а сам попрощался с комиссаром и пошел в сторону нашего обоза, вслед за нашим подразделением. Когда я шел, я вспомнил как в тот день

когда оставляли склад колхоза по пути отступления, комиссар запретил нам брать мед и масло, которые находились в больших флягах и мы не могли их эвакуировать в тыл. Я не послушал тогда комиссара и набрал по четыре бака масла и меда и раздал четырем своим взводам. Наша дивизия дошла до леса, где протекала река, там я встретил комиссара дивизии генерала Захарова, который собрал командиров батальонов, полков и дал приказ о дальнейшем отступлении наших частей. В ту ночь, в момент отхода нашей дивизии, вызвал меня комиссар дивизии и приказал занять и усилить оборону у моста реки. Я занял огневую позицию, и ждал приход немцев, к вечеру начался бой. Первый залп из четырех пулеметов повалил на смерть около пятьдесят немцев, часть из них бросились в воду. Немного позже немцы начали стрелять из минометов и пушек, я потерял одного солдата, остальные благополучно отошли. С наступлением темноты мы решили отступить, потому что патроны были на исходе. Немцы находились в 50-60 км от нас. Был приказ всем командирам взводов отступать и принимать решения не дожидаясь приказов командира. Я подошел к комиссару и спросил: "Как же так, это последнее решение штаба полка о выходе из окружения?", — "Да, лейтенант, это последнее решение, сможете выйти хорошо, ну а пока желаю вам удачи, а как ваша фамилия?"- спросил комиссар, "Хайдаров Ашур", - ответил я, "Большое тебе спасибо, Ашур за мед и хлеб" и удалился к командирам. Вместо погибшего политрука был назначен помощник командира роты /фамилию не помню/, которого я вызвал и приказал ему идти в переди колонны. И так всю ночь мы опять шли по степным просторам Украины, солдаты на ходу засыпали, только в одном месте было разрешено отдохнуть 10-15 минут, потому что все время шел сильный ливень. Стало рассветать, наши подразделения дошли до района совхоза "Заря". Подошел политрук и начальник штаба батальона и сказали мне, чтобы я проверил количество состава и боеприпасов, а политрук с командирами взводов пойдут занимать позицию обороны. Не прошло и полчаса, немцы открыли огонь, автоматная очередь становилась все сильней и сильней. Немцы приближались, бой продолжался больше часа, прямо в нашу сторону двигались бронемашины и танки противника. В этом бою ранило моего солда-

та Абдукодира, вторым ранили меня в правое плечо, рука отнималась так, что я не мог держать револьвер в руках. Я отошел, и смотрю на нас летят самолеты, много тогда погибло моих товарищей на поле боя. Зашел я в избу не подалеку от коровника совхоза "Заря", и спросил держа в левой руке револьвер: "Есть ли кто-нибудь?" "Что тебе надо сынок!"- ответила старая женщина. "Вы не смогли бы перевязать мне мою рану?"- попросил я ее. Рана у меня оказалась сквозная. В полдень бой прекратился, я вышел в поле и никого не увидел, только в нескольких местах лежали убитые солдаты. Я шел по окопам в сторону каменоломни и увидел тяжело раненного солдата, пуля попала ему в нижнюю часть живота, оба плеча были задеты пулей, он стонал и просил пить. Я снял флягу с водой с убитого солдата и напоил его, он выпил два-три глотка и успел сказать "Я Смирнов со 2-го стрелкового батальона из города..."он скончался, и не успел договорить, я закрыл ему глаза и пошел в сторону каменоломни, где я надеялся, что встречу своих. Когда я подошел к городу, я встретил девочку лет 10-12, которая сказала мне, что в городе много немцев, я остановился, посмотрел, никого не было на улицах. "Девочка а где ваша хата?"- спросил я у нее, она ответила, что недалеко и мы с Зиночкой как она назвалась пришли к ней домой, а там сидел старик и ремонтировал свою бричку. "Здравствуйте дедушка!"- сказал я, — "Здорово хлопец!"- ответил он и сообщил, что почти всех немцы взяли в плен и повели их в шахту, там у них лагерь для военнопленных. Старик пожал мне руку и сказал: "Сынок, переодевайся и иди вдоль железной дороги в направлении Новочеркасской, там еще сможешь встретить наших ребят". Дождавшись темноты, я пошел вдоль железной дороги, как вдруг патрули немецкие заметили меня и открыли огонь. Я бежал изо всех сил и добрался до какой-то избы, где был сад и огород, там росли огурцы и помидоры. Я пролежал до темна на этом огороде, и когда собрался уходить, не ожиданно для меня подошел старик с палкой или лопатой не помню и девочка лет 7, который сказал, что надо немедленно уходить, потому что немцы находились в 10 метрах от нас, в саду. Он проводил меня до своего дома, во дворе сидела пожилая женщина, перебиравшая белье, мы зашли в дом, где сидели три его дочери, Вера, Валя и маленькая Зоя. Мы сели за стол

А. Ҳайдаров

А. Ҳайдаров

А. Ҳайдаров бо ҳамсараш, соли 1941

А.Ҳайдаров дар омӯзишгоҳи рассомии ш.Душанбе

А. Ҳайдаров дар либоси сарбозӣ, соли 1941

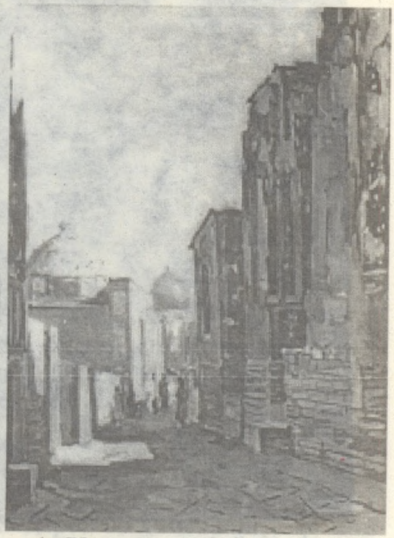
А. Ҳайдаров, расми модари рассом, соли 1984

А.Ҳайдаров бо ҳамроҳии дӯстонаш

А. Ҳайдаров, расми арӯс

А. Ҳайдаров. Шоҳи зинда, соли 1982

А.Ҳайдаров дар ҳалқаи фарзандон

ужинать и старик начал рассказывать мне о своей прошлой жизни, а потом сказал: "Поживи пока у нас и поработай водовозом, а если кто-нибудь спросит, скажи, что тебя мобилизовали работать на шахте "Красный пролетарий" в качестве грузчика, я сделаю тебе документы", и я согласился. Каждый раз, когда выходил в город, я пытался встретить своих, но к несчастью никого не было. Я ездил за водой на озеро утром и вечером. У меня была телега, а на телеге бочка, в которой вмещалась более ста литров. Однажды вечером, по возвращению домой подошли ко мне два немца, им было лет за сорок, они крикнули, чтобы я остановил телегу. Я остановил телегу, а они подошли к моему коню, и начали рассматривать, а конь у меня был ранен в ногу и немного хромал, а еше на шее у него была рана. Они по немецки сказали, что лошадь погибает и отпустили меня. Через некоторое время подъехали машины, где на дверях было написано SS. Много народу собралось на площади и все они встречали этих извергов. Я направился в другую сторону, как вдруг подходит ко мне гражданин и называет мою фамилию, "Привет лейтенант Хайдаров!", - "Здорово!", - ответил я ему. Я сперва не узнал его, оказалось это был Павлик, сержант из стрелковой роты с которыми мы держали оборону. Он мне сообщил, что завтра придут еще несколько наших товарищей и мы пойдем в направлении Новочеркаского, где еще держатся наши войска. Я очень обрадовался этой встрече, пришел домой с хорошим настроением и рассказал хозяину В. Михайловичу о нашей встрече. Я всю ночь не спал, а на следующее утро я попрощался с ними и направился на место встречи. Напротив меня бежали люди, один из них сказал, чтобы я не ходил туда, потому что там немцы насильно забирают людей, а кто оказывает сопротивление, расстреливают на месте. Я переждал немного, а затем снова пошел на то место, где уже никого не было. На площади лежали несколько трупов.

В ПЛЕНУ

Когда меня вели через двор, на крылечке дома стояла старая женщина Марья Петровна, это была жена В.Михайловича и рядом в желтом платочке накинутый на плечах, стояла их младшая дочь Вера. Мне казалось, что они бросятся спасать меня, будут

просить жандармов отпустить меня, но стояли и смотрели на меня с заплаканными глазами, как будто прощались со мной и ничего не смогли сделать. Марья Петровна сказала: " Береги тебя бог!"и перекрестила. Когда я в последний раз посмотрел на них, Вера горько плакала. В то время, когда я вышел за ворота дома навстречу мне шел В.Михайлович с узлом в руках и хотел что-то сказать, но полицай не разрешил подходить ко мне и я ему крикнул: "Прощайте дядя Миша", а он мне в ответ: "Не горюй Ашур, ты еще молод, береги себя от зла!" Мы завернули за угол и вышли на большую улицу, прошли через площадь, где был разрушен памятник В.И.Ленину. Я подумал какие изверги и вспомнил свои студенческие годы, когда я читал о походах великого завоевателя Темур-ланга, жестокого царя, который памятники не разрушал, а сохранял и даже художников и мастеров возил в свою столицу г. Самарканд чтобы строить себе храмы и дворцы. Прошли площадь и стали подходить к окраине города, где я увидел загороженную площадь колючей проволокой. Когда мы подошли поближе, по узкой тропе с правой стороны на столбах повесили трех мужчин и на шее у них висела дощечка с надписью "за побег из лагеря". У меня в сердце загорелся огонь, я весь задрожал от злости, у меня было желание расстрелять хоть одного жандарма, а там пусть что будет. У входа в лагерь стояли немцы с черными погонами, с собаками, которых они специально на глазах у голодных пленных кормили колбасой и хлебом. Лагерь был расчитан где-то на 7-8 тысяч человек. Проходя узкий проход я оказался среди море людей похожих на меня. Я готов был кричать от отчаяния и вырвать у любого немца автомат и перестрелять этих немцев, но увы это была секундная мысль молодого юноши. Я смотрел на людей вокруг себя и искал знакомые лица и увидел своих земляков, один из них был Хайруллоев Низом, который был очень худой, он обнял меня и заплакал, как будто нашел родного человека. Он работал учителем в 21 школе г. Самарканда. Они мне сказали, чтобы я порвал свои хорошие сапоги, что я и сделал, не прошло и полчаса как ко мне подошли двое полицаев с белой повязкой на рукаве, и один из них то ли калмык то ли казах говорит мне по русски:"А ну собака снимай сапоги, брюки и китель!". Я снял брюки и китель, а сапоги мои рванные он не взял, а взамен дал мне рванные

брюки, где было сотни заплаток, такую одежду я помню видел в детстве в г. Бухаре, когда мне еше было 8-9 лет. Оглядываясь вокруг я видел наших ребят больных от еды, которую давали немцы, чтобы они с голоду не помирали, в тени сидели раненные солдаты замотаные грязными тряпками. Я остановился около одного раненного солдата и протянул ему кусок сахара, что мне успел положить тогда В.Михайлович и сказал: "Браток, возьми сахар, поешь, видно ты много крови потерял". Подошел Низом, мы говорили с ним и вдруг слышу голос еще одного раненного солдата: "Слушай братец, постой, ты не Сашка Хайдаров?", так меня мои близкие русские друзья называли. Я сперва не сразу узнал, это был мой друг Павел с которым собирался совершить в Новочеркасске побег. Наша встреча не состоялась, он попал в облаву, немцы забрали их, посадили в машины и отправили в определенные места на работу. Машина, в которой находился он попала под бомбу, он едва уцелел, осколками бомбы его ранило в живот и вот он оказался среди нас. Я подошел к нему, поднял его голову и подумал, что неужели ни один санитар не сможет тут помочь ему. Я сказал ему, что сейчас найду санитара, но остановил меня, крепко взял меня за руку и сказал: "Сашка не уходи, мне не долго осталось жить, послушай меня внимательно, запомни мой адрес г. Кубань, ул. Пушкина д.23 Понтелеева Зинаида Фёдоровна, это моя мать, а жену зовут Понтелеева Александра и ещё сын мой Петя, будешь жив, найди и передай им как я ушёл из этого проклятого мира", и вдруг его дыхание прекратилось. Я закрыл ему глаза, ешё долго сидел возле него и горько плакал, Низом привёл санитара, но было поздно. Я спросил санитара: "Что будут делать с телом? - он мне ответил, что труп его сбросят в общую яму, там недалеко был колодец из шахты, туда сбрасывали трупы умерших пленных. Низом увёл меня оттуда. Настал вечер и мы с Низомом искали своё место, где уже было занято, но ребята потеснились и посадили меня посередине, чтобы мне тепло было. Я сел рядом с парнем, которого звали Шамси Тюлаганов, он работал раньше железнодорожником в г. Ташкенте. Они уснули, а мы с Низомом долго говорили о наших планах и не находили ответа. У меня в мыслях был только побег или смерть с такими мыслями я тоже уснул. На следующий день все стали суетиться с тарелка-

ми, с банками, а кто и с касками в руках. Все становились в очередь и подходили к бочке, где стоял немец и держал в руках длинную плетку как у кавалеристов, а с другой стороны стоял полицай с белой повязкой на левой руке,а в правой руке держал дубинку. Люди подходили и подставляли свою посуду к ковшу раздатчика, а раздатчики тоже были наши пленные солдаты с красными рожами и большими животами, которые очень грубо обращались с пленными. Шамси сказал мне: "Что Ашур-ака, пьёте бульон, представьте себе , что ваша жена подала вам куринный бульон", и ещё спросил женат ли я. Я ответил ему, что дома у меня остались жена и полуторагодовалый сын, рассказал о себе. После моего рассказа друзья ко мне стали относиться ещё теплее. Мы беседовали о несправедливости на земле и тогда я вспоминал стихи великого Омара Хайяма:

О судьба! Ты насилье во всём утверждаешь сама.
Беспределен твой гнев, как тебя породившая тьма.
Благо подлым даришь ты, а горе сердцам благородным.
Или ты не способна к добру или сошла ты сума?

Стихи Омара Хайяма:

Никто не победил грозящей силы неба
И не насытился навек дарами хлеба
Кичишься рано ты, что цел и невредим
Ещё съедят тебя когда придёт потреба.

Дорогие мои, запомните, в истории человечества ни один богатырь, царь, король не смогли победить грозу, неба, а гроза неба она была есть и будет, а грозу подразумевает поэт, это народ, который нельзя победить, потому что каждой не справедливости есть конец.

Так мы тянули нашу беседу, вдруг подходят двое ребят и спрашивают Хайдаров там есть. Сперва я подумал, что моя фамилия послышалась, но они повторяли несколько раз. Шамси сказал, что они помоему вас зовут, я подумал, что же случилось. Шамси встал и подошёл к этим ребятам, а они сообщили, что там за зоной Хайдарова спрашивают русский мужчина с девушкой. Я сразу понял, что это были В.Михайлович и дочь его Вера. Я встал и пошёл сквозь колючие проволоки и когда я подошёл, они хотели

перекинуть через пяти метровую колючую стену мне узелок с едой. Когда они перекинули, мы даже не успели подойти, на нас бросилась куча пленных как волки. Я сразу отошёл назад, чтобы не попасть в кучу этих голодных пленных. Я оттянул Шамси, а Низома не успел, потом прибежали два немца и полицай и начали безпощадно избивать этих пленных, не прошло две три секунды никого там не было уже, а узелок лежал на земле и даже не развязанный. Полицай подобрал узелок и пошли с немцами в сторону под навес, где лежали раненные солдаты. Я посмотрел в сторону колючей проволоки, где стояли В. Михайлович и его дочь Вера, махнул им рукой и сказал: — Спасибо за внимание, больше сюда не приходите.

ИЗБИЕНИЕ ЕВРЕЕВ

На другой день я и Низом направились отыскать где-нибудь бумаги, хотя бы тетрадь, мне очень хотелось сделать наброски рисунков. Мы шли молча, оглядывались вокруг себя, надеясь встретить знакомого, но никого не встретили. Я взял у Низома котелок и пошел в сторону кухни, может встречу того кавказца, который раздавал похлёбку пленным. Низом меня предупредил, чтобы я не подходил к кухне, но я уверенно подошёл к одному окну и заглянул вовнутрь кухни и к моему счастью там оказался этот кавказец, тот самый повар с кудрявыми волосами с круглым лицом. "Привет земляк, ты что, пришёл покушать? Да нет земляк, я хотел попросить воды", и заговорил с ним по азербайджански, я очень хорошо говорил на этом языке. "Ты что азербайджанец?"- спросил он, я не растерялся и ответил да. У него на лице я ощутил радость, через несколько минут он мне котелок с водой наполнил и в кастрюле кашу положил и попросил, чтобы я поел и вернул потом кастрюлю. Я его поблагодарил и пошел, ко мне навстречу уже шёл Низом, он забрал с моих рук кастрюлю и мы понесли еду ребятам. Мы разделили кашу, ребята были очень довольны, я забрал пустую кастрюлю и пошёл в сторону кухни чтобы вернуть её. Я ещё раз поблагодарил его, затем он сказал , чтобы я приходил к нему. Я пошёл мимо сарая, где лежали раненные солдаты, хотя их там уже не было, когда я поближе подошёл, то увидел не высокий навес и под навесом стену и узкую дверь шири-

ной около 60 см, где стояли четыре человека с палкой. Один из них был немец с плеткой и вдруг открылась дверь, откуда стали выходить молодые люди, их били по голове, по лицу и считали до десяти по-немецки, за эти короткие десять секунд они должны были выскочить с этой узкой двери и выстроиться в одну шеренгу. Я стоял среди пленных почти полчаса и наблюдал за этим избиением. Я подошёл к одному мужчине, постарше возрастом и спросил за что их так били, на что он мне ответил, что это евреи. Они такие же солдаты, но вина их в том, что они были евреями. Их было около двадцати человек, но потом осталось пять или шесть, остальные были уже без сознания, они лежали как трупы. Какие изверги подумал молча, я ещё долго смотрел и запомнил этот эпизод навсегда. Это нельзя написать на полотне и невозможно написать музыку, а можно только пером описать и я дал себе клятву, что если останусь в живых, то обязательно вспомню.

Дорогой читатель этот эпизод один из тысячи пыток фашистского гитлеризма, истребление евреев, и тех, кто шёл против фашизма. Когда направился к ребятам, навстречу ко мне шёл тот самый изменник, полицай, который отобрал у меня китель и брюки. Он посмотрел на меня и сказал, что так им и надо этим жидам, как фюрер приказал, надо всех евреев истребить с лица земли. Я не стал с ним спорить, а только спросил: "Откуда ты родом? Я калмык, а что?" "Да нет ничего, я думал ты казах или киргиз". Не хотелось мне смотреть ему больше в лицо. Он мне показался хищным зверем, извергом. Он мог предать свою родную мать за глоток воды.

ТРЕВОГА

Был вечер, солнце садилось за горизонт. Мы сидели с друзьями и каждый рассказывал о родных, о своём крае, о своей жизни и детях. В это время подошли к нам двое полных ребят, один из них спросил:"Здесь мой земляк, Алекбер?"- слышу знакомый голос, это были Суренджан с Мамедом товарищем из Дагестана, которому было около 20 лет. Они сели рядом с нами и я всех познакомил друг с другом. Я сказал, что я азербайджанец и очень хорошо понимаю и говорю по таджикски, казахски и узбекски. Ребята поняли, что я себя выдаю за азербайджанца и решили мол-

чать, значит так надо. Сурен рассказывал, что по национальности он армянин, но родился и жил в Карабахе. Отец его работал продавцом в магазине и что дома у него остались мать и две сестры, которые ходили в школу, отец воевал. Он учился до войны на кулинара - и вот судьба его забросила в лагерь военнопленных. Тут он устроился поваром и готовил еду пленным и немцам, работал он честно, по возможности помогал своим землякам. Я рассказал ему коротко о себе и попросил его достать блокнот для рисунков и ещё обещал нарисовать его на память. Он так обрадовался и попросил, чтобы я на следующий день после завтрака подошёл к нему. Он сказал, что когда позовут кушать, чтобы мы к нему подходили друг за другом. Они пожелали нам хороших снов и ушли к себе. Рано утром стали колокола звенеть и вдруг слышу русскую речь:"Господа пленные, вы должны все построиться вдоль стены, и по ширине в десять рядов, это означает по сто человек в каждой группе". После объявления все засуетились, каждый старался друг с другом не разлучится. Каждая национальность стихийно держались близко к друг другу, стали кричать шуметь, не кому было организовать порядок строя. Группа немцев подошли с своими плётками и пустили их в ход с сопровождением четырёх собак-овчарок, которые иногда бросались на пленных и рвали им уже их рванную одежду. После долгой суматохи наконец люди встали в строй. Подошёл высокий немецкий офицер, в чёрных очках , с тросточкой в руке и переводчик.

"Сегодня все русские пленные будете отправлены отсюда, будете ходить строем по сто человек в группе, дистанцию соблюдать в двадцати метрах друг от друга, за нарушение строя и разговоры в строю будете расстрелены на месте. Понятно"- переводчик перевёл.

После этого приказа колонны стали выходить под усиленной охраной немцев и собак, с двух сторон строя шли по три немца с автоматами, с собаками и ручными пулемётами, дистанцию держали около десяти метров. Когда колонна, где я находился подходила к выходу, в это время ещё не было охраны. Сурен успел подойти ко мне и передать два толстых куска хлеба и два маленьких блокнота, а карандаш засунул вовнутрь хлеба.

Он попрощался со мной и больше я его не встречал. Нас вывели за колючие ворота и вместо сигнала немцы несколько раз выстрелили из автомата, колонны направились к большой дороге. Мы шли по большой дороге, где видели поля с подсолнухами, а где-то встречали поля с овощами. Истощенные пленные шли и держались близко к друг другу, слабых товарищей держали по середине колонны, чтобы поддерживать их на случай если упадут в пути. Иногда по дороге немцы раскрывали узелки с пирожками, огурцами, помидорами или картошки варённые и бросали по несколько штук в кучу идущих пленных. Однажды, некий молодой парень, бросился в сторону от дороги на поле, где росли огурцы и тыква, пуля из автомата быстро догнала тело юноши, он больше не встал с места. К вечеру колонны стали подходить на окраину небольшого поселения. Вновь нас группами загнали за колючую проволоку, мне показалось, что этот лагерь был в несколько раз больше того лагеря. Нас загнали то ли в конюшный двор, то ли это была колхозная ферма, где спали мы в страшной тесноте В эту ночь шёл сильный дождь, а утром было ясное сентябрьское солнце. Вновь приказали нам выйти и построиться. Колонны грузовых машин с закрытыми кузовами стояли за колючей проволокой. Нас вывели за колючую проволоку и по пятьдесят человек посадили в грузовые машины так, что двигаться было невозможно. Когда всех погрузили, были даны несколько выстрелов из автомата, загудели моторы машин и поехали по асфальту. Между каждой грузовой машиной следом ехала машина с открытым бортом, где сидели около десяти немцев вооруженные пулемётами, автоматами и собаками.. Рядом со мной сидели Шамси и Низом, которые я помню спросили меня: "Ашур-ака! Куда нас везут? - Не знаю, знаю только что на запад держим курс."

Когда мы ехали в машине многие товарищи теряли сознание и всю дорогу стонали от болей в животах. Мы приехали через несколько часов, дали команду выходить и пленные стали выходить из машин, нас привезли в г. Артёмский. Когда я вышел, то увидел громадный лагерь, окутанный в три ряда колючей проволокой, через пятьдесят метров были вышки выше столбов. Я подумал, кажется тут останемся надолго. Под ударами плёток, диких криков и травли собак нас загнали в зону. Мы заняли место на чердаке, в одной старой конюшне, и ждали, что будет дальше.

Я долго не мог заснуть, вспоминал юность, родной край, перед глазами казался дом, мать, жена и маленький сын, которого я оставил когда ему ещё не было годика. Приходили мысли, как бы организовать побег, эти мысли не давали мне спокойно уснуть. В нашей группе находился Мавлон-ака, который был старше нас, ему было лет сорок. Он подошёл ко мне и спросил меня: "О чём думаешь, Ашурджан! Вот думаю, неужели этот ужас будет ешё продолжаться". "А что ты предлагаешь? Побег"- ответил я. "Ну братец, об этом думает каждый из нас, но как это сложно, посмотри, кругом очень усиленная охрана. Послушай, когда я был под Ростовом , лагерь, где я находился был небольшой, нас было около тысяча пленнных. Несколько наших красноармейцев решили устроить побег и они прокопали под забором ямы, и ночью решили пройти сквозь эти вырытые ямы, но немецкие пули нашли их и уничтожили." Как - то раз на территории нашего лагеря я встретил Гусейн-ага. Он сидел среди людей, полураздетый, очищал свою рубашку от насекомых. Этого человека я знал с Ворошиловграда, где я находился перед отправкой на передний край фронта, в июле 1942, он там работал в санчасти врачом, по национальности азербайджанец. Я сразу узнал его и подошёл к нему, но он меня не сразу узнал, но я был очень рад, что встретил этого человека. "Гусейн-ага, пойдёмте к моим друзьям, нас много, они все мои земляки, у нас еда есть." Гусейн-ага был старше меня лет на восемь или десять, ростом был выше меня и на висках у него виднелась седина. Когда он говорил, всегда чувствовалась его добрая улыбка. "О.., Ашурджан вы живёте хорошо, у вас такая еда, мучной бульон!" Мы достали муку по дороге, когда немцы везли нас в направлении г. Артёмский. Пошёл сильный ливень и мы остановились в одной деревне и наши автоколонны решили переждать дождь. Нас расположили в конюшне, где я и мои друзья Шамси и Низом пристроились в сене. Когда я прилёг, то почувствовал что-то жёсткое под собой, оказалось там лежала мука около 15-20 кг. Мы быстро разделили муку между собой и положили её в свои рюкзаки. "Ну как Гусейн-ага, вкусно? О.., Ашурджан, спасибо Вам, я уже два месяца горячего не ел." На следующее утро. мы решили пройтись по зоне в поисках найти чего-нибудь поесть, и тут я увидел сидящего на земле человека, очень сим-

патичного, слегка обросшего, с кудрявыми волосами , полуобнаженного, который то громко смеялся, то громко говорил на русском языке. Когда я с Гусейн-ага подошли поближе к нему, он обратил внимание на нас и сильно заплакал, спустя несколько минут снова стал громко смеяться. "Ашурджан не подходи близко к нему, он сумашедший, похоже он врач, потому что часто произносит медицинские слова", сказал Гусейн-ага. "Как жаль, но как можно помочь ему? Да уже никак, видишь он весь оттечный, это от голода, он не доживёт до утра. А может ему бульон принести немного поесть", сказал я. "Нет уже поздно"- ответил Гусейн-ага. К вечеру я ещё раз пришёл на то место и не нашёл его там, а когда спросил, то мне ответили, что его труп недавно унесли на носилках. Мне было очень жалко и больно, у него наверно остались дома мать, жена и дети, которые думали, что он сражается на поле боя и ждали от него вестей. К сожалению его труп был сброшен в общую яму и засыпан известью, чтобы не пахло. Тогда я подумал, неужели меня и моих друзей тоже ждёт такая же участь, нет-нет я должен вместе с ними выжить, должен быть хладнокровным, у меня должна быть воля и причём крепкая. Надо быть терпеливым до последнего вздоха.

РАССКАЗ ГУСЕЙН-АГА

Я сидел, думал и смотрел вокруг, где меня окружала масса несчастных молодых людей, которые также думали о побеге, а может большинство из них мечтали о куске хлеба, которого нельзя было достать. Люди становились хуже зверя в период голодания, не разбирая долго съедали что попадёт под руку. Как то я заинтересовался поближе посмотреть на труп, который лежал на бричке, и меня бросило в жар когда я увидел отрезанные ягодицы у него. Я не выдержал и спросил у ездового, который гнал свою бричку, как-будто едет на базар продавать товар, он ответил мне, что это ждёт каждого из нас. Меня поразил ответ этого безжалостного человека, которого я даже хотел стукнуть, но порыв моего расстройства мигом прошёл. Я пошёл прочь от этого ужасного зрелища и плакал, в горле задыхался от неприятного события своей эпохи, эпохи XX века, века цивилизации, где люди осознавали науку, что люди летают в воздухе, плавают в морях, изучают не-

дра земли. Возмущённый вернулся к друзьям, и рассказал им про того человека сходившего сума и его смерть. Всё ярче и настойчивей становился свет луны, вышка в зоне казалась как минарет на фоне неба. Гусейн - ага стоял недалеко от окна чердака, где мы были размещены. Однажды он рассказал что в Милирове, в лагере военно-пленных 13 июля 1942 года приехали немецкие офицеры и привезли в машине четверых евреев. Они заставляли пленных взять оружие и расстрелять этих евреев, но никто не соглашался. Тогда они дали винтовки евреям и заставили их расстрелять русских, но вдруг неожиданно для немцев они открыли огонь по немцам. Немцы на следующий день увели многих пленных, расстреляли и бросили их в шахту.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Утренний сентябрьский холодный ветер проскальзывал по полураздетому телу. С каждым днём становилось прохладней. Я и мои друзья сидели на чердаке конюшни и смотрели на тысячу военно-пленных сидевших на площади зоны, которые лежали, некоторые вшей убивали, кто-то торговал сигаретами из сухих листьев деревьев. Вдруг слышу громкий голос полицая: "Слушайте господа, всем собраться у комендатуры, сейчас сообщат важное экстренное сообщение о том, что Германская армия в Ленинграде, Сталинграде и ряде городов, а самое важное это первый маршал Ворошилов попал в плен." Сообщив эту новость полицай прошёл дальше в глубь зоны лагеря. "Ашур-ака, ты слышал, неужели это правда. Мы спустились и пошли к комендатуре, когда пришли, то увидели как полицай и несколько немцев организовали круг, а по середине поставили широкий стол длиной более двух метров. Первыми подошли три немца, один из них похоже был офицер держал в руке резиновую плётку длиной около полтора метров. Потом привели молодого парня лет 18-19 у которого сзади были связаны руки, похоже он был армянин. Немец заговорил возмущённым голосом: "Господа! Этого молодого человека господин обер-лейтенант кормил и одевал, но он совершил тяжкое преступление, этот наглец украл у господина своего банку консервы. За это господин офицер созвал Вас всех, чтобы показать как судят за воровство. Немцы не любят воров и обманщиков. За

это, немецкое командование приказывает наказать его пятьюдесятью ударами вот этой резиновой плёткой по голой спине, "и передали плётку в руки рядом стоявшему полицаю, а полицай был русский. Юношу положили на стол вниз животом, привязали ноги и шею к столу и начали бить его по спине, через несколько минут голоса юноши уже не было слышно. Когда закончили бить, все стали расходиться, а тело до смерти избитого парня санитары унесли и бросили в колодец. Вот такое было экстренное сообщение, это было ложное сообщение, чтобы собрать людей и показать свой садизм. Какое зверство, из-за банки консервы убить человека.

РАЗГОВОР С ГОФМАНОМ
/капитаном/

Когда нас немцы увозили из города, я попрощался с Суреном, с тем азербайджанцем, который дал мне хлеба и блокноты с карандашом. За тот период, что я находился в Артёмовском лагере, я часто находил время и делал наброски в блокноте. Как-то раз я сидел недалеко от водопровода, я занял очередь и чтобы напрасно не сидеть делал наброски вокруг сидящих пленных, некоторые с удовольствием позировали. На следующий день как обычно сидел и рисовал пленного старика, который дал мне потом половину огурца и сказал, что сохранит рисунок если останется живым. Когда рисунок подходил к концу сзади подошёл полицай и схватил меня за руку и громко крикнул:"Вставай пошли в комендатуру!" и повёл меня к одному немецкому офицеру и доложил, что я шпион-русский. Я не растерялся, спокойно стоял, подумал это недоразумение и разберутся. Я же никого не обманывал, ничего не украл, а просто сидел и рисовал, делал разные наброски пленных. Этот офицер сказал: "Пошли к начальнику лагеря Гофману!" Я шёл как арестованный, с одной стороны сопровождал немец, с другой стороны полицай, по дороге я увидел своих друзей. Они очень тревожно смотрели на меня и стали переживать, что за какое преступление меня уводили, им казалось, что я больше не вернусь.

Когда мы вошли в его кабинет, переводчик положил мой блокнот на стол Гофману и стал что-то объяснять. Он взял блокнот в

руки и начал внимательно смотреть лист за листом, временами на его лице появлялась улыбка, то хмуро посматривал в мою сторону. Обращаясь к офицеру Гофман сказал: "Скажите этому юноше, что он молодец, он настоящий художник, откуда он и кто по национальности?" На вопрос переводчику я ответил, что родом из Самарканда, Средняя Азия, таджик. После того как переводчик перевёл ему, он вновь спросил: "А разве у азиатов могут быть такие художники?"- "Да господин офицер"- ответил я. Он закрыл блокнот и обратился к переводчику: "Скажите этому юному художнику, что он молодец, но блокнот останется у меня, пусть он оставит свой адрес, когда кончится война я обещаю как офицер выслать этот блокнот ему домой. Если будет жив получит, а если нет получат его родные. Семья есть? Да господин офицер, мать, жена и годовалый сын." Гофман немецкому офицеру что-то сказал, но я ничего не понял, а полицай взял меня под руку и вывел на улицу. Когда мы шли полицай сказал мне: "А тебе повезло, хороший офицер попался."Да, земля не бывает без хороших людей и подлецов"- ответил я."Это что ты хочешь сказать? А то, что сам сказал офицер хороший, да ещё и культурный человек, а вот ты подлец и темнота." Он хотел меня ударить, но другой офицер стукнул его в затылок и прогнал. Мы дошли с ним до кухни, а там из кухни один немецкий солдат по приказу офицера вынес мне свёрток, который я открыл когда пришёл к своим друзьям. Они очень обрадовались когда увидели меня живым да ещё с едой.

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Был утренний сентябрьский день, я один сидел и размышлял, боже мой, чтоже будет дальше, неужели так закончится молодая жизнь этих людей, и в том числе и моя. В это время ко мне подошёл один из моих друзей, его звали Иброгимов Мусо из города Ура-тюбе (Ленинабадская область) в последствии оказался предателем и трусом. Ибрагим на внешность был чёрный как алжирец, глаза круглые, большие, взгляд его был хитрый и суровый. Одет был в грязную гимнастёрку, вместо ремня была завязана тряпка, на ногах была деревянная обувь, похоже из досок сам себе смастерил. Когда они меня спросили о чём я думаю, я ответил, что мы должны остаться живыми. Меня больше всего беспокоило то, что неужели мы тоже попадём когда-нибудь в эту яму, ис-

тория не должна забыть это, кто-то должен остаться живым и написать, а может рассказать будущему поколению. "А что Ашурака! Как ты думаешь? Большевикам капут?"с ироническим смехом задал мне вопрос Муса. "Ты что болтаешь? "Хайрулло не выдержал. "А как ты думаешь Мусо?" успокоил Хайрулло и задал вопрос Мусе. "По-моему большевикам конец, Германия победит, Ленинград в окружении, Сталинград уже взят, осталась Москва."- сказал Мусо."Да, дружок Мусо, историю ты плохо знаешь, хотя ты окончил офицерскую школу и имеешь звание младшего лейтенанта. "Вспомни по истории Великого Чингиз-хана, Хан-Батыя, Темур-ланга и наконец Наполеона, французского императора, чем всё это кончилось, а кончилось тем, что пролилось много крови, а слава их с позором закончилась в истории человечества. Ни одно государство ещё не победило Россию, а если побеждала, то временно. Советский Союз слишком большая земля, рука коротка, не обхватить. Понял? Да понял, поживём увидим"- ответил Мусо.

По субботам вывозили пленных на разгрузку вагонов и давали за это 150 гр хлеба и 50 гр мёда. Нам тоже захотелось поехать туда, но для этого надо было с вечера занять очередь и просидеть до утра, что мы и сделали.На рассвете немцы нас подняли кнутами и палками, выстроили по пять человек и выводили за ворота лагеря, а там стояли бортовые закрытые машины. Нас заводили по тридцать человек в машину, затем автоколонны направлялись в город и подъезжали к железно-дорожному вокзалу. Там нас приводили на линию товарных вагонов и мы должны были поднимать мешки с известью и погружать в машины. Первый рейс был благополучный, а второй рейс не перенёс, по дороге на подъеме через рельсы упал и потерял сознание. Когда пришел в сознание, уже лежал в тени возле заднего колеса машины. Ко мне подошел шофер, немец и стал что-то говорить, а потом дал мне кусок хлеба, я съел и поблагодарил его. Я пошел к ребятам, а они и мою долю погрузили в машины. К вечеру нам дали по куску хлеба и по столовой ложке меда и увезли в лагерь. Когда я приехал в лагерь, я съел половину хлеба и половину ложки меда, остальное оставил на утро, но наутро я не нашел свой поёк. После такого трудового дня, я дал клятву, что больше никогда не пойду на такую работу, пусть это будет первый и последний раз.

ОТПРАВКА И РАЗГОВОР С ПАРИКМАХЕРОМ

Прошло более четырех месяцев, как наши люди томились в этом лагере, земля была пополнена людьми, которые спали кто как. Помню просыпаешься ото сна и начинаешь трясти с себя пыль вместе с вшами, которые находились как на голове так и по всему телу. Проснувшись утром я сказал другу Орифу: "Орифджан, я не могу больше, очень хочу постричь свои волосы. Да, это проблема, но вон там за конюшней я видел человека, кажется он узбек, он кому-то брил волосы на голове. А стрижет он бесплатно?-спросил я. Кажется за сто рублей, но можно дать ему два помидора или два огурца, - ответил он. А где достать их? Пошли, покажи мне этого парикмахера. "Когда мы пришли к этому месту, я с ним поздоровался, и сел ждать, я просидел пол дня, уже стали стучать, чтобы идти за едой, я пошел встал в очередь взял свою еду, которая была изготовлена из дохлой скотины, очевидно после бомбёжки. Я сел в тени и хотел поесть, как вдруг подумал, а что если этой едой отплачу за стрижку моих волос. Он может бытъ согласиться, с этими мыслями даже на душе стало легко. Был уже вечер, когда я дождался его."Ну что, дружок, стричься пришёл? Да, но вот денег у меня нет, чтобы расплатиться, но у меня есть еда, которая уже остыла, я её совсем не трогал и принёс вам." Он с удивлением подошёл ко мне и спросил: "Ты ешё не ел свою "сытную"похлёбку, а так нельзя, так ты быстро протянешь ноги. Меня зовут Абдусаттор, я из Коканда, знаешь такой город? Знаю, я из города Самарканда, зовут меня Ашурджан Хайдаров"- ответил я."А вот еду свою сейчас при мне поешь, на тебе ещё кусок сыра, мне немец дал за то, что ему бритву поточил. А сейчас я побрею тебя и тут вода в кувшине, я полью, а ты хорошенько помой голову песком вместо мыла."Мы говорили с ним очень долго, и там же я проспал до утра. Наутро он сказал мне, что на следующий день нас должны отправить неизвестно куда, ему тот немец сказал, чтобы он вместе с друзьями постарался находиться ближе к выходу нашей зоны. Мы вместе с ним пришли к моим друзьям, которые были обеспокоены моим исчезновением. Когда я познакомил его с друзьями, он решил всем побрить головы, нас было двадцать человек, которые с самого начала прибывали в Артё-

мовском лагере, всегда были вместе и вместе горе делили. Итак нас стало двадцать один человек, которые держались друг за друга. Рано утром из вышек, где стояли часовые дали несколько автоматных выстрелов это означало внимание. Потом объявили, чтобы все Туркестанцы выстроились у входа в шеренгу, по десять человек.Мы быстро подошли к тому месту и встали в строй у входа. Колонна растянулась более километра и нас под конвоем повели по широкой дороге. Нас остановили у железной дороги, и стали разбивать по сотне, потом загнали во двор, где каждому дали по буханке хлеба и два варенных яйца и через двор вывели на перрон железно-дорожного вокзала. На второй линии стояли эшелоны красных вагонов, куда сажали нас по десять человек и тутже захлопывали двери вагона. Я оказался вместе с Мавлон-ака, а остальные попали в другие вагоны. Не буду рассказывать подробно весь процесс посадки, это горько вспоминать, что только не применяли, били палками и кнутами, даже собак травили на пленных, застреливали на местах, словом это было ужасное зрелище, трагедия в истории человечества.

Мы сидели в вагоне, наш поезд тронулся, Мавлон-ака сказал мне, чтобы мы тратили хлеб по немногу, потому что неизвестно было сколько мы пробудем в дороге. По дороге в нашем вагоне скончались два человека. На другой день наш эшелон остановился, нас вновь выстроили и мы строем пошли по большой дороге, где нас сопровождали немцы со своими собаками. Мы ночевали в какой-то разваленной ферме, где на каждых десять человек было по два конвоя. На следующее утро вновь пошли по широким просторам Украины, к городу Мир-города, где нас поместили в двухэтажном здании школы. Вечером нам дали суп, который был изготовлен из дохлых коз или баранов. Так мы пробыли там более месяца, до конца ноября. Я познакомился с новыми друзьями, один из них был Комилджанов, бывший капитан нашей армии. На фронте он был командиром батареи, был ранен в ногу и ходил очень тяжело, немцы его забрали из госпиталя. Он был родом из г.Бухары, ростом не высокий, возраст около 30-32 года. Как-то в воскресный день после уборки я подошёл к Комилджанову и попросил его выйти на улицу подышать свежим воздухом. “Как у вас с ногой?”- спросил я. “Сейчас хорошо, вчера в санчасти сдела-

ли мне перевязку. А там немцы врачи?"- спросил я. "Нет Ашурджан, наши пленные врачи, хорошие ребята." Мы присели на скамейку и я спросил его:"Отчего немцы изменили своё отношение к нам? Не вербуют ли они нас?" "Да браток, похоже, что они формируют армию, так называемый туркестанскиий легион. Мы должны будем воевать против своих, куда нас пошлют, это тёмное дело.Что ты думаешь по этому поводу?" спросил меня Комилджанов. "Это прямая измена с нашей стороны, под предлогом туркестанского легиона создадут армию, этим самым сохранят от бессмысленной голодной смерти, а там живой человек, если он предан родине при приближении к фронту перестреляет немецкое командование и перейдёт к своим. С другой стороны прежде чем тебя отправят на фронт ты должен принять их присягу, а это уже измена, ты помнишь нашу присягу когда учился в военном училище?"спросил я Комилджанова, "Конечно помню, но это война, а на войне бывает всё, иногда надо делать невозможное ради родины, даже войти в доверие врага когда безвыходное положение,"ответил он. "Ты знаешь Комилджанов, если бы мы были русские или украинцы, мы нашли бы общий язык с жителями и тогда может легче было бы совершить побег." Я попросил его узнать фамилию того врача азербайджанца, который делал Комилджанову перевязку.

ВСТРЕЧА С ВРАЧОМ ГУСЕЙН-ЗАДЕ

На другое утро, после уборки нас построили по пятьдесят человек на площади школы. Перед нами стояли несколько офицеров и среди них стоял мужчина в гражданском костюме, который начал говорить по русски с украинским акцентом. "Господа солдаты Туркестанцы, с вами хочет познакомиться представитель Великой Германии, обер-лейтенант Бекеш, он же будет вашим командиром". Обращаясь к нам он сказал: "Господа солдаты, сегодня Вы являетесь русскими солдатами. Наше командование обращались в г. Москву на обмен пленных, но господин Сталин отказался мотивируя, что у нас нет пленников, а есть изменники, тогда наше командование обратилась через Красный Крест сохранить вашу жизнь от голода и смерти и на это ваше командование отказались. Вы будете солдатами Великой Германии, а на-

чальником будет ваш земляк из г. Ташкента, его зовут Вали Каюмхон ." Это был член Туркестанского Комитета, по национальности узбек, из г. Коканда, /фамилию не помню/ среднего роста, коренастый, возраст около 28-30 лет, черные глаза с усами в немецком мундире, в лакированных сапогах. Он начал своё выступление с объяснения того, что родина отказалась от нас и если мы не пойдём на условия немцев то мы обречены на верную смерть. Нас стали спрашивать и записывать нашу биографию. На другой день нас построили и начали перекличку, и когда назвали мою фамилию, я вышел вперёд, и тогда они сообщили, что я буду командиром. В душе я думал, что это прямая измена, что не солдатом, а командиром и это являлось нарушением той присяги что я давал в военном училище, а в глубине души я думал, что может это и хорошо, что при первом удобном случае если устрою побег, то уведу с собой целых двести человек, а эта мысль меня не оставляла. Вечером после ужина я и мой раненный товарищ Комилджонов за разговором анализировали события произошедшие с нами. Он сказал, что рисковать сейчас нельзя, он тоже думал о побеге. К нам подошёл доктор Гусейн-Заде, я сразу узнал этого замечательного человека. Мы долго беседовали, искали разные варианты, как только к нам подходили другие товарищи, мы тут же прекращали наш разговор.

СЕЛО СОРОЧЕНСКОЕ

Как мне так и моему читателю известно, что Сороченское село это родина Н.В.Гоголя. Нас колонной более 600 человек пригнали в это село. Это было осенью, был листопад, наше подразделение более 300 человек поместили в двухэтажное здание школы. Это было старинное здание из красного кирпича, вокруг здания росли громадные деревья тополя. Вечерами на вершинах этих тополей до темна слышали крики грачей, мне казалось, что все эти птицы были встревожены своей судьбой. Нас продержали более двух месяцев, дали нам зимнюю одежду, изучали виды оружия, которые были без патронов. На учениях раздавали по три патрона, я понимал немцев, они нам не доверяли.

Так вот в это время со мной произошел интересный, но печальный случай. Однажды я и мои друзья взяли увольнительный и схо-

дили на базар. Базар был разнообразный, но денег у нас не было ни гроша, цель моя была, это разведать места населения. Я подошёл к рядам прилавок, где стояли молодые, полные и краснощёкие украинки и продавали самогон. "Добрый день, девушки!"обратился я с искренней улыбкой к ним. "Добрый день чернявый кавалер, откуда будете яки черные? Мы из Средней Азии, Туркестан слыхала дивчина"ответил я. "Ого, размувляет по украински, да красавицы, трохи балакаю, а если бы была жинка хохлушка, тогда борзо размувлялбы по украински. Так що вам хлопцы, самогону хотите? Да нет дивчина, у нас гроши нима. Як нима? Що вам немцы не дают? Нет, мы ещё не видели яки деньги у них." Когда я спросил её имя, она охотно ответила, что её зовут Людмила, потом она спросила моё имя. Мы разговорились с ней, она меня с друзьями немного угостила самогоном. Время подходило к полудню, базар уже стал заканчиваться, мы стали благодарить Людмилу за угощение и неожиданно сказал, что очень хочется украинского борща, и одна женщина, что была постарше их предложила нам пойти к ним домой и угостить. Я подумал, что времени у нас много и потом может чего хорошего узнаю. Двор был не большой, с одной стороны была хата, где они жили, а от ворот справа, сарай, по середине двора колодец с привязанным ведром. Нас было трое, а их было четверо, Людмила всё время не отходила от меня. Когда мы сидели и ели борщ, другая девушка принесла нам вареники с творогом. Мы очень хорошо поели, и когда стали уходить Людмила взяла меня за руку и решила показать своё хозяйство. Когда мы вошли с ней в сарай, она обняла меня крепко и стала целовать как родного и просила не уходить, обещала, что отправит меня к тётке чтобы спрятать меня там. Я не согласился, но попросил её кого-нибудь найти из наших и познакомить их со мной. Мы договорились с ней встретиться на следующее воскресенье. На следующей неделе наш начальник взял меня с одним солдатом на базар. Я не увидел Людмилу, и тогда спросил женщину, что знала её, она ответила, что Людмила была комсомолкой и её забрали и увезли в Германию. Я с горяча выпил кружку самогона, поблагодарил её, а она вслед за мной как родная заплакала и у меня на глазах собрались слёзы. Я шёл и всю дорогу думал о Людмиле, образ этой девушки остался в моей памяти навсегда.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Наступила зима, кругом белым снегом была покрыта земля, мороз доходил до -10 градусов, под ногами хрустел снег. Мы жили в одном помещении на втором этаже. В тот день в клубе нашей казармы немцы устроили торжественное собрание по случаю дня рождения Адольфа Гитлера, рассказали о жизни и деятельности изверга и палача как большого "государственного деятеля." Когда время подошло к отбою мы все разошлись по казармам, и начали разговор о немцах, находились и такие, которые хвалили мощ немецкой армии. Одним из таких оказался парень из г. Ташкента, он занимал должность старшины среди нас и очень быстро потолстел как жирный баран. Немцы специально подбрасывали таких людей, чтобы они понемногу всё узнавали и докладывали им о чём ведутся беседы среди пленных. Комилджанов хорошо его знал и кивнул мне слегка головой, как будто предупреждал об опасности. Позже я узнал, что он был ссыльный узбек из Ташкента, сын бывшего кози в одном из кишлаков в годы гражданской войны в Туркестане. Его отец был арестован, а семья его была в ссылке, откуда он ушёл добровольцем к немцам. Не прошло 3-4 дня, как меня мучал этот критин и частенько приходила мысль убрать его. Не прошло две недели, ребята подошли ко мне и сказали, что этого критина понесли в санчасть, он сбросился со второго этажа. Позже я узнал, что это дело ребят из моего подразделения, которым стало известно, что он хотел донести на некоторых из нас. Когда я пришёл в санчасть, чтобы поинтересоваться, то увидел врачей немцев и нашего врача санчасти Гусейн-Заде, который подтверждал немцам о его странном поведении, которая была похожа на шизофрению."Эти больные всегда заканчивают свою жизнь таким образом, господь с ним"сказал тот немец и удалился. Когда я вышел на улицу и закурил сигарету, ко мне подошёл Гусейн-Заде и сказал, "Это заслуга твоих ребят, никакой шизофрении у него не было, будь осторожен!"

03.01.1942 года нас построили, разбили по взводам и ротам в составе около 500-600 человек и походным маршом перегнали в Миргород, а там на платформу железно-дорожного вокзала в эшелон, закрыли двери и через полторы сутки мы оказались на территории Польши. В ту же ночь наш эшелон взял курс в Германию.

ГЕРМАНИЯ

От Польши не долго было ехать до Германии.На другой день мы приехали в Германию, наш эшелон подогнали к военной платформе, двери от вагонов отворили. Когда я вышел из вагона то увидел кругом сосновые леса, хотя и в России их много видел, но там они были особенные. Кругом дороги асфальтированые, даже тропинки лесные были заасфальтированы. Туда куда нас пригнали, место называлось Лесной лагерь, там было очень много двухэтажных корпусов, куда нас и разместили. Наша рота была пулемётная, а Комилджонов был командир 1-ой стрелковой роты. Гусейн-ага назначили доктором при штабном госпитале Легиона. Нам стало известно, что кроме нас в этом лагере размещался целый полк Туркестанского Легиона. Нам выдали немецкую форму с туркестанским знаком на левой рукаве.

ВСТРЕЧА ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ

Нашу пулемётную роту построили перед зданием, где мы размещались, кругом чистота, вокруг здания всё было убрано. Ко мне подошёл немецкий офицер высокого роста с длинным каменным лицом, картавил в разговоре с переводчиком. Он объявил приказ о том, что я назначен командиром пулемётной роты Туркестанского легиона. Затем зачитал приказы о назначении командиров групп следующих легионеров: Джуманиязова, Ниязова, Азамова, Ибрагимова. Потом мы все познакомились друг с другом. Джуманиязов был родом из Хорезма, бывший учитель средней школы. Ниязов Набиджон был из Коканда, тоже учитель средней школы. Азамов был из Туркестана, об этом субъекте напишу позже. Командир минометного взвода Ибрагимов Мусо, родом был из г. Исфары. Внешне он казался незаметным, но внутри был очень не собранным, самоуверенным, как хищный зверь, хотелось бы прямо сказать, что такие люди не должны жить.

Ознакомившись с командирами, мы решили как устроить нашу дальнейшую жизнь в чужой стране. В голову приходили разные мысли, я никогда не думал, что так сложится моя жизнь, а ведь год назад я был у себя на родине, в Анакинском районе, в 93 Ков. бригаде, командиром взвода во втором Ковпаковском полку. Когда мы разошлись по казармам, в эту ночь я не мог уснуть, всё

размышлял, думал, что глубоко ошибаюсь своим поступком, может это была прямая измена, а может так и надо. Меня мучала мысль, как же так на нас надели эту форму, мы приняли присягу, и у нас была настоящая армейская жизнь. Через несколько дней в казарме была генеральная уборка, которую закончили до обеда. После обеда я решил сходить в соседнюю стрелковую роту, где командиром был назаначен мой друг Комилджонов, а старшиной Амонов Мансур. Я сразу узнал Амонова, но промолчал, он был бухарский еврей. Когда я спросил Комилджонова о нём, он ответил, что он из г.Самарканда, мой земляк таджик. Комилджонов спросил меня: "Почему ты интересуешься, ты что, его знаешь? - Нет, я знаю только то, что он бухарский еврей. Об этом надо молчать и никому не говорить." Позднее я с ним беседовал наедине, оказалось, что мы вместе заканчивали военно-пехотное училище в г. Фрунзе. Комилджонов поручил мне разыскать Гусейн- ага, которого я нашёл на шестой день в 6 казарме. Комилджонов и я направились в направлении 6 казармы, где была вывеска Лазарет.Когда я подошёл и открыл дверь, меня встретил санитар легионер, который вызвал к нам Гусейн-ага. Он подошёл к нам и обнял меня и моих друзей, в это время проходил немецкий офицер, который спросил его: "Это твои товарищи?" Гусейн-ага познакомил нас с ним, а потом мы вошли в ординаторскую и поговорили о новом месте пребывания в городке Нойхаммер. На прощание договорились после ужина встретиться в сквере расположенного лагеря в 19.00. часов. Настали февральские дни, дул холодный ветер, сосны изредка нежно шуршали. По аллейкам проходили солдаты-легионеры, которые здоровались с нами. Комилджонов сказал, что здесь новые места, новые люди, на что я добавил, что это не Украина, не Миргород и не село Запорожец, а центр Германии, значит надо быть предельно осторожными с окружающими людьми. Мы решали как создать ядро из верных нам легионеров, чтобы получать информацию о ходе событий на фронтах. Гусейн-ага сказал, чтобы я подумал над тем, чтобы иметь контакт с Людмилой, дочерью поварихи, которая могла быть источником информаций, потому что она часто общалась в столовой с немецкими офицерами. Утром рано я со старшиной выстроили роту, подошёл немецкий офицер и прочитал текст, а перевод-

чик переводил о победах германской армии на восточном фронте , что русская армия отброшена за Волгой, в Сталинграде установлены германские порядки, что в Туркестане ждут нас легионеров, что мы будем хозяевами республики, это были ложные сведения, но многие легионеры поверили. До вечера я не мог придти в себя, после отбоя лежал в кровати и с Азимджоновым, старшиной нашей роты, он бывший коммунист, единственный человек с которым можно было говорить откровенно, беседовал о том, что он думает об этой информации,он конечно ответил, что это не правда. Верно, ещё в истории войн России не было поражений, одна из таких войн 1812 года, война француза Наполеона Бонапарта. Закончилось это тем, что Кутузов погнал их до самого Парижа, но как узнать, с этими мыслями я уснул. В воскресный день после завтрака я направился в сторону столовой, где работала Людмила. Я застал её у подъезда столовой с веником в руках. Я с ней поздоровался и прошёл через зал в её маленькую комнату, где она отдыхала. Я спросил её о том, что доктор Гусейн что-нибудь передавал, она ответила, что я могу ей доверять. Людмила добавила: она слышала, что Муссолини украли англичане и увезли неизвестно на какой остров, и что положение немецкой армии под Сталинградом тяжёлое. "Если это так, ещё раз уточните пожалуйста, это очень важно знать мне и моим товарищам. Хорошо Ашур, я постараюсь узнать. Ты кушать хочешь?"- спросила она и достала из тумбочки кусочек сыра, хлеба и колбасу, сделала мне бутерброд и пошла на кухню за кофем. Пока я ел она милыми голубыми глазами смотрела на меня, как будто сидела и позировала в мастерской у художника. "Красивые у вас глаза Людмила. Когда я смотрю на вас я вспоминаю родину, моих милых знакомых девчат и ребят с которыми я вырос. Я очень счастлив, что имею такую знакомую девушку как вы!"Она улыбнулась и добавила к моим словам, что тоже очень много хорошего обо мне слышала от мамы своей и доктора Гусейна. "Ну что же, дорогая Людмила, даю вам искреннюю клятву быть откровенным и верным другом пока будем вместе. А почему пока будем вместе?" спросила она с удивлением. "Дорогая, сейчас идёт война, не знаем что будет с нами завтра, поэтому приходится смотреть на жизнь реально."

Вечером около семнадцати часов сидел у себя в бараке и просматривал какие-то немецкие журналы, хотя немецкого языка я не знал. Вдруг в дверь постучали, открываю, а там мулла, доктор Гусейн-ага и Амон-ака. Мулла был родом из Коканда, среднего роста, с чёрной бородой с большими глазами, лет 40-45. Он хорошо знал молитву и потому каждое утро проводил молитву с легионерами. Увидев его я почему-то насторожился, душа подсказывала недоверие к нему. Амон-ака познакомил с муллой, а затем сказал, что ему можно доверять. Затем мулла обращаясь ко мне сказал:"Думаем вы слышали утреннее сообщение, и также наверно, не поверили этой информации. Вы сможете провести убедительную беседу среди ваших друзей командиров младшего ранга, чт о это ложная политика немецкой армии? Я немного призадумался и посмотрел в глаза Гусейн-ага и сказал: "Ну что, можно, но рисковано, опасно такие разговоры вести, но я подумаю как это сделать. Главная наша задача, дать понять легионерам, чтобы они не верили немцам и их ложной информации"- сказал мулла и мы расстались. Проводив друзей, зашёл в дневальную, посмотрел время было 20.15. минут. Когда я вышел из казармы, то дежурному сказал, что вернусь к отбою. Старшина построил роту и направился к столовой, в это время посмотрев на них я подумал, что ждёт этих ребят через месяц , через год. Какую трагедию приготовили совершенно невиновным людям, за что? Об этом я всё время думал, пока не встретился с Людмилой. Ночь была прекрасна, звёзды сверкали в небе, кругом была тишина. Какая радость у меня была на душе, когда я встретил Людмилу в украинском сарафане и с красной косынкой на голове. "Добрый вечер, Людмила!"- она повернулась ко мне и я захотел обнять её, прижать к груди и забыть обо всём, что пережил. Она подошла ко мне близко, положила руки на мои плечи и опустила голову, когда я поднял её голову, у неё на глазах мне казалось море слёз. Я спросил её: "Что случилось? Дорогой Ашур, немцы на самом деле у берегов Волги, ужасные бои идут. Сталин дал приказ ни шагу от Волги, зима суровая, так много ребят гибнут, но немцы очень расстроены, фельдмаршал Паулис в окружении, это конечно хорошо, передай друзьям."На прощание она дала мне свёрток с едой и сказала: "Возьми с собой, поужинаешь с товарищами, а завтра

в столовой дам знать когда ещё встретимся." Я поблагодарил её, обнял и пошёл к себе в казарму. Так я продолжал узнавать сводки о событиях на Восточном фронте и сообщал иногда легионерам на утренних молитвенных часах, хотя это было опасно, но надо было рисковать, другого выхода не было.

Позже меня предали три легионера, это: Азамов, Ибрагимов и Рахмонов, все они были командирами взводов. Донос был такой, что якобы я довожу до легионеров сводки против германской армии. Когда меня вызвали в штаб, командир батальона, это был капитан Шульц, старик более 50 лет начал допрашивать и обвинять. Я ответил: "Господин говфман, я прошу вас построить роту и сказать ваше обвинение, если кто-нибудь из них обвинит меня в этом, я готов к казни, вот моя голова." В этот тяжёлый день я хладнокровно держался. Рота была построена, оберлейтенант встал перед строем и продолжал говорить через переводчика. "Скажите легионеры-солдаты, ваш командир Хайдаров говорил что-нибудь против Германской армии?" Через несколько секунд, один сержант, узбек из Хорезма вышел из строя и сказал: "Мы младшие командиры и солдаты в лице нашего командира видим настоящего, преданного не только командира, но и как отца, мы его любим и уважаем, мы с ним пойдём в огонь и воду, не так ли легионеры-солдаты?" Все стали апплодировать сержанту, а оберлейтенант понял через переводчика, улыбнулся и попросил меня зайти в штаб к говфма́ну. Я направился в штаб, захожу в кабинет говфмана, а там сидят другие офицеры. Тогда мы вас отправим в другую часть, потому что такие разногласия с комвзводами вас к хорошему не приведут. На другой день меня и 50-60 легионеров отправили в другой лагерь военно-пленных.

В конце октября 1943 года я был отправлен с маршовым легионом, как пленный солдат на красных вагонах в направлении Польши, под Варшавой, а оттуда вновь формировали в подразделения роты на охраны железных дорог в районе города Люблин. Так я расстался с друзьями навсегда, это было в конце октября.

Позвольте в этой главе рассказать о встрече в Нойхаммере с президентом Туркестанского легиона. Его звали Вали Каюм, родом был из г. Ташкента, из интеллигентной семьи, ему было бо-

лее сорока лет, выше среднего роста, стройный, фигура подтянута, внешне выглядел красивым мужчиной, глаза большие, прямой нос слегка с горбинкой, белое лицо,губы пухлые. Утренним воскресным днём мы с командирами пошли к нему на встречу. Я и мои друзья заняли третьи ряды от сцены, где стоял стол и за столом в центре сидел Вали Каюмхон, а по краям сидели несколько узбекских и казахских офицеров, около 7-8 человек. Когда ему дали слово, то первая его речь прозвучала против коммунистов и евреев. Он говорил, что Туркестан это колония России, узбеки, казахи, таджики, киргизы и туркмены являются рабами русских коммунистов. Он уверял нас, что с помощью Германского рейха и армии мы будем владельцами Туркестана, что война кончится победой Германии. Слушая его мне хотелось взять пистолет и пристрелить его, зная, что меня будет ожидать, но к сожалению этого сделать было невозможно. Он неоднократно восхвалял Турецкое правительство, что оно обеспечит всеми необходимыми специалистами, и экономическими ресурсами. Многие легионеры не поверили, потому что знали, что к прошлому возврата нет, то что он говорил была настоящая глупость, многим просто смешно было его слушать. После этой встречи организовали обед в честь этого прохвоста "президента".

Позже в 1944-1945 г.г. многие легионеры совершили побег на запад, к итальянским, французским партизанам, в Чехословакию, Югославию, в Польшу, так оно было. Но могу сказать; что были и настоящие изменники, которые совершали зверские преступления, они оставшись живыми не вернулись на родину, а искали убежище в Германии, многие уехали из Франции в Америку и Канаду.

ПОЛЬША

В конце ноября 1943 года, наш эшелон остановился на какой-то станции, не помню название. В ту ночь группа пленных из 10-11 человек совершили побег, но побег был неудачным, их задержали патрули и доставили в комендатуру. На следующий день на стоянке разъезда, перед глазами пленных и гражданского населения поляков были расстреляны. Полицейские с белыми повязками на левой руке раздевали труппы и бросали на бричку как дро-

ва, страшно было смотреть, человек словно как озверевший волк терзали одежду умерших пленных. Поезд тронулся на Восток в направлении Варшавы. На станции нас стали разделять на роты и взводы и по 25-30 человек погрузили в закрытые машины, привезли за колючую проволоку в лагерь военнопленных. Название этой местности не помню, но это было похоже на посёлок или на городок. Из моих нойхамерских друзей никого не было со мной, а может и были, я их не помню. Нашу колонну в составе около 150-200 человек вновь погрузили в машины и привезли в город Люблин. На вторые сутки нам раздали солдатскую форму зелёного цвета, построили и сказали, что кто не желает выполнять требования и службу Германской власти сделать три шага вперёд, это означало смерть. Никто не вышел из строя, затем они сказали, что наша задача состоит в том, чтобы охранять и ремонтировать железную дорогу и мосты.

Из отряда отсчитывали около 45-50 человек и назначали командиров. В одной из таких групп я был назначен старшим т.е. командиром взвода. Нас разбили на четыре группы и в тот же день на поезде высаживали каждую группу на станциях железных дорог на г. Краков. Меня высадили с немецкими офицерами, одного из них звали лейтенант Бекеш на станции Зембожицы, где я и обосновался. Выдали нам оружие, французские старые винтовки с длинным стволом, похожие на одноствольное охотничье ружьё, которые я после побега в лесу командования партизанского отряда им. Будённого закопал в землю на вечные времена.

Разместили нас в деревянных бараках по десять человек в каждой комнате, в которых находились двухярусные кровати. Матрасы были соломенные, одеяла байковые. Мы готовили пищу сами, без разрешения уходить, считалось попытка к бегству и тут же расстреливали. Этого в моём взводе не случалось. Я обещал солдатам, что со мной не пропадёте и что бежать одному рискованно, надо умно решать подобные поступки. Вскоре я стал знакомиться с поляками, жителями местности, где мы находились и охраняли железные дороги. За время моего нахождения в той местности, два раза были взорваны линии железных дорог доверенной группой партизан польского отряда, где я способствовал. Находился в Зембожице около 4 месяца.

В марте 1944 одна девушка, её звали паненко Хелля, дочь буфетчика познакомила меня с одним русским человеком,мы договорились о встрече,но поляки не советовали мне с ним встречаться. Они пообещали познакомить меня с профессиональными партизанами. В тот день мне всё таки пришлось встретиться с этим русским парнем, после встречи с ним меня кто-то предал и заявили в комендатуру. 14 марта, днём к нам ворвалась группа вооружённых солдат из СС, окружили нас и всех командиров обезоружили и доставили в полевую жандармерию г. Люблина. Нас было пять человек, по пути в машине я сказал друзьям, что мы на краю смерти, но несмотря на это мы должны выдержать любые пытки, чтобы не предать. На допросе меня спросили, действительно ли я хотел сбежать к партизанам. Я ответил: "Я человек военный, прошёл много и видел хорошего и гуманного со стороны германского командования, только задумайтесь, за моей спиной стоит такая великая армия Великой Германии. Я ещё не глуп, чтобы уходить в лес к разбойникам и я ещё хочу жить, а если не верите можете расстрелять." На этом наш допрос закончился, к нам подошёл лейтенант Бекеш и командир батальона и пожали нам руки и сказали, что один наш товарищ сделал донос. Мы узнали, что это был один каракалпак по национальности, которого я однажды наказал. Он хотел изнасиловать польскую несовершенолетнюю девушку, но его сразу не поймали, а при опознании он спрятался. После этого я его наказал сам, снял ему штаны и 10 плёток всыпал и сутки продержал на холоде в закрытом вагоне, вот он и отомстить решил мне. Немцы избили его и перебросили в другой лагерь военнопленных, мы его больше никогда не видели. Вновь я вернулся к себе в Зембожицию, солдаты обрадовались и сказали, что их тоже допрашивали о побеге. Во первых я и не думал уходить к партизанам с этим русским парнем, это было бы глупо, я мог погибнуть и людей погубить. И так мне пришлось вновь организовать связь с партизанами, с которым помогла девушка Хелля, дочь буфетчика. Однажды я подумал, как сделать, чтобы войти в доверие и напугать немцев, чтобы их посты не ходили проверять. Я решил, что надо создать искусственый налёт партизан. Одну группу в составе 2-х легионеров с оружием отправил в лес для того, чтобы там открыть стрельбу, заранее предупредив мес-

тных жителей с которыми у меня были связи. После создавшегося налёта, мы поднялись по тревоге и направились к лесу. После короткой, ночной атаки в лесу все возвратились весёлыми. Когда мы подошли к своим баракам меня встретил наш комендант, который приказал тем временем солдатам приготовиться стрелять из миномёта в сторону леса. Я сказал, что партизаны ушли и всё спокойно. В эту же ночь он позвонил в штаб, командиру роты лейтенанту Бекешу, который приехал на следующий день. Он построил наш взвод и поблагодарил нас, приказал выдать нам по пачке сигарет и консервы, которыми питались сами. После этого ни один немец не приходил на проверки в нашу сторону, и я спокойно делал свои дела. На второй день в буфете Хелля познакомила меня с одним поляком, который обещал встречу с партизанами, только поздно ночью, где-то в 24.00.. часов ночи. Хотелось бы рассказать о некоторых мне близких знакомых, местных жителей, поляках. В первые дни моего место жительства в Зембожиции я познакомился с начальником станции, которого звали Михаил Франк. Он и его семья хорошо знали русский язык. Они родом из г. Одессы, после революции Михаил Франк вместе с семьёй переехал в Польшу. Он инженер по специальности, имя жены не помню, но она была полька. У них было две дочери и сын, одну дочь звали Тамара Франк, 1917 г. года рождения, она родилась в г. Одессе, была замужем, преподавала уроки музыки в музыкальной школе в г. Люблине. В 1939 г. немцы во время облавы расстреляли её мужа. Они были очень интиллегентные, жили при железнодорожной станции, имели сад с огородом для хозяйства. Когда я приходил к ним и беседовал, их очень интересовали наши края особенно Средняя Азия. Я рассказывал им о наших краях, и они всегда радовались моему приходу. Может быть я сам им нравился, но и мне всегда нравилось слушать музыку на пианино. Когда Тамара играла восточные мелодии, а она мне играла мелодию "Арабский базар", и передо мной вырисовывались красочные халаты Востока, колокольные звонки караванов верблюд, яркий ослепительный свет солнца. Я вспоминал свой г. Самарканд, Регистан (это одно из достопримечательностей г. Самарканда), живописные базары, всё это не давало мне покоя, я с жаждой смотрел на неё и на её длинные красивые пальцы, играющие

на пианино. Я хотел поближе познакомиться с ней, но в то время у меня была жена и сын. Она была не против, чтобы у нас был роман, но моя цель была иная, надо было установить связь с партизанами, потому что я прямо сказал ей, что хочу устроить побег с друзьями. Благодаря ей я держал контакт с панинкой Хелли, она была близкой подругой Тамары. День за днём наши отношения стали укрепляться. Как-то раз её родители стали выяснять наши отношения. В это время вошла Тамара и спросила их: "О чём это вы говорите? - Да так, доченька, мы с мамой хотели бы знать твои отношения с паном Алеком (так они меня называли), сейчас война, ты не думаешь, что это война может принести тебе ещё одно горе. Мама, я люблю его и привязалась к нему, он сможет отомстить за смерть моего мужа."Дядя Миша, мама, позвольте сказать, я очень прошу Вас не вмешиваться в наши дела, верить мне, что я не буду вмешивать Тамару в мои личные дела как соучастницу. Я молодой человек из далёкого Востока, наверно мои родители давно меня похоронили, единственное что я прошу, чтобы она познакомила с Вашими верными людьми, а она это сможет. Пусть люди смотрят и думают, что у нас любовный роман, я не хочу причинять Вам неприятности. Я отомщу не только за мужа Тамары, а за тысячу погибших на войне, которая принесла горе и несчастье. Помните, пусть эта тайна останется здесь, это моя просьба, дорогие мои старики. Сотни тысячи парни и девушки в лесах совершают подвиги, а мы здесь сидим сложа руки, а это не должно быть, мы должны что-то делать." Мы вышли с ней на улицу, но я ей сказал, чтобы она далеко не ходила провожать, я хотел её обнять, поцеловать и сказать, что люблю и в этот миг пробежала мимо нас собака. Она прижалась испуганно ко мне и сказала: "Алик это собака не укусит?" Я прижал её к груди и наши губы коснулись так горячо, что я чувствовал её горячие губы и мягкие ручки, и в одно мгновение я забыл, где я нахожусь. Потом мы расстались и когда я отошёл и посмотрел назад она всё ещё стояла и смотрела вслед за мной. На другой день после завтрака, я направился к станции и ко мне подошла одна старенькая женщина и попросила, чтобы я подошёл к буфету на встречу с каким-то человеком. Когда я зошёл в буфет, я подошёл к буфетчику и попросил что-нибудь выпить. Он предложил мне выпить кофе, в это

время подошёл ко мне солдат и сел рядом со мной за стол. "Доброе утро пан!"- он сказал. "Доброе утро, я Вас слушаю." "Я от пана Лесника, (лесник был одним из представителем партизан) он просит сведения о накоплении немецких войск на вокзале г.Люблина, количество и что находится в эшелонах. Хорошо, завтра вечером на этом месте вы получите сведения, до свидания пан!" и мы расстались с ним. Я направился к станции, к дому Тамары, где она сидела и занималась музыкой, увидев меня она сразу начала наигрывать мелодию "Арабский базар", которую я с удовольствием слушал и когда её нежные пальцы пошли по клавищам несколько минут я наслаждался этой прекрасной мелодией Востока.

Томочка, я пришёл по одному делу, ты должна мне помочь. Слушаю тебя,"она сказала. "Завтра утром поедим в г. Люблин и мы с тобой сходим в костёл, но ты как католичка будешь на исповеди, а я посмотрю на костёл. Затем мы погуляем по городу, согласна? "Хорошо я только папе скажу и мы поедим."Расстояние от Зембожици до г. Люблина было 6 км. Утром первым поездом мы поехали в г. Люблин, а при выходе из вагона патруль остановил нас и спросил пропуск. Я показал ему свой пропуск, а Тамара свой паспорт, который подтверждал, что она жительница Зембожици. Я попросил её не торопиться, а посмотреть вокзал, и стал расспрашивать про историю этих старинных зданий, а сам в это время оглядывался на железную дорогу, где стояли в две линии загруженные военные эшелоны в направлении восточной границы Польши. Они были закрыты бризентом, внешне было похоже, что там находятся танки и орудия, примерно около 60-70 вагонов. Я подошёл и спросил дорожного стрелочника: "Когда эти эшелоны отправят? Неизвестно когда освободятся дороги, вагоны вторые сутки стоят, потому что дороги разрушены, мосты взорваны." Я поблагодарил его и мы пошли в костёл. Мы пришли в самый разгар молитвы, мне не хотелось долго сидеть в костёле. Вскоре мы вышли оттуда и я попросил её пойти пешком до Зембожици, но она сказала, что она должна попасть домой вовремя. Мы пошли через мост, а там на попутной машине решили поехать домой. Ей тяжело было идти в туфлях, и она сняла туфли и пошла босиком, не прошло двадцать минут и мы сели на одну попутную

машину, которая довезла нас до станции Зембожици. Подходило время нашего свидания с паном Лесником в буфете. Я оторвал кусочек бумаги из блокнота, набросал план железнодорожного вокзала г. Люблина и на каких линиях стоят эшелоны и чем они погружены. В эту ночь там началась бомбёжка, где-то около 23.00. часов ночи, это было 11 мая 1944 г. Я заранее предупредил своих и семью Тамары о том, что партизаны будут бомбить. Удивительно, что на железнодорожные мосты ни одна бомба не попала, но станция г. Люблина страшно пострадала, бомбили около 2-х часов. Через неделю в столовой, где мы всегда обедали, Хелля подошла ко мне, и сказала , что пан Лесник благодарил вас. По некоторым данным я чувствовал, что немцы стали тревожиться. Вечером я зашёл к Тамаре, долго ждал как начать разговор о плане побега. Побег должен быть без потери, но и тут мне помогла Тамара. В один майский день, я должен был подойти к мельнице у опушки леса для того, чтобы встретиться с польскими товарищами. Я попросил их о встрече с русскими партизанами, с которыми мы были знакомы заочно, я знал эту группу, которая действовала в этих районах. Был воскресный день,польские товарищи сказали мне, что у костёла меня будет ждать человек в белом плаще на велосипеде. Как только он Вас увидит сразу же сядет на велосипед и поедет, и вы тоже должны поехать на другом велосипеде следом за ним через лес в другое село, где вам организуют встречу с русскими партизанами. Так и было сделано, и когда я ехал за этим незнакомым человеком, люди шедшие на встречу мужчины и женщины здоровались и кланялись вслед за мной. Мы ехали около 4-5 км в сторону леса по тропе, на повороте этот велосипедист остановился и попросил меня подождать. Не прошло десять минут, смотрю подходят трое улыбающихся ребят с автоматами в руках. Я представился командиру взвода партизанского отряда Александру Чистякову как бывший командир Красной Армии. Когда мы вместе с Александром шли к хутору через сарай мы зашли во двор. По дороге он решил меня испытать и спросил: "У тебя есть оружие? Есть," - ответил я и хладнокровно протянул ему. Он взял пистолет и спросил меня:"Не боишься? А чего мне бояться, если бы боялся я сюда бы не пришёл, моя судьба в ваших руках." Мы вошли в какой-то двор, там нас встретила одна девушка и

завела в дом, где мы поели и договорились встретиться 21 июня в начале 23.00. часов ночи в лесу за мостом. В тот же вечер под видом, что идём купаться, мы с тремя командирами отделения собрались возле речки и обсудили план побега, но не сообщил время и день. Они стали колебаться, что вдруг не получится и все погибнут, тогда я им сказал, чтобы они забыли про этот разговор и ждали когда будет проходить фронт или немцы или свои нас расстреляют, ну а до назначенного дня побега оставалось 2 -ое суток.

В назначенную ночь побега я собрал взвод, одел их потеплей и сказал взять запас еды, воду и патроны, а командирам дал увольнительные до 23.00. часов ночи. Вечером построил взвод, проверил всех и одного человека оставил дневальным. В это время подошёл фелдфебель и спросил куда мы идём, я ответил ему, что иду патрулировать железную дорогу, это было около 19.00. часов вечера. Когда проходил мимо станции, там стояла Тамара и махала мне платочком, как бы желая мне удачи. Не знаю, что она в душе думала, лично я думал, увижу ли я когда нибудь её ещё, с такими мыслями мы скрылись в темноте. Через километр пути мы завернули по дороге к лесу через мост. Я шёл с автоматом и держал курок на тот случай если кто-то струсит и захочет сбежать, расстрелять. В лесу, куда мы прибыли через полчаса, нас встретили друзья партизаны во главе с Александром Чистяковым, оттуда мы отъехали более 30 км. Когда мы были в лесу и садились на фурманки (машины) в Зембожици были тревожные ракеты и выстрелы из автоматов. В нашем взводе было 39 человек, у нас были французские оружия с длинным стволом и один немецкий пулемет-универсал. Вот так закончился мой побег.

24 июня 1944 год. Когда я проснулся, все мои солдаты спали, я мельком увидел женщину полячку, которая с ведром в руках подходила к колодцу и стала набирать воду. Я быстро подбежал, чтобы взять с её рук вёдра, она с улыбкой подала вёдра и спросила откуда я приехал. Я сказал, что из Туркестана, Средняя Азия, а именно из г. Самарканда, но она сказала, что знает только Азию. Я немного рассказал ей о месте расположении нашего края, пока мы шли на кухню. Когда я положил вёдра на кухне и стал уходить, рядом от кухни вышел Александр и ещё один пан из Зембо-

жици. Я сразу узнал его и мы крепко обнялись. "И так, пан Ашур, как настроение?"- обратился ко мне Александр Чистяков, а затем спросил:"Послушай Ашур, твои ребята могут кабана или корову зарезать? Конечно, да я сам смогу, мой отец мясник и мне не раз приходилось вместе с ним резать скотину." Через полтора часа мясо было нарублено и находилось на кухне. Хозяйка приготовила обед и позвала всех кушать, хлеба нам выдали по 300 гр, потому что пан Романовский не расчитывал на моих ребят. После сытного обеда ко мне подошли Александр и пан Романовский и попросили, чтобы я собрал своих ребят для беседы и тут же спросил. что все ли преданны мне. Я ответил, что предатели остались у фрицов, а здесь со мной остались те, в ком я не сомневаюсь. Я выстроил свой взвод и после приветствия Чистяков начал говорить: "Товарищи, вы совершили риск и смело пошли со своим командиром Хайдаровым, которого мы знали и раньше, но вы ещё не партизаны, а для того, чтобы совершить и заслужить звание партизана надо выполнить показательную диверсию. Совершая диверсию вы должны будете пустить под откос немецкий поезд или взрывать важные объекты врага, только тогда вам присвоят имя партизана." Он сказал, что мы должны выполнять партизанскую дисциплину и более 20 минут разъяснял о порядках дисциплины партизанского движения. Затем я попросил выступить перед ними и сказал: "Дорогие мои бойцы, будьте бдительными, смелыми, безприкословно подчиняйтесь уставам партизанского движения, храбро достигайте звания Красного партизана. Сейчас обратного пути никому нет, надо беспощадно уничтожать немецкие полчища."У всех на лицах была улыбка и радость, они все разошлись по местам. Отряд двинулся по лесным дорогам и тропам, за двое суток мы прошли более 70-80 км. Была ночь, наш отряд остановился в одном из хуторов в Яновском лесу, где мы решили повечерить. Это было моё первое испытание в партизанской жизни. Александр перед строем дал понять солдатам, что мы будем проходить зону лесов Яновки, где могут быть отряды националистов или бендеры или же польские партизаны армии краевой. Они могли сделать нам засаду, но в этом случае мы должны были держаться спокойно и слушать команду командира, а у Александра уже имелся в этом опыт. В полуночной тишине мар-

шом двигались отряды и вдруг начались сильные ураганные выстрелы из автоматов и винтовок, это была засада. Бой продолжался более двух часов, к этому времени на горизонте, сквозь деревья лесов начало рассветать. Сашка прибежал ко мне и спросил:"Ашур! Как у тебя дела, потери есть?" Я ответил, что потерь нет, но вот обоз сорвался в сторону леса. "Кто же были эти люди?"- спросил я Сашку, он махнул рукой и сказал: "Это мелкая банда, они думали, что мы бросим обозы и убежим в разные стороны, пошли проверим хутора" На опушке Яновских лесов размещались два хутора, где мы начали обыскивать, но кроме гусей и кур мы ничего не обнаружили. Кто-то из них сказал, что надо сжечь хутора, но командир сказал, что мы не должны делать этого, а вот кур и гусей заберём, нам они пригодятся. В глубине леса к нам присоединилось основное ядро нашего партизанского отряда имени С.М.Будённого, где нас выстроили в две шеренги. Командир отряда был капитан Яковлев (имя не помню), он посмотрел на нас, а потом спросил кто из нас боец Хайдаров и попросил сделать шаг вперёд. Затем он познакомился со мной и спросил сколько у меня бойцов, на что я ответил 39. Он спросил, что за оружие у нас, я ответил, что французские винтовки старого образца, и приказал Чистякову Александру разобрать по частям и зарыть в разные места, а затворы бросить в болото. Он приказал быть в боевой готовности к 06.00. часам утра и представил командира боеснабжения. Я лёг спать под дубом. думая, что будет завтра.

С раннего утра нас новичков собрали, построили, затем разбили на несколько групп по 10-12 человек и передали к более опытным партизанам. Я лично попал в первую группу, где моим командиром был украинец Анатолий Пундик. В тот же день наша группа направилась к окрестностям г. Люблина, эти места мне были знакомы очень хорошо. Расстояние района от станции Зембожици охватывало не более 10-15 км.

26 июня 1944 года мы уже находились в назначенном районе, по приказу командира тов. Пундика я и минёр Сергей (фамилию не помню) приблизились к железножорожной линии. Мы вырыли яму под шпалами и зарыли мину, которая имела форму туалетного мыла. Поезд с длинным гудком приближался всё ближе и ближе, а мы в это время находились в нескольких метрах от того

места. Серёжа мне сказал, как только пропустим паровоз и пару вагонов надо потянуть шнур. Так мы и сделали и когда я потянул шнур, то мгновенно раздался такой взрыв, огонь поднялся выше двухэтажного дома. Когда мы стали бежать в сторону леса, взрывы безконечно повторялись. Оказалось, что в этих вагонах были погружены либо бомбы либо подобные снаряды. В эту ночь мы отошли от этих мест более 12 км, добрались до хутора и решили отдохнуть, но наш отдых заключался в том, чтобы просушить одежду, поесть и набрать немного силы. После полудня мы тронулись подальше в глубь леса. На второй день когда мы готовились ко второй операции, наши посты встретились с группой польских партизан. Их было около 50-60 человек, окружили нас и доставили в свой штаб. Они обрадовались, что мы русские партизаны и предложил нам участвовать в операции для спасения в районе г. Люблина, где находилось около 400 детей-подростков от 6 до 11 лет. Этих детей немцы держали и кормили, а затем брали кровь для раненных немецких солдат. Наш командир группы посоветовался с нами и решил участвовать в операции спасения детей. Операция была выполнена отлично, все дети были вывезены на фурманках, а два десятка немцев в форме СС были расстреляны. После доставки детей по сёлам и хуторам мы с группой отстали от польских партизан, полторы суток отдыхали на хуторе и двинулись выполнять другое задание командования, которое находилось недалеко от станции Нижвицы. Эта дорога тянулась от г. Люблина до г. Холм, а там фронт Восточного направления немецких войск. Не буду подробно описывать как это было, единственно расскажу, что эта операция получилась не удачная из за несвоевременного движения поездов. Когда заминировали железную дорогу и ждали подхода поезда, в это время проходили немецкие патрули миноискатели, их было около десяти человек. Они обнаружили, что железная дорога заминирована и крикнули. И тут Сергей говорит: "Ну что, Ашур, что будем делать?" Я сказал: "Тяни Сергей шнур от копселя!"и все эти патрули полетели в воздух. На другой день местные жители видели куски человеческих тел и одежды висели на проводах телеграфных столбов. К утру мы уже находились далеко, в районе Яновских лесов, где был расположен наш партизанский отряд им. С.М. Будённого. Вот таки-

ми действиями мы были достойны звания красного партизана. В начале июня наши отряды и в том числе девизия им. Ковпака, которым командовал генерал Вершигора выходили из окружения немецкой карательной экспедиции. Бои были жуткие, немцы не могли вести бои в глубине лесов, но всё же бомбили леса, очень много хуторов пострадало от бомбёжек. В этих жестоких боях каждый партизан наших отрядов израсходовал 20-25 тысяч автоматных патронов. В конце августа в начале сентября мы соединились с линией фронта Красной армии, которая находилась в районе лесов Янова. После соединения с линией фронта поступил приказ, чтобы наш отряд передали в распоряжение дивизии имени Ковпака и двинулись на восток, в районы освобождённые Красной армией. Когда наша дивизия двигалась маршом на восток, командование дивизии приказало недельный перевал в одной из больших деревень Польши. Словом отдохнули, искупались в бане, стирали одежду, а самое главное наелись гусиного мяса.

В моей жизни те дни казались самыми счастливыми, народ нас принял с благодарностью и мы веселились от души. Мы вновь двинулись в поход на восток, ближе к родине. Наши отряды расформировали по группам в г. Ровно. Я со своей группой направились в район Рокитно, где боролись с бандой украинских националистов, так называемые "бендеры". Служба оказалась здесь ещё сложней, чем в партизанах. Нашей спецгруппой командовал генерал Трубников, начальник НКВД Ровенской области. До конца войны более 7 месяцев служил в частях группы НКВД.

30 июня 1945 года нас демобилизовали и я вернулся на родину в г. Самарканд. Я хотел бы написать о тех далёких памятных днях, 9 мая 1945 г., дня Победы в г. Ровне. В ночь с 8 на 9 мая я себя плохо чувствовал, у меня на шее, в области затылка было около восьми фурункулов, которые не давали мне спать. Я лежал с наушниками на ушах и вдруг услышал голос Левитана о победоносном завершении Великой Отечественной войны, крах фашизма. Я от радости соскочил с кровати и крикнул "Мария, Победа!" Эта женщина была повариха, она же была женой нашего товарища Пундика Ивана. На улице в эту ночь горели прожектора, пули свистели из винтовок и автоматов, ракеты, словом небо было освещено разноцветными огнями. Я схватил свой автомат высунул-

ся в форточку и выстрелил несколько раз, в это время Мария и Жорка вошли, и как-будто много лет не видели меня, стали целовать меня. У нас были слёзы на глазах, а Мария говорила: "Ашур, милый конец войне, вы герои! Мария, всё хорошо, дай ключ, чтобы я открыл дверь сарая, я поеду в город и посмотрю, что там делается," сказал я."Ты что, ты болен,"сказала она. Но я всё таки поскакал на коне в центр города Ровно, а там у главпочтамта народу было очень много стариков, старух , женщин и детей. Они все так радовались, обнимали и целовали друг у друга. Я не успел сойти с коня, меня тут же схватили и понесли на несколько шагов в сторону и стали обнимать и целовать. Одна женщина подходила и каждому наливала самогон и давала хлеб на закуску. Я никогда не забуду, что в это радостное утро меня так растрепали женщины и старики, что все мои фурункулы полопались. Девушка заметила, что у меня вся шея в крови и повела меня в сторону почты, а там обработала мои раны и перевязала бинтами. Я вернулся через несколько часов к себе домой, где нас ждала Мария, приготовив нам хороший украинский борщ. В это время приехали и мои друзья из группы Пундика, Андрей, Павел, Насрулло и ещё кто-то из гражданского населения и каждый принёс что-то вкусное. Хозяин этого дома, где мы жили за столом сказал: "Товарищи, конец войне, победа великого советского народа, конец проклятому фашизму, выпьем за тех, кто совершил победу. За победу, за Сталина, великого вождя всех народов!" Тогда никто из нас не мог знать, что Сталин был виновником в многомиллионных жертвах до и после войны. Это были незабываемые дни в моей жизни, я представлял себе, что творилось по Советскому Союзу.

Не могу не рассказать о тех жестоких схватках нашей группы, которые выполняли задание в борьбе с внутренними врагами, как их тогда называли украинские националисты. Они хотели то свою самостоятельность, то хотели соединиться с польским панством. Насколько мне было известно руководил ими Степан Бендера, который в то время находился в Америке. У них были подпольные националистические партии в г. Львове, в основном на территории Закарпатии и Западной Белоруссии. Они были одеты по разному, оружия были немецкие, советские, польские. Они разме-

щались в лесах, деревнях и хуторах. Они в открытую в бой с нами не вступали, совершали разбойничьи нападения на маленькие гарнизоны, сёла, где размещались представители советской власти, убивали активистов, учителей, грабили мирное население. Это напоминало мне период 1929-1930 г.г. в Средней Азии, басмачей, которые безжалостно расправлялись с населением таким же способом. В неделю, а иногда и в месяц 2-3 раза приходилось уходить и выполнять задание по борьбе с бандой, которая подрывала работу движения наших поездов. Эпизодов было очень много, потребуется очень много писать, но я постараюсь написать о некоторых более сложных событиях. Время было холодное, то ли декабрь 1944 г. то ли январь 1945 г., нас вызвали в управление и разъяснили, что в одном из районов (Сарко или Сарно) орудует банда бендеров, где главой был некий "Стальной." Это было прозвище командира полка, не буду утверждать кто был он по национальности, но по сведениям местных жителей, он был русский, бывший командир артиллерийской дивизии, раньше служил в Красной армии. Он попал в окружение немцев в первые дни войны и скрывался в лесах , где и организовал группу из отряда бендеровцев. В те зимние дни в Сарное наша спецгруппа в содействии войск МВД оцепили все дороги и даже лесные тропы. Более суток наша группа держала один важный объект, откуда должна была проходить группа "стального."Было ранее утро, только что солнце раскинулось по полям и деревьям, снег казалось применял оранжево фиолетовый цвет. В том месте, где моя группа находилась, в конце леса, были открытые поля, а на холме этой местности находилась церковь. Пейзаж был изумительно хорош, мне так хотелось написать этюд, но было не до этого. Вдруг за бугром показались три всадника, двое на темно-гнедых конях, один на белом коне, и мне показалось, что они были не наши. Я дал команду "огонь", и наша стрельба охватила этих всадников, все они трое повалились в разные стороны. Мы подбежали и стали разглядывать, один ещё был живой, и кто-то из солдат выстрелил в него, оказалось это был "стальной", сотник бендеровский и его люди. Так было покончено с "атаманом бендеров Стальным." На другой день я и ещё два партизана Тохтаев и Андрей на поезде поехали в г. Ровно в управление НКВД к генералу-майору Труб-

никову, чтобы сообщить о кончине "Стального". Генерал дал нам два дня увольнительного и мы находились в городе. Мы решили пойти на базар, и когда пришли, на площади базара, на пяти метровом столбе висела голова "стального". Мы уехали на третий день к себе в часть. На другой день начальник управления перед строем прочёл приказ генерала Трубникова, в котором была объявлена благодарность нашей группе и лично мне от командования управления НКВД г. Ровно.

Второй эпизод, это как мы устанавливали советскую власть в сёлах и хуторах.

СЛУЧАЙ В СЕЛЕ ДУБОВКА

Меня вызвал в управление начальник отдела, капитан и сказал: "Товарищ Хайдаров, вы назначены старшим по охране группы представителей власти, и вместе с лейтенантом милиции будете проводить собрание в селе Дубовка, задание ясно?" "Да, понятно"ответил я. На другой день я со своей группой в составе 10 человек взяли три брички-фурманки и отъехали более 5 км в село Дубовка. Когда мы приехали в село, председателя на месте не оказалось, но через 20 минут он пришёл, и сказал, что скоро его односельчане придут на собрание. Мы ждали до обеда, но пришли всего 5 старушек. Вдруг ко мне забегает боец и сообщает, что на окраине села видно много вооружённых людей, которые окружали село. Я не поверил и вышел посмотреть по сторонам, вижу на белом снегу группами, короткими перебежками окружали село, вернее нас. Я сказал лейтенанту, что нас окружают бендеры и надо срочно податься в лес, который находился справа от дома в 100-150 м. Их было много, а нас мало, но лейтенант не стал меня слушать, и решил двигаться по дороге. Он вместе с девушками, их было трое (они были почтальоны), погрузились на бричок и уехали. Я сказал ему, что попадёте в засаду, а он не слушая меня погнал лошадей в сторону Дубовки. Я с группой направились в лес, мы знали тропу. Была одна короткая дорога в район, но там была засада, тогда я решил на перерез, начал ориентироваться по компасу. В одном месте мы встретились с хозяйственной группой бендеров, которые жили в шалаше. Мы без звука обезоружили трёх мужиков и одну женщину, которая хотела крикнуть на помощь,

но не успела, её прикончили. Мы пришли в район и к нам на встречу подъехала грузовая машина, где находились оперативные работники. Они вышли из кабины, подошли к нам и попросили доложить обстановку, я рассказал всё как было. Лейтенанта нашли через два дня повешенным на берёзовом дереве, а девушек изнасиловали и ночью привезли,и отпустили их недалеко от села Дубовки. За весь период моего нахождения в районе Рокитно мне больше не приходилось ездить по таким заданиям и никто из нашей группы не участвовал в данных операциях. Нас стали отправлять на разведку в леса, где находились бендеры и их гарнизоны. За 6 месяцев нахождения, мною приходилось не раз ходить по этим Ровинским лесам.

В конце апреля 1945 г. нашу группу перевели в распоряжение НКВД г. Ровно, а в июне демобилизовали. 25 июня 1945 г. я уже был в г. Киеве откуда я уехал домой в г. Самарканд.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

30 июня 1945 г. утром, я приехал в г. Самарканд. На вокзале я сел в трамвай и поехал до конечной остановки. Мне захотелось пойти пешком, и первым я встретил своего учителя, завуча нашего художественного училища В. Михайловича Юткина. Он нёс два полных ведра, я поздоровался и схватил с его рук вёдра, но он не сразу узнал, а потом обнял меня как родного сына и начал целовать. Я донёс его вёдра до дома и спросил о Павле Петровиче Бенькове, узнал о его здоровье, и я попрощался с Василием Михайловичем. Когда я шёл домой, всю дорогу вспоминал свою юность, годы учёбы, город за эти годы не изменился, всё по прежнему был красивый г. Самарканд.

Мы жили в старом городе за регистанской площадью по ул. Чиракчинская дом №17, старый мусульманский дом, ворота большие и над воротами был второй этаж, где у меня была мастерская. Это было около 09.-10.00. часов утра, я должен был пойти домой по центральной улице, но я решил пойти домой через переулки. Я знал, что по центру находился магазин, где могли быть мои родные, которые могли стоять в очереди и при виде меня от радости неожиданной могло случиться что-нибудь. Когда я шёл

по переулку, я встретил своего старшего зятя Мирзо, ехавшего на большом осле, который чуть не упал с седла при виде меня. Я тут же удержал его, помог ему слезть, и он расцеловал меня от радости. Я спросил его как лучше сообщить матери о моём пребывании, он ответил, что поедет домой и спокойно сообщит. Когда я дошёл до ворот, я встретил бегущую младшую сестру Саиду, которая бросилась ко мне на шею и заплакала, ей было 7-8 лет. Потом мать молча обняла и сказала: "Я всегда верила, что ты вернёшься." Спустя 20 минут прибежала жена, которая покупала хлеб в магазине. Меня окружили родные, кто плакал, кто радостно смотрел на меня. Я спросил у жены: "Где мой сын?", а он оказывается стоял и смотрел на меня как на чужого дядю. После радостной встречи с родными я несколько дней не выходил из дому, потому что многие приходили поздравлять с приездом. Из нашей махалли ушло более 50-60 человек на фронт, а вернулись всего 7 человек и некоторые из них были инвалидами. На пятый день, утром около 10.00. часов пришёл ко мне незнакомый человек в гражданской одежде, представился мне, что из НКВД и вручил мне повестку, где было написано явиться на следующий день в 09.00. часов утра в управление НКВД. На следующее утро я пришёл туда с женой и сказал ей, что если задержусь пусть идёт домой одна. К сожалению не так быстро я освободился от рук этих субъектов. Я не помню номера кабинета, но когда я вошёл, за столом сидел майор, его фамилия была Алтынбаев, он был среднего возраста, по национальности узбек,который уверенно говорил со мной на трёх языках, но больше спрашивал по-русски. Он попросил меня, чтобы я сел и сказал, что долго ждал меня, затем дал мне бумагу с ручкой и сказал, чтобы я подробно написал свою биографию. После изложения моей биографии, он начал задавать мне вопросы разного рода, и спросил при каких обстоятельствах я попал в плен к немцам. Рассказ мой был чистосердечный, я все даты помнил и всё подробно рассказал. Допрос тянулся целых два часа, затем ему позвонили, он снял трубку, поговорил, а потом мне сказал, чтобы я подробно написал об этих четырёх годах моего отсутствия. Я остался и писал до 19.00. часов вечера. Я вспоминал всё, что мог и старался писать так, чтобы при повтор-

ном допросе не было расхождений в моём рассказе. Когда я закончил писать, майор взял мой пропуск и разрешил мне уйти, но при этом сказал, чтобы я никуда не уезжал, а если будут командировки, чтобы я их предупредил. Я вышел на улицу, а там меня ждала жена и мы пошли домой. В то время мой отец находился на территории Кенигсберга, а брат в Ленинграде, младший брат погиб под Сталинградом в декабре 1942 г. В эту ночь я не мог уснуть, всё думал как наладить по дому хозяйство. Я взял деньги в долг и купил одного барана, потом зарезал его и продал мясо, и мне понравилось это дело, потому что было очень доходное. Я через два месяца расплатился с долгами и уже мог кормить свою семью своими заработанными деньгами. В августе месяце меня вызвали в Союз художников и приняли на работу, где присутствовал мой учитель, профессор, большой художник Узбекистана П.П.Беньков, которого я очень любил и уважал. Он стал началом моего правильного пути к жизни художника и я стал художником. В декабре 1945 г. меня приняли в члены Союза художников Узбекской ССР и даже был делегатом 1 съезда художников Уз.ССР. Я был избран председателем правления художественного фонда самаркандского отделения. Работа шла хорошо, меня окружали замечательные люди такие как П.П.Беньков, З.М.Ковалевская, Л.Л.Бурэ и т.д. Я работал очень много, наверстал всё упущенное, общался большее своё время с П.Беньковым, который дал мне знания художника и научил любить профессию художника. Я всю жизнь благодарен этому великому человеку. Четыре года, вернее до 1949 г. у меня не было ни военного билета, ни настоящего паспорта советского гражданина, потому что всё это время я ходил под надзором сыщиков НКВД.

17 июля 1949 г. я вёз на поезде договорную картину "Праздник урожая" для 20 летнего юбилея Таджикской ССР в г. Сталинабад. На вокзале, станции Сары-Ассия мне как преступнику скрутили руки и увезли в г. Самарканд работники НКВД. На третьи сутки меня вывели из одиночной камеры в кабинет замначальника контрразведки капитана Золотухина или Золотникова, не запомнил, который предъявил ордер о моём аресте. Там был ещё один молодой офицер, который дал мне этот ордер, где было на-

писано, что я обвиняюсь по статье "военный преступник , враг народа" и требовал чтобы я подписал. Я не стал подписывать, это обвинение меня ошарашило, я категорически отказывался подписывать, они меня заставляли, я опять стоял на своём, что какой я изменник? Тут я получил сильный удар в правое ухо, я еле удержался на месте, но потом не заметно с места прыжком так ударил по челюсти этого офицера, что он улетел от меня и ударился об стенку. Мне пригрозил один русский офицер пистолетом если я встану с места. Я сказал им, что если будете бить, я тоже буду бить сколько силы есть, если будете материть, я буду также материть. "Будешь подписывать!"они спрашивали, а я отвечал: "Я вам не преступник и я ничего плохого своей родине не сделал, я рисковал сотню раз своей жизнью где бы я ни находился." Тогда капитан приказал меня увести и бросить в третью камеру. Эта была одиночная камера шириной около метра, а длинной 2 метра и высотой 4 метра, где была сырая земля, наверху под решёткой была маленькая лампочка. Меня продержали почти два месяца в одиночной камере, а потом перевели в общую камеру, где нас было двое. Это был довольно интиллегентный человек пожилого возраста из Белоруссии, который тоже был осуждён по статье "враг народа". Он часто задавал мне политические вопросы, интересовался моей биографией, но я был знаком с такими подставными лицами ещё в немецких лагерях, хотя я не знал кто он на самом деле, но я был очень осторожный. Я его просил не спрашивать обо мне, а говорили мы с ним больше о литературе зарубежной и классической, о романах и рассказах. Прошло около пять месяцев и в ноябре меня вызвали в кабинет следователя, это был капитан, но там находился и представитель военного трибунала, который дал мне папку с моим делом, где на обложке было написано "враг народа". Они потребовали, чтобы я прочитал и подписался, но там было почти 50-60 страниц, из которых я прочитал 5-6 страниц и сказал, что не буду подписывать. Я никогда не был шпионом и не давал никаких сведений немецкому гестапо. Они требовали, но я отказывался, потому что там всё так было напридумано. Они сказали, что если я не подпишусь, то составят протокол и акт, что я умышленно отказываюсь и меня ещё хуже

осудят. Я сказал им, делайте что хотите, мне всё равно, потому что от вас мне лучше не будет, а это и есть моя правда, другой у меня нет. На другой день вызвали меня в кабинет, где проходила коллегия трибунала. Там присутствовали два подполковника, полковник, все трое были русские и один старший лейтенант Робонович. Они вызвали свидетеля , который находился со мной в плену в немецких лагерях и спросили: " Подтверждаете ли вы, что Хайдаров был оберлейтенантом у немцев? Нет, он не был офицером в немецкой армии, а был пленным." Тут на него крикнули и сказали:" Почему на допросе утверждали, что Хайдаров был немецким офицером?" а он ответил:"Следователь просил так говорить и обещал , что мои дела наладит." "Садись негодяй!"- крикнул на него полковник и после совещания объявил приговор. Ему дали 25 лет тюремного заключения строгого режима и 5 лет лишения прав, а мне объявили, что я будучи в немецких лагерях спас жизни многих евреев и пленных солдат и дали 15 лет и 5 лет лишения прав. /Когда меня реабилитировали, меня ознакомили с моим делом, где было много показаний гражданских людей, пленных, поляков и чехов, словом тех, кто меня знал. Они писали о том, что я очень много помогал партизанам, спасал детей из лагерей смерти с партизанами, что я принимал активное участие с партизанами во многих диверсионных заданиях. Мои боевые заслуги в рядах партизан, всё это было на запросах органов НКВД/.

Вот такие не справедливые обвинения истребляли наших братьев. Я часто думал за что и почему калечили жизни миллионов молодых людей, какая была им выгода и думал они не люди нашей родины, это были враги нашего отечества. Суд военного трибунала самаркандского военного гарнизона назвал меня "Изменником, врагом народа" и отправили через 4,5 месяца в г. Ташкент. Не знаю кто ходатайствовал, но мне дали свидание с женой и просили говорить либо на русском, либо на узбекском языке. Моя жена была недавно после родов, а моей дочери был один месяц и 12 дней. Мне положено было говорить только десять минут, а свидание продолжалось более полчаса, я говорил, а она только плакала и я её успокаивал. Я поцеловал свою жену, потом малышку и сказал: "Не волнуйся, я вернусь обязательно и мы ещё

проживём с тобой долгую и счастливую жизнь, я уверен в этом, только береги наших детей и езжай к моим родителям." Родители в то время жили в посёлке Сари Осиё в Сурхандарьинской области.

Заключенные находились по 80-90 человек в каждой камере, каждое утро и вечер проходили проверки. В нашей камере находились разные люди — политические и уголовные. Однажды русский товарищ узнал, что я художник, дал мне блокнот и карандаш и попросил, чтобы я нарисовал его. Я с большим удовольствием рисовал заключенных, но это не долго продолжалось, надзиратель узнал и отобрал блокнот с карандашом и хотел посадить в карцер, но уголовники не дали меня в руки надзирателя и меня одного никуда не пускали. Мы находились в г. Новосибирске до 30 мая 1950 г., а оттуда нас по 20 человек посадили в машины и отправили в пересылку г. Новосибирска., где жить нам пришлось не более одного месяца. В новосибирской пересылке я увидел очень трагическое зрелище. Когда нас выводили из вагонов на вокзальную площадь, где стояли красные вагоны, их было около 10-11, то недалеко от нас из машин выводили мужчин, женщин, стариков и старушек с детьми. Они все были очень плохо одеты, некоторые были даже босые, кругом был слышен плач и стон детей, а конвой торопил этих несчастных людей к тем вагонам. Мне стало очень жаль этих людей, так жестоко с ними обращались, ведь в чём они были виноваты. Я подумал, что мы "враги народа"служили на войне и война нас сделала "изменниками", но причём тут эти люди, которые не были на войне, это зрелище я запомнил навсегда.

СЛУЧАЙ В ПЕРЕСЫЛКЕ

Это было в г. Новосибирске, нас разместили в тюремных бараках по 30-40 человек. Бараков было очень много и каждый ряд был огорожен колючей проволокой высотой более 4-5 метров. Вместе со мной разместились политические заключенные. В помещении были двухъярусные кровати, я занял место у стенки на верхнем ярусе. Не далеко от меня разместился один мужчина 50-60 лет, но он по русски не говорил. Когда я спросил его, почему

он не знает русского языка, он ответил мне на турецком языке, что он армянин из Америки, жил и вырос в Вашингтоне. Ему было пять лет когда родители уехали в Париж, а позже в 1938-1939 г. они переехали в Америку. Он был хорошо одет, отличался своей внешностью, манерой поведения. На другой день после проверки нам дали по куску хлеба и кружке чая, мы поели и пошли к себе. В это время к нему направились русские ребята, подошли и сказали, чтобы он по хорошему снял с себя костюм и ботинки. Старик стал отказываться и что-то говорить по армянски, но они не стали слушать его и раздели, а вместо этого дали ему рваную одежду и старые тапочки, которые не налезали на ноги. Я насторожился и боялся, что меня тоже разденут, потому что у меня была хорошая телогрейка и кирзовые сапоги, но меня они не тронули. Однажды вечером я рисовал в блокноте сидящих заключённых. Ко мне подошёл один парень и говорит: "Ты кто парень?" Я ответил: "Художник, а ты кто вор?" Он ответил: "Нет, я террорист, бывший Власовец. "Он взял у меня блокнот и спросил, смогу ли я нарисовать красивую, обнажённую женщину. Я сказал, что нужна натура, чтобы получилась как живая, а он мне в ответ говорит: "Где я тебе возьму девушку, давай рисуй по памяти. Можешь не беспокоиться, потом, никто тебя не обидит." Я нарисовал ему обнажённую девушку с распущенными волосами и он отстал от меня. Это немного облегчило моё положение в этом ужасном мире, профессия, которой я владел помогла мне и здесь. Через 12 дней нас вывезли в г. Барнаул, где я не долго находился, через трое суток мы приехали в г. Караганду, это один из северных городов Казахстана. Когда нас везли в "чёрном вороне"к вокзалу, среди нас находились две женщины, одна из них была пожилая, а другая была беременная, у которой начались роды. Мы одиннадцать мужчин освободили угол и отвернулись, а вторая женщина принимала роды. Сколько мы не стучались в кабину машины, но никто не отзывался. Крик родившегося мальчика возбудил во мне ненависть к этому строю. Так несчастный ребёнок родился в этом несчастном мире. По приезду в г. Караганду нас высадили на вокзале, но мать ребёнка уже была мертва. Мы вынесли тело женщины на перрон, а малыша та женщина прижала к своей груди и с од-

ним конвоем уехали на другой машине. Я был настолько удивлён психикой конвоя и их начальника, но никакой реакции, никакой жалости не было у них. Нас повели к другой машине и увезли в лагерь Сарань-Карлаг /Карагандинский лагерь./ Так началась моя лагерная жизнь в адах Карлага. Я не представлял, что из себя представляет лагерь, а такие лагеря я видел из окна, когда ехал в сталинских вагонах по казахской степи. Ребята показывали мне вышки и говорили, что это лагеря, а их было много. Я помню, что в течении дня когда я ехал из г. Барнаула в г. Караганду, я потерял счёт считая эти лагеря, мне казалось, что весь Казахстан состоит из лагерей.

КАРАГАНДА — САРАНЬ

Сарань находился в 20-30 км от Караганды, распологался в степи, как морской горизонт, а в некоторых местах виднелись вышки шахты и строящиеся жилые дома. Позже мне стало ясно, что заключённые строили угольные шахты и жилые дома для шахтёров. На второй день моего пребывания меня зачислили в бригаду плотников, дали обмундирование, которое было сшито из чёрного сатина и были номера. У меня первое время был номер 607, а позже поменяли на Х-29, буква означала мою фамилию. Полтора месяца я работал в этой бригаде, где бригадиром был очень хороший парень. Он спросил меня, что я могу делать, я ответил, что плотничать не умею, тогда он поручил мне взять топор и выдёргивать старые гвозди из досок, которые лежали на территории зоны. Так полтора месяца моей жизни протекли в плотничной бригаде. В лагере размещалось около 1800 человек, из них больше половины были из Западной Украины и Прибалтики. Люди были разного слоя учёные и профессора, академики, генералы и полковники, музыканты, артисты и художники. Среди нас был такой народный артист СССР Можонов, точно его инициалы не помню, он был из Большого театра, был писатель Коган. Было очень много простых граждан, служащие, иностранцы (немцы, японцы,французы, чехи, поляки).

Они все были одеты в чёрные куртки и брюки, которые были без пуговиц, а ботинки без шнурков. Там находились ещё и ка-

торжники, у которых номера на одежде начинались к примеру К-С-705, это означало каторжник Семёнов-705. В нашей зоне было более 20 бараков, в каждом бараке было по 150-200 человек и были бараки для обслуживающего персонала, это были повара, парикмахеры, мастерские, банщики и санчасть. Эти бараки были огорожены шести-метровыми заборами, и с обоих сторон забора в 3-4 ряда были колючие проволоки через каждые 100 метров, а на вышках находились часовые с пулемётами. На территории зоны, если проходил надзиратель, ты должен был встать и поприветствовать, за не выполнение сажали в карцер на трое суток. Карцер это было такое помещение, где кругом были цементные полы и стены высотой около 4-5 метров, а наверху была решётка, размером в 50-60 см, которая была открыта даже зимой. Иногда начальник режима раздевали и оставляли заключённых без одежды и босыми ногами и с двумя надзирателями начинали обыскивать, это был повод, чтобы поиздеваться над живыми людьми. Мы работали по 10-12 часов в сутки, кормили нас в обед овсянной кашей, которую давали совсем немного. Утром давали горячий кипяток и 100 гр хлеба, а в баню водили раз в 10 дней, где мыло выдавали размером в спичечную коробочку. Зимой морозы доходили до -20-40 градусов и нам выдавали старые валенки, ватные бушлаки и ватные брюки. Моя дальнейшая судьба сложилась так: когда я работал в плотничьей бригаде, все пальцы свои покалечил, и как-то мне бригадир сказал, чтобы я попросил помощь у Николая Васильева, который был там старшим. Был вечер, заключённые сидели на территории и курили махорку. Среди них сидел симпатичный мужчина лет 40, одет был хорошо, в новых сапогах и в куртке, новые брюки и в чёрном берете. Бригадир привёл меня к нему и представил художником, он спросил мою фамилию и сказал, что создаст мне условия, чтобы я сделал ему рисунки обнажённых женщин. Он повёл меня в санчасть к врачу, мы зашли с ним без очереди. Когда мы вошли, он попросил всех выйти кроме врача, а потом сказал врачу, чтобы тот придумал что угодно лишь бы меня положили в больницу до весны. Я пролежал в больнице до мая месяца 1951 г. Моим спасителем был Николай Васильев, у него было 5-6 судимостей за терроризм, он был

атаманом воров. У него не было номера как у всех, он говорил, что номера носят скотины и начальство его не трогали из-за того, что в лагере среди уголовников чаще всего был порядок и дисциплина. Я сделал ему рисунки, они очень понравились. Позже меня устроили в культурно-воспитательную часть /КВЧ/ художником, мне разрешалось выписывать краски из дома. Моя жена аккуратно приносила масленные и акварельные краски, в том числе и кисти. Я быстро освоил жизнь в лагере, некоторые начальники просили делать им пейзажи или копии из репродукций русских художников, например: "Три охотника" Перова, "Три богатыря" Васнецова, "Лунная ночь" Крамского, пейзажи Левитана. Дела мои шли на высоте, но вокруг меня были ужасы, трагедии, убийства, грабежи и никто никакие меры не предпринимал,кто сильный выживал, а слабые умирали. Это было в порядке вещей, и наверно входило в режим сталинских лагерей. Я отбывал срок в лагере особого режима г. Караганде, в посёлке Дубовка и Сарань. С мая 1950 г. по июнь 1955 г. работал художником в лагере, в основном в культурно-воспитательной части /КВЧ/. Иногда работал на стройках как художник-лепщик, в орнаментальных росписях клубов и дворцов шахтёров г. Караганды, которые оплачивали двойной порцией овсянной каши. В лагере кроме меня были ещё такие художники как Н.И. Филатов из г. Москвы, И.А.Амиян из г. Баку, Соостер Ило из Эстонии, В.Ф. Соколов из г. Минска и И. Рубан из г. Харькова. Они все работали на стройках как лепщики, вернее монументалистами. Летом 1952 г. меня включили в бригаду оформителей, где надо было расписать казахские орнаменты во Дворце шахтёров. Я всё лето до сентября, более 4-5 месяцев работал, оформлял этот Дворец шахтёров и кроме сдобных булочек и сигарет ничего больше не заработал, а на воле я заработал бы несколько тысяч рублей. Вот такая была жизнь заключённого художника. Стране нужна была бесплатная рабочая сила и Карлаг строил дома и шахты. За 4,5 года здесь было построено сотни 3х-4х этажных домов для шахтёров, люди умирали, особенно на стройках шахты. Если оглянуться назад в историю всех времён императорства и ханства, то подобная эксплуатация была, но не в такой форме. Мои друзья художники почти каждый

вечер приходили ко мне в КВЧ, и я до отбоя организовывал по зоне студию рисования. Начальник КВЧ И.И. Хаустов знал, но предупреждал нас, чтобы наши рисунки не попали в руки начальника режима. Мы рисовали, и прятали , а потом отсылали домой или же отдавали заключённым на память. Мы не подписывали свои рисунки, чтобы не попасть в руки начальника, а иначе срока не миновать. У нас в лагере воры закона ходили на рабочую зону, но не работали, а пьянствовали, и даже женщин приводили к ним. В один из таких дней начальник КВЧ попросил сделать несколько плакатов по технике безопасности и отправил меня на территорию большого автогаража. После этой работы я зашёл в столовую покушать кашу, в это время подошёл ко мне заключённый вор, его звали Али, по национальности был азербайджанец. Он сказал мне, чтобы я пошёл вместе с ним посмотреть на интересное зрелище. Когда мы пришли в столярный цех, а там находился потайной погреб, куда мы спустились. Там сидели заключённые и три полуобнажённые девушки, которые сидели на табуретках. Один из них предложил мне одну из этих девушек, но я отказался и они потребовали, чтобы я нарисовал девушек. Мне пришлось выполнить желание этих животных, вот какой образ жизни был в лагере. Мне часто приходила мысль, откуда всё это рождается, кто в этом виноват, но я понимал, что многие из них не знали своих родителей. Они росли в приютах и в лагерях, судьба которых уничтожила нравственную психологию, был потерян стыд и рассудок к правильному образу жизни. Россия почти рушилась и вместе с ней теряли облик национальной культуры народы Азии, Кавказа, Украины и Белоруссии. Уничтожался самый цвет умов человечества, цвет интеллигенции. Однажды заключённые возвращались с работы, и среди них я встретил своего хорошего друга Славу, который был хорошим художником-альфрейщиком. Он был очень честным и порядочным человеком. Он выглядел очень измученным, после наших опросов, я предложил ему нарисовать его, он согласился. Я сделал его рисунок за целый час, увидев свой портрет он сказал, что здорово и попросил подписать и подарить ему. Я забеспокоился, что этот рисунок найдут, но он пообещал, что очень скоро переправит через военно-пленных людей к себе

домой. Не прошло недели, и у нас в лагере проводили обыск, где в подушке Славика надзиратель нашёл этот рисунок и передал начальнику особого отдела. Был у нас старший лейтенант, казах и его заместитель Анваров, узбек по национальности, которые узнали, что это моя работа и вечером привели меня в кабинет начальника особого отдела, фамилию не запомнил. Он спросил меня: "Зачем его таким нарисовал? Как зачем, так он же маляр, его фотография висит на доске почёта, что тут плохого, он хороший человек"- сказал я. "Да, да я это знаю, но почему ты нарисовал его таким грустным и замученным, да и хорошо, что без номера. Ты должен был рисовать в костюме и в галстуке, мы бы не возражали". Гражданин начальник, представьте себя на его месте, если бы вы имели столько срока как у него 25 лет какой вид вы имели бы? Когда человек позирует художнику, то в лице его вырисовывается весь его внутренний мир и мысли, печаль и радость."Вот что художник, я тебе запрещаю делать такие рисунки. Разрешите гражданин начальник, вы же советский офицер, цивилизованный интеллигент, и Анваров меня поддержит, что я ничего плохого не сделал". "Хайдаров, не учи меня, и впредь такие рисунки не рисуй, а иначе будет плохо". "Хорошо начальник, больше не повториться, разрешите забрать рисунок?". Но он порвал при мне и бросил в мусорную корзину. Когда я уходил из кабинета, Анваров подозвал меня и попросил, чтобы я хороший пейзаж сделал начальнику для дома. Когда я вернулся в барак, товарищи ждали меня с нетерпением и начали расспрашивать, я коротко рассказал им как начальник обошёлся со мной, и о том, что если бы не Анваров, тот казах упрятал бы меня в карцер, он был похож на самоуверенного садиста, ярого ханского палача. На другой день, когда нас повели на работу в рабочую зону, было около двух часов дня, я сидел около котельни на бревне и что-то рисовал с натуры. Вдруг сзади меня кто-то подошёл, я повернулся, смотрю он, лейтенант Анваров. Мы поздоровались с ним, а он меня спрашивает: "Ты опять рисуешь? Извините товарищ начальник, да, вот время немного свободное нашёл, ведь это моя профессия." Он попросил меня рассказать о себе и я рассказал, что я из г. Самарканда, часто бывал по работе в г. Ташкенте. Я был членом Союза художни-

ков Узбекистана, а он спросил, что кого я знаю из художников Узбекистана. Я сказал ему, что знаю председателя СХ Узбекистана Самиля Абдуллаева, это мой хороший друг, Лутфилло Абдуллаева, Тетовосяна и многих других. Я был членом правления СХ, где работал мой покойный учитель П.П. Беньков, словом тех кого я называл, он их многих знал, даже оказалось так, что Самиль Абдуллаев был его соседом и хорошим другом. Когда он уходил, он меня предупредил, чтобы я был очень осторожным. Он сказал, что скоро поедит в отпуск в г. Ташкент и надо ли что-нибудь передать моим друзьям. Что? Я передал им мой сердечный поклон и хотел конечно передать им, что я честен и никогда не был изменником или врагом народа, я очень люблю свою родину. Если буду здоров, непременно вернусь, я чувствовал, что это не может так долго продолжаться, потому что всему плохому приходит конец. Прошло около двух месяцев и Анваров вернулся, но у меня произошёл инцидент с одним надзирателем, который носил кличку Тинтил-Винтил- палач. Это было летом 1952 г., я возвращался с работы, а ко мне навстречу идёт старший по бараку. Он сказал, что сегодня этот палач надзиратель при обыске нашего барака обнаружил портрет твоей жены, назвал нецензурными словами и порезал ножом, а потом унёс в комендатуру лагеря. Я не долго думая, сразу же направился к выходу главных ворот, откуда заходили заключенные, возвращаясь с работы. Обычно в пять рядов стояли надзиратели, обыскивали заключенных, а потом пропускали в зону. В крайнем ряду стоял этот тип, я подошёл и как врезал ему в правое ухо, он тут же свалился на землю. Заключенные схватили меня и не дали надзирателям на расправу, а увели в зону. Через некоторое время к нам в барак пришли начальник режима и дежурный офицер, и увели меня в комендатуру. Когда меня вели, вслед за мной пошли около 40-50 заключённых, которые обещали, что будут неприятности, если что-то случиться с художником. Они остались меня ждать за колючей проволокой. Начальник лагеря, казах и ещё несколько офицеров сидели в комендатуре. Среди них я вновь встретил своего земляка Анварова, он сидел рядом с начальником лагеря, капитаном Кукушкиным. Первый вопрос начальника был: "За что ты

стукнул надзирателя? За то, что он палач и изверг, за что он оскорбил мою жену и порезал портрет, кто ему дал право. Где этот портрет, принесите сюда"- сказал начальник лагеря, он взял портрет в руки и удивлённо сказал: "Да, братец, рисуешь ты хорошо, но вот в лагере рисовать не положено". "Знаю, не положено рисовать порнографию, а это же моя жена, которая с четырьмя детьми каждый день и час ждёт меня и думает с надеждой о нашей встрече. "Отдайте мне портрет начальник". "Нет художник, мы вам вернём, при освобождении" - и передал в руки Анварову, а он посмотрел и что-то сказал Кукушкину, а потом отдал дежурному офицеру. В это время начальник режима, не запомнил его имени, сурово сказал, что он вольный музыкант и ему положено играть на баяне, а мы враги народа, списанные люди, нам не положено было. Позже этого надзирателя перевели за зону, сторожем собак конвоя, а через два месяца какие-то неизвестные лица перерезали этого музыканта, начальника режима со всей его семьёй у него дома. Портрет жены не вернули мне, пропал не знаю где. Через несколько дней ко мне в КВЧ пришёл Анваров, он принёс махорку и карандаши, передал большой привет от моих друзей из г. Ташкента, и сказал, что его переводят с этого лагеря неизвестно куда.

СЛУЧАЙ С АКАДЕМИКОМ КРАСНОВЫМ В. Н.

Нас было пятеро художников с профессиональным образованием, Николай Иванович Филатов из г. Москвы, который перед войной окончил Художественный институт им.Сурикова. Он был очень интеллигентным и умным человеком. Немцы взяли его в плен из госпиталя, где он лежал тяжело раненный. Потом он находился в окупационной зоне и когда наша Красная армия разбила немецкие войска под Москвой, он вновь вернулся на службу в армию. Потом его осудили по ст. 58 1-б, и дали срок 10 лет и 5 лет лишения прав гражданства.

Владимир Фёдорович Соколов, это замечательный человек и талантливый художник-график из г. Минска, который даже не служил в армии 1941 г.,/немцы оккупировали Белоруссию/ он

находился в окупации и работал у немцев художником в г. Минске, писал портреты. После освобождения г. Минска, его арестовали по ст.58 1-а, и дали срок 25 лет и 5 лет лишения прав.

Иван Александрович Амиян, добровольно ушёл на фронт из г. Баку. Попал в плен в 1942 г., немцы увезли его в Германию, и он работал при Академии художеств г. Мюнхена. После окончания войны его арестовали и дали срок 10 лет и 5 лет лишения прав.

Соостер Ило, эстонец из г. Таллина, очень талантливый художник, который был ассистентом известного художника в оформлении Казанского вокзала г. Москвы. С 1941г. по 1945 г. находился в окупации на родине, там его и арестовали по ст.58 1-б сроком на 10 лет и 5 лет лишения прав. Кроме этих профессиональных художников, были любители художники, это Масленников Николай Николаевич из г. Свердловска. Иван Рубан из г. Харькова, словом люди были замечательные, честные, добрые и отзывчивые. Мы часто встречались и общались, думали, что будет с нами, а ответа найти не могли, но духом друг друга поддерживали. В такие суровые дни наша жизнь проходила в ужасно трагических условиях, но облик интеллигента и интеллект не потеряли. Я лично благодарен двум людям, которые по возрасту были вдвое старше меня, это был академик Николай Васильевич Краснов, из г. Ленинграда, действительный член Тимирязевской Академии. Второй человек это Николай Степанович Бушманов, генерал-майор, который в 1941 г. командовал операцией по разгрому немцев под Москвой, был ранен в левую ногу, попал в плен и всю войну находился у немцев в лагерях, ему тоже дали срок 10 лет и 5 лет лишения свободы. Я помню когда освобождали нас, ему пришло письмо лично от Ворошилова, где он просил Николай Степановича вернуться в г. Москву на должность педагога в Академию им. Фрунзе, но он отказался и уехал к себе на родину в г. Красноярск. Вот эти два человека Краснов Н.В. и Бушманов Н.С. были нашими наставниками, не поддавались ни на какие провокации. Я часто рисовал Николай Степановичя и вот в один из таких дней, он сказал мне: "Ашур, ты молодой и умный парень, талантливый художник, ради бога держись и не падай духом, береги себя, помни всё, что происходит сейчас, это страшная трагедия в нашей

стране. Но всему есть предел, ты молод, ты всё узнаешь и увидишь, настанет такой день когда все Кремлёвские интриги и тайны раскроются и народу всё будет показано, только берегите себя, ваша жизнь впереди." Да, действительно, сказаное им, стало реальным в 1954 г. на XX Съезде ВКП(б) и перестройка нашей системы государства раскрыла этих палачей прежнего руководства и администрации нашей страны в годы культа и застоя.

Мы четыре художника были постоянными собеседниками Краснова и Бушманова, с нами ещё были другие как например: Можонов /имя,отчество не запомнил/ главный режиссёр МХАТ-а г. Москвы, был ещё замечательный человек, композитор и дирижёр Киевского Оперного театра им.Франко это Столеренко, словом были писатели, артисты, поэты и музыканты: Священнослужители разного рода из Суздаля, Ростова, Киева, Львова, одним словом невинные люди, которые часто преждевременно умирали или от болезни или от пыток карцера.

Я прошу разрешить своего читателя, немного рассказать о великом русском учёном, профессоре атомщике Н.В. Краснове, потому что он был большой личностью нашей эпохи, это был один из таких учёных как Курчатов, Циолковский... Он один из тех великих учёных начала XX века, который в 1929-1930 г.г. открыто высказывали свои мнения молодым учёным и был арестован до 1937-1938 г. сроком на 10 лет. В 1947 г. вновь палачами Сталина был осуждён сроком на 10 лет за антисоветскую пропаганду. К нам приходили иногда неизвестные люди и забирали его научные труды, которые он нам иногда объяснял, но мы не понимали этих физико-математических формул. Он имел отдельное помещение для работы площадью в 20 кв.м. Он рассказывал нам, что в 1918 г., когда ему было 20-25 лет, жил он в Екатеринбурге недалеко от тюрьмы в двухэтажном доме. Он наблюдал оттуда за прогуливающимися арестантами, он же свидетель ареста царской семьи Романовых. Он лично видел как по утрам царская семья прогуливалась по тюремным прогулочным площадкам. По его рассказам семья Романовых была расстрелена по указу В.И.Ленина, а подписывал приговор Я.Свердлов. Он говорил, что не был врагом народа, а был врагом сталинского режима.

9 марта 1953 г. по радио сообщили о смерти И.Сталина, "отца народа", в это время ко мне пришёл Николай Васильевич, он обнял меня и чуть не заплакал и сказал: "Вот дорогой Ашурчик, теперь я могу спокойно умереть," а 22 июня того же года он скончался в лагере. Мы были в морге и видели его тело, нам дали указание сделать несколько его рисунков, а потом заколотили гроб и неизвестно куда увезли его тело. Спустя полгода я узнал, что приезжали его родные и по моему один из тех рисунков Ило Соостер отдал им на память. Как я уже рассказывал, что Н.С.Бушманов в 1955 г. после освобождения уехал к себе на родину в г. Красноярск, и о нём мне ничего не известно. Н.Филатов был освобождён в марте 1955 году, жил и работал художником в г. Москве. В 1957 году мы встретились с ним в г. Москве на декаде Таджикистана. Последний раз я его видел на похоронах нашего друга Ило Соостера в г. Москве, и больше мы никогда не встречались. Соколов В.Ф. из г. Минска был очень спокойный, молчаливый, всегда со мной работал и делился мнениями, был вежливым в разговорах, умел слушать и давать хорошие советы,умер в 1977 г.. Соостер Ило жил после войны в г. Москве и умер в ноябре 1971 г.. Я, Н.Филатов и Н.Масленников были на его похоронах. Масленников Н.Н. очень долго имел со мной переписку, работал художником на военном заводе, неоднократно приезжал ко мне со своей женой, она тоже была бывшая заключённая и дочками, умер в 1986 г. в г. Свердловске.

Далее мой рассказ о некоторых событиях происходивших в лагерях Карлага управления "Гулага".

* * *

1954 год, после прихода к власти генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущёва лёд тронулся, в лагере произошли изменения. Я помню в конце апреля, заключённые объявили забастовку, не вышли на работу. В то время начальник лагеря был капитан Кукушкин. В это время я работал с Н. Филатовым в КВЧ, он руководил художественной бригадой артистов, а я был художником в лагере. Я жил не в бараке, а в клубе, там было одно помещение, где хранились музыкальные инструменты, и там же была моя

мастерская, в которой я исполнял агитационные плакаты по заказу начальника по политической части старшего лейтенанта Емельянова и начальника КВЧ лейтенанта Хаустова И.И.. Был ясный солнечный день, я проснулся рано утром, мне надо было отреставрировать транспоранты, смотрю возле клуба стоит начальник лагеря и другие офицеры. Ко мне подошёл лейтенант Хаустов и спросил, что я делаю, я ответил, что занимаюсь реставрацией плакатов и тут же набравшись смелости спросил, что почему люди не вышли на работу. Он ответил, что всё будет в порядке, но время было 10 утра, и никто не собирался на работу. Когда Хаустов удалился, я подошёл к заключённому Астахову / он был инженером строителем из Донбасса или Кузбасса, в войну служил в авиационных частях, где в жестоких боях на Курской Дуге его самолёт был сбит, а сам он был ранен и попал в плен/ и спросил: "Алексей, что мне делать, прекратить работу ? - Да что ты Ашур! Делай свою работу, это тебя не касается, ты же художник." Народ стал постепенно собираться у выхода зоны, но не в рабочей форме. В тот день на работу никто не вышел, а вечером в столовой клуба состоялось собрание более тысячи заключённых лагеря. Мне было поручено на сцене расставить столы и покрыть их красной скатертью. Собрание открыл начальник по политчасти старший лейтенант Емельянов, который спросил, что по какой причине они не вышли на работу. Ответ был у всех один, это плохое питание, недостаток бытовых условий, особенно санитарно-гигиенических, почтовой связи, где в год только два раза разрешалось писать письма родным домой. Нам очень мало доставляли кино, концерты и спектакли, были лишены духовных потребностей человека. Собрание длилось около двух часов, и они обещали все наши требования выполнить, полковник из управления Карлага успокоил, а потом попросил всех выйти на работу. Затем он сказал, что к нам приедут артисты и будут показывать концерт, все обрадовались и начали аплодировать. Когда все разошлись по баракам, после ужина ко мне зашёл Николай Филатов, который был тоже рад, он сказал, что хочет помочь в оформлении сцены, к встрече гостей артистов, я поблагодарил его и мы начали думать как лучше оформить. Я предложил сделать гир-

лянды и украсить ими сцену, в это время к нам подошёл лейтенант Хаустов и спросил как идёт наша поготовка к встрече артистов. Они ушли, а я долго ещё читал, рисовал и думал о завтрашнем дне, и бесконечно радовался, что увидем настоящих певцов и музыкантов. Я проснулся рано утром, зашёл на кухню, взял свою манную кашу и кусок хлеба, быстро поел и к восьми часам утра подошли Филатов и Амиян. Мы нарвали цветы вокруг зоны, принесли ко мне в клуб и положили их в воду. К обеду клуб вычистили и по краю зала расставили скамейки. Мы ждали артистов к 16.00. часам дня и к этому времени всё было готово. Наш клуб находился слева от входа ворот лагеря, где была аллея около 15-20 метров и самое примечательное было то, что по краю аллеи стояли заключённые держа в руках букеты цветов и радостно встречали гостей. Впереди всех шёл начальник лагеря Кукушкин и рядом с ним шла красивая дама в белом наряде, на шее у неё была сиреневая шёлковая шаль. Следом за ними шли музыканты и несли свои музыкальные инструменты и когда они шли по аллее, заключённые забросали их цветами и апплодировали. Концерт начался в 16.30., в зале была полная тишина,. Я тоже приготовил букет цветов из гладиолусов и несколько душистых белых роз, которые приподнёс актрисе. Она с радостью взяла и я увидел в её глазах столько радости и в её нежных губах улыбку, мне показалось, что она поцелует меня. Она приняла букет и нежно пожелала мне свободы и счастья.Концерт был замечательный, запомнился на всю жизнь. За всю историю моего пребывания, такое было впервые, а дальше стали каждый месяц показывать фильмы. Вот, что означают слова "Лёд тронулся." В мае 1954 г. мы с Филатовым и Амияном решили показать концерт под названием "Дружба Народов СССР", исполнителями были молодые заключённые, музыку сочинил музыкант Акуш, он был родом из Западной Украины. Он блестяще играл на саксофоне, кларнете, гобое, скрипке и аккордеоне. Ему было 25 лет, высокого роста, красивые черты лица, весёлый, был осуждён военным трибуналом сроком на 10 лет лишения свободы за то, что во время окупации играл в оркестре ресторана для немцев. У нас в лагере было много артистов: украинцы, прибалтийцы, белорусы, словом цель нашего представления заключалось в том, чтобы показать дружбу народов.

Роль азиатских мужчин и женщин исполняли молодые ребята, я придумал им национальные костюмы, они исполняли национальные танцы. Концерт длился около двух часов и прошёл на высоком уровне. После концерта начальник лагеря Кукушкин и начальник по политической части лейтенант Емельянов выступая на сцене поблагодарили наш коллектив. Через два дня после концерта Николая Филатова внезапно освободили, я даже не знал, в это время меня направили сделать зарисовки в забоях шахты. Вечером я пришёл с работы и ко мне зашёл Соколов Владимир Фёдорович, который сообщил мне, что Николая освободили и что он очень хотел со мной попрощаться, мне стало жаль, что я не увидел его. В конце 1954 г. освободили и Ивана Александровича Амияна и ряд других заключённых. Я задумался и решил написать жалобу, а заявление надо было написать грамотно, но я не мог и я решил обратиться к Юрию Михайловичу.Он работал у нас в лагере нормировщиком, очень милый человек, образованный и интеллигентный человек. Я неоднократно рисовал его портрет карандашом и он тайно отправлял рисунки домой и был благодарен мне за мои рисунки. Когда я пришёл к нему, он был очень рад, но тут увидел на моём лице печаль и спросил: "Ну что, Ашур скучаешь по друзьям? - Конечно, но со мной ещё Николай Масленников и Владимир Соколов." Я закурил свой табак свёрнутый в газету и сказал ему, что хотел бы написать кассационную жалобу на имя К.Е. Ворошилова, в то время он был Председателем Верховного Совета СССР и членом Политбюро ЦК КПСС. Он одобрил моё решение и сказал, что сейчас время писать, потому что время другое настало. Я спросил его, поможет ли он мне юридически грамотно составить письмо, он согласился. Я рассказал ему с начала до конца как я провёл годы войны, где и кем был, чем занимался, что подтверждающие документы были изъяты НКВД в год моего ареста, а точнее 17 июля 1949 г. После моего рассказа он выслушал меня хорошо, кое что записал и сказал, чтобы я пришёл к нему в воскресенье для того, чтобы переписать письмо своим почерком. Через неделю моя кассационная жалоба была готова и я решил зайти к начальнику спецчасти. Когда он ознакомился с жалобой, он сказал, что написано хорошо, но адресовать надо не Ворошилову, а генеральному прокурору СССР.

Я переписал первую страницу, оставил жалобу капитану, и в душе сказал самому себе ни пуха ни пера.

Апрель 1955 года, нас оставалось трое художников, это Соколов, Масленников и я. Это было в апреле, ко мне зашёл начальник КВЧ Хаустов И.И. и спросил чем я занимаюсь, а я ответил, что сижу и думаю какая же будет завтра погода. Он сказал, что будет хорошая погода и попросил, чтобы я принёс какую-нибудь закуску. Я сказал, что найду чего-нибудь на кухне у поваров, но он строго предупредил меня, чтобы я ничего им о его посещении ко мне не говорил. Не прошло несколько минут, я принёс хлеб, лук и картошки варённой, а он достал кружки и налил водку, я отказался сперва, но он очень настаивал и я выпил. Он сказал, что хочет откровенно поговорить со мной, сперва он начал меня благодарить за мою хорошую работу и за картину, которую я ему сделал, эта была картина "Купальщицы", и сказал, что все, кто видел эту картину, приходили в восторг .Затем он попросил рассказать ему всю правду о себе, я немного задумался и спросил какую правду, что не допрос ли это, но он сказал, что хочет помочь мне. Я стал вспоминать годы войны, плен, службу в партизанских отрядах, а меня обвинили в том, что я был завербован немецким гестапо. Моя мечта о побеге осуществилась в 1944 г., затем войну закончил в дивизии имени дважды героя Ковпака на территориях Румынии, Болгарии и Польши. Когда я закончил рассказывать ему о себе, он допил ту водку и ещё раз попросил, чтобы я никому не рассказывал о его приходе. После его ухода я долго не мог уснуть, я всё беспокоился и думал об этой тайной встрече. Прошёл месяц апрель и настал май 1955 года, 28 мая меня вызывает заведующий библиотеки Бобкин бывший директор завода г. Москвы, очень милый человек, который тоже был осуждён на 10 лет. Он попросил меня вернуть все книги и журналы, которые брал в библиотеке и сказал: "Ашур, я прошу тебя никому не говори, завтра взойдёт солнце Свободы над твоей головой!" Я принёс всю литературу в библиотеку, сдал и направился в баню. Утром 29 мая 1955 г. дежурный офицер лагеря старший лейтенант вызвал меня в комендатуру дал мне документ об освобождении и около 75 рублей и сказал, что я теперь свободный гражданин Советского Союза, пожал мне руку и проводил до ворот лагеря. Мою ла-

герную куртку с номером Х-29 заменили на новую куртку из чёрного сатина. Я вышел за ворота лагеря шахтёрского посёлка Дубовка.Первым кого я увидел, это был старший лейтенант Хаустов И.И., который подозвал меня к себе, поздравил и пригласил к себе домой в гости. Его жену звали Вера или Валя, не помню угощала нас сибирскими пельменями, и тут он напомнил мне тот вечер, когда он приходил ко мне тайно от всех. Ему дали задание проверить совпадут ли мои рассказы с теми письменными доказательствами. К счастью и проверки со мной и данные взятые в других местах вполне соответствовали с моими рассказами, я был честен и реабилитирован. Я сказал, что как только получу паспорт в отделении милиции посёлка я поеду в г. Самарканд. Он сказал мне, что мои друзья Николай Филатов и Иван Амиян находятся в г. Караганде и дал мне их адрес. На другой день я получил паспорт и поехал искать своих друзей. Я решил поехать в г. Сарань, который находится в Карагандинской области. Когда я стоял и ждал автобус, ко мне подошла одна женщина и поздоровалась со мной, я не сразу узнал её, но оказалось, что она работала врачом в лагере г. Сараня в 1950-1952 г.г., в первые годы моего отбывания в лагере. Её звали Бертой, а муж её был главным врачом нашего лагеря. Естественно, я очень обрадовался, чуть не бросился её целовать. Она любезно пригласила меня к себе домой, я с удовольствием согласился и вместе с ней проехали несколько остановок и приехали к её дому. Когда мы подошли к подъезду дома, она попросила подождать и через несколько минут вышел ко мне бывший заключённый, врач-хирург, мой хороший приятель Вахтанг, он был грузин. Я сразу узнал его и мы долго держали в объятиях друг друга. “Дорогой Ашурджан, ты жив и здоров, я рад, что вижу тебя, заходи дорогой. Берта, как ты его нашла? Какая радость для меня, я места себе не нахожу, неси к столу всё, что есть у нас.” Мы с Вахтангом просидели почти до полночи, сидели и вспоминали наши дни. В начале своего рассказа, когда я попал в первый раз в лагерь г. Сараня это было летом 1950 года я рассказывал вам, как один осуждённый вор Николай Васильевич привёл меня к лагерному врачу для того, чтобы избавить меня от тяжёлой работы в лагере, этот врач исполнил его

просьбу и оставил меня в лазарете. В то время в этом лазарете работал хирургом ещё один врач, но он был из заключённых, это был Вахтанг Махарадзе. Когда Вахтанга освободили, Берта разошлась с мужем и вышла замуж за Вахтанга. Они жили в г. Сарани и работали в больнице. На следующий день Вахтанг проводил меня до автобусной остановки, сказал как найти моих друзей Филатова и Амияна, и мы расстались с ним навсегда. Я сразу нашёл лимонадный цех, там работал один грузин Георгий Моциошвили, тоже бывший заключённый, после освобождения его не приняли дома и он вернулся в эти края и остался жить и работать там. Он хорошо принял меня и тут же послал одного парня, чтобы тот позвал моих друзей. Через некоторое время Николай прибежал и увидев друг друга мы крепко прижались, я не выдержал, слёзы покатились с моих глаз. Николай вместе с Иваном Амияном открыли при вокзале художественную мастерскую и выполняли разные художественные изделия. Пришлось мне остаться на сутки, потому что Николай взял мне билет до г. Ташкента на следующий день. Мы с Николаем приехали к Ивану домой, дома оказалась его жена, а его не было, мы прождали несколько часов, и не дождавшись вернулись на вокзал. На следующий день, за несколько часов до отхода поезда, ко мне привели одного таджика, который ..ринёс мне новое обмундирование железнодорожника да ещё с фуражкой, посадили меня в вагон поезда. Когда поезд отходил, на перроне стояли мои друзья и Амиян успел придти проводить меня. Я никогда не забывал их доброту и тёплое отношение ко мне, спустя много лет мы вновь встретились.

НА РОДИНЕ

В начале июня, рано утром, мой поезд прибыл в г. Ташкент. Этот день был ясным и солнечным, в этот день я впервые за пять лет почувствовал тепло на Ташкентском вокзале.Я себе места не находил от радости, кругом всё было родное и я вспомнил 1945 год, конец войны, когда после четырёхлетней разлуки я возвращался домой и было такое же радостное ощущение, как в тот день. На вокзале я встретил женщину, её фамилия была Халикова, она работал вместе с моим братом Курбаном. Она очень хорошо зна-

ла нашу семью и с большим уважением относилась к нам. Она сразу узнала меня, обняла, заплакала и сказала, какое счастье, что ты живой и вернулся, какая радость для Курбана. После нашего разговора она спросила, когда я поеду домой, но я сказал, что у меня дела в Союзе художников, что задержусь на один день в г. Ташкенте, а брату сегодня пошлю телеграмму. Я сел в трамвай и поехал в Союз художников Узбекистана, который находился по улице Пушкина 28. Мои ташкентские друзья приняли меня очень хорошо, они два дня не отпускали меня, всё расспрашивали, особенно председатель СХ С. Абдуллаев, герой Советского Союза. Они мне оказали большую материальную помощь, выдали мне 300 рублей и проводили домой. Я поехал домой в Сары-Ассию Сурхандарьинская область, в то время мои родители уже жили там. Приехал домой, родители встретили очень хорошо, дома была большая радость, все были живы и здоровы. В сентябре 1955 г. я решил поехать в г. Сталинабад /ныне г. Душанбе/, там состоялся Съезд художников Средней Азии и Казахстана, куда меня пригласили в качестве гостя. После долгой разлуки, я вновь оказался среди художников, друзей, своих учителей Зинаиды Михайловны Ковалевской, Оганез Тетвосяна, Урал Тансыкбаева, одним словом началась моя новая жизнь. С 1955 г. я жил с семьёй и работал художником журнала "Хорпуштак"в г. Сталинабаде. В 1956 г. меня приняли работать художником в художественный фонд. В 1957 г. меня зачислили в состав участников Декады литературы и искусства проходившей в г. Москве. В 1958 г. меня приняли членом Союза художников СССР и с тех пор до сегодняшнего дня я работаю и участвую во многих зарубежных выставках и Союза ССР. В 1990 г. мне присвоили почётное звание "Заслуженный деятель искусств Тадж. ССР", имею более шести грамот Верховного Совета Тадж. ССР и Министерства Культуры СССР. Я расскажу вам, как я стал членом СХ СССР. Заканчивались жаркие дни лета. Рано утром я направлялся к себе в мастерскую, чтобы закончить очередной заказ художественного фонда. Я работал в бригаде художников, оформляли автобазу, делали плакаты, рисовали портреты передовиков автобазы. После работы, я возвращался домой и по дороге встретил

М.А. Рабиева, моего товарища, он был писатель-драматург. Он начал меня расспрашивать о моих делах и мы зашли с ним в кафе и он сказал мне, что скоро будет большой праздник, это юбилей, 1000 летие основоположника классической таджикско-персидской литературы, великого поэта АбуАбдулло Рудаки, который был придворным поэтом у шаха Исмоила Сомони. В управлении искусства при Совете Министров состоялось важное мероприятие по поводу проведения этого юбилея и был объявлен конкурс на лучшую работу, он сказал, что я обязательно должен принять участие. Он обещал помочь с подбором материалов для моей конкурсной работы. Я загорелся желанием выполнить эту работу после его сообщения. Я ознакомился с краткой биографией великого поэта Рудаки в своей домашней библиотеке. На следующий день я пошёл в библиотеку им. А.Фирдавси, где мне дали старинные книги, древние миниатюры эпохи IX-X веков. Я смотрел и изучал эти книги, и вспоминал художников эпохи возрождения, эпоху русского искусства XIX века, таких художников как В.Суриков, И.Репин, В. Васнецов и т.д. Когда глубоко вник в жизнь и деятельность поэта, он был не только поэтом, но и музыкантом, философом и ещё мог хорошо петь и сочинять музыку. Времени было мало всего два месяца оставалось до чествования, после долгих мышлений, пришла мысль назвать картину "Молодой Рудаки среди односельчан." Долго не задумываясь приступил к эскизу, который удался без затруднений, приступил к размеру картины. Работа пошла гладко, за две недели холст был записан почти всеми персонажами той эпохи. В это время приехал мой отец из района и попросил поехать с ним в г. Самарканд к брату Курбану, который собирался сыграть свадьбу своим сыновьям. Я отказался, и сказал, что у меня времени мало, что надо работать, но он обиделся и сказал, что тоже не поедет, мне пришлось поехать. 21 сентября я вернулся домой, а в конце октября закончил картину. Это было 5 ноября, председателем жюри конкурса был известный замечательный поэт Мирзо Турсун-Заде, а членами являлись Боки Рахим-Заде, Мирсаид Миршакар, Джалол Икроми. Мы ждали результаты решения жюри конкурса, где первую премию по созданию портрета Рудаки присудили художнику Ивану Ли-

сикову, а по созданию тематической картины "Рудаки среди односельчан"первую премию получил я: Меня вызвала секретарь СХ Долгоносова Елена, и сказала, что меня пригласили члены жюри, у меня сердце забилось от волнения. Когда я зашёл, председатель жюри Мирзо Турсун-Заде поблагодарил меня за мою замечательную картину и выдал премию 25 тысяч рублей и пожал мне руку. Ныне эта картина находится в краеведческом музее им. К. Бехзода в г..Душанбе. После этого меня вызвали в правление СХ Таджикистана и сообщили, что вынесли решение, принять меня в члены Союза Художников СССР, а я ещё был и членом СХ Узбекистана. После признания меня как художника живописца правление СХ изменило своё отношение, меня стали включать в состав ведущих художников, для оформления более важных объектов нашей республики. Наша бригада состояла из нескольких художников: Абдурахманов Илья - монументалист,Салманов Ф.А. - живописец, Матасов Н.А. - живописец, Лисиков И. живописец, Нуриддинов С. -резчик по дереву, Рахимов А. живописец. Мы оформляли Дворцы культуры в колхозах и совхозах районов нашей республики, у нас был свой электрик и хороший столяр Масленников А. В 1959 г. мы оформляли Дом культуры Октябрьского района г. Курган-тюбе, где клуб был на пятьдесят мест, а площадь составляла более 400 кв м. Мы вставали в 06. 00. часов утра и работали до 22.00. часов вечера..

ДЕКАДА ТАДЖИКИСТАНА В МОСКВЕ
1957 год

В самый разгар весны наша республика готовилась проводить культурные связи между Россией и Таджикистаном. Участниками декады были все деятели культуры, творческие союзы, академии наук, министерства образования, просвещения. Мы художники также готовились к этим мероприятиям. Я как участник декады представил две работы: "Портрет невесты" и "Свадьба колхозника." Выставка экспонировалась в Музее Восточных культур в г. Москве. Я участвовал совместно с художником Мухиным М.М. в оформлении спектаклей "Король Лир" В. Шекспира и "Саодат" автором, которого был мой друг драматург М. Рабиев.

Состав нашего поезда поъехал к Казанскому вокзалу, а на перроне нас встречали с цветами и музыкой друзья и коллеги — художники. Я помню как поехал вместе с нами на автобусе знаменитый художник С.В. Герасимов к гостинице, где нас и разместили. Когда нас размещали в гостинице, дошла очередь до меня, я дал паспорт для регистрации, а она посмотрела в паспорт и вернула обратно сказав, что мне не положено быть в этой гостинице. Я возмутился, но она сказала, чтобы я обратилась в МВД г. Москвы. Я пришёл в штаб декады в гостинице "Москва", где начальником декады был наш министр культуры М.Назаров, который тоже удивлённо посмотрел и написал письмо начальнику МВД г. Москвы. Я с этим письмом поехал на приём к начальнику МВД, когда я зашёл в кабинет генерала, мы поздоровались и я дал ему письмо. Он прочитал письмо, а потом попросил посмотреть паспорт, и спросил меня: "Вы отбывали срок? - Да," я ответил ему и он не дал мне объяснить, а только сказал: "Какой дурак выдал вам этот паспорт? Карагандинское областное районное отделение г. Сараня"- ответил я . Он вернул мне паспорт и письмо, где поставил свою резолюцию и сказал: " Когда приедишь домой, сходи к прокурору города, отдай ему этот паспорт и скажи ему, что какой дурак ставит запрещённые знаки в паспорте таким людям." Я так и сделал, когда приехал домой, а через пять дней я получил бессрочный паспорт. Меня потом зарегистрировали в гостинице и дали комнату под номером 501; где со мной были ещё два художника, это Ашуров А. и Никитин Н., где мы прожили десять дней. Однажды вечером мы трое друзей сидели в номере и пили чай, делились впечатлениями о г. Москве, вдруг кто-то постучал нам в дверь и вошёл. Я глазам своим не поверил, это был мой фронтовой друг Николай Филатов. "Откуда Николай, как ты нашёл меня?" "Ашур дорогой," мы бросились друг к другу в объятия и у обоих на глазах появились слёзы радости, и он сказал мне, что увидел по телевизору гостей из Таджикистана. Я сходил к нему домой, он жил в однокомнатном бараке с женой и дочерью. Я спросил об Ило Соостере, который тоже жил в г. Москве, мы в тот же вечер к нему пошли и почти всю ночь просидели вспоминая нашу жизнь в лагерях. Они дали мне адрес Соколова В., Руби-

на И. и Масленникова Н. Почти 30% времени я провёл с друзьями, а потом они меня проводили до автобуса, который повёз нас в аэропорт Домодедово. Как я хотел бы увидиться с друзьями, как жаль, что судьба командует жизнью человека, а жаль.

СМЕРТЬ БРАТА

Мне приходилось выполнять ответственные творческие картины на тему сельской жизни колхозников, их труд и жизнь. В 1960 г. в декабре месяце я работал и писал картину на тему Фестиваль Молодёжи Таджикистана. Это было утром, когда ко мне неожиданно приехали родные и сообщили о смерти брата Курбана. Мы с родными прибыли в г. Самарканд в тот же день на самолёте. Мы были у брата дома в 12.00. часов дня, это было 10 декабря 1960 г. Мы его похоронили на кладбище Шахи-Зинда. Он работал управляющим автобазы г. Самарканда, и на похоронах был весь городской автотранспорт. В момент спуска тела в могилу, несколько минут гудели сигналы машин. Мы провели все эти мероприятия и вернулись домой, а у него оставалось шестеро детей, старшего сына , Мардона так его звали, я забрал к себе на воспитание. Он жил у меня, учился в художественном училище, затем поступил и окончил Ташкентский Театрально-Художественный Институт, а потом уехал к матери в г. Самарканд. После смерти брата мне было морально тяжело и передо мной стояла сложная задача: первая это была моя большая семья, три сына и четверо дочерей, жена и мои старики, которым было уже за семьдесят лет. Отец ещё работал мясником, мать домохозяйкой, а жили они в Сары-Ассийском районе Сурхандарьинской области. Я часто ездил и навещал их, а расстояние было от Сталинабада до них 96 км. Все эти обстоятельства, заставляли меня серьёзно задуматься о жизни, и мне приходилось работать, я не знал ни отдыха, ни отпуска, работал круглый год. Приближалась дата 40 летия Таджикистана, где меня включили в бригаду, мы должны были оформить ВДНХ/выставка достижения народного хозяйства/. Я вместе с товарищами оформлял сельскохозяйственный отдел, нами руководил московский художник Ермолин Александр Матвеевич. Позже мы стали хорошими друзьями, когда я ездил в г. Мос-

кву я встречался с ним, это замечательный художник и человек, который оставил самое лучшее в моей памяти. Мы получили почётные грамоты от Верховного Совета Таджикистана за добросовестную работу. В 1965 г. состоялся съезд СХ и на этом съезде меня избрали в состав правления и правление единогласно назначили меня заместителем председателя СХ, где председателем назначили Хушвахтова Х.Д.

ТВОРЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА НА ПАМИР

Летом, в июне месяце, мы группа из восьми художников задумали поехать на Памир, а точнее это было 14 июня 1965 г. Это была замечательная поездка, а в 1966 г. мы пятеро художников организовали выставку, которая называлась "По дорогам Памира"позже была статья под названием "Великолепная пятёрка"в газете "Советская культура". У каждого из нас были раскладушки и всё необходимое, словом экспедиция была организована на высшем уровне. Наша первая остановка была у берега Голубого озера, за Тавиль-дарой, начало памирской зоны. Мне как художнику горы, которые нас окружали не были похожими на горы Варзобского ущелья, они казались более суровыми и величественными, да ещё это голубое озеро среди этих сказочных гор, где вода была прозрачная как зеркало и холодная. Я решил искупаться, но Хушбахт, наш председатель сказал мне, чтобы я далеко не заплывал, потому что в озере водилось очень много змей. Эта красота меня интриговала и я хотел написать этюд, но Хушбахт сказал, , чтобы я не переживал, что дальше ещё лучше есть пейзажи и дал команду ехать дальше. Мы двигались всё выше и выше на Восток к вершинам памирских гор, где следующая наша остановка была Сигир-дашт, что в переводе долина сурков. Этот край был своеобразный, на высоте расположены холмистые горы с вечно покрытым снегом. Когда смотришь издалека виднеются пёстро-зелёные заросшие высокими бурьянами удивительные холма. Красивые стройные как кипарисы , бело-розовые лисьи хвосты, которые слегка пошатывались от лёгкого дуновения ветра. Очень много было речек, они не были глубокие, вода настолько чистая, что видно было плавающих рыбок, в основном форели. В этом

краю проживало не более тысячи семей таджиков, в основном занимались овцеводством. У них были очень крупные бараны с белой шерстью. Народ замечательный, трудолюбивый и очень гостеприимный. В первый день нашего приезда, председатель совхоза его звали акои Рахмон сказал своим, чтобы они зарезали одного барана и мы остались на три дня, писали пейзажи. На четвёртый день мы стали собираться в дорогу, курс держали на Памир. Когда мы покидали Сигир-дашт по дороге, на крышах домов стояли дети и махали руками в знак прощания, где у нас остались хорошие впечатления. Спустя двадцать семь лет, я написал картину по сделанным наброскам того времени, картина была куплена представителем из ООН, он был из г. Нью-Йорка. В моей жизни эта поездка в те далёкие 60-70 годы оставила громадные впечатления, я сердцем полюбил землю Таджикистана. Я привёз с собой около 60 этюдов и сотню рисунков о Памире. После Сигир-дашта, были перевал Калай-Хумб, Паст-Хуф, Рушан, Шугнан, Бартанг, священные места поэта XII века н. эры Насир Хисрава, а дальше были Гарм-Чашма, Ишкашим, Мургаб, Аличурская долина Тахтамыш. Мы жили в Тахтамыше 4 или 5 дней, где были юрты и два финских домика.

СОДЕРЖАНИЕ

Творческий путь Ашура Хайдарова 3
Долгий путь к правде 7
"Ба Ватан ва касби худ хиёнат накардаам" 12
Воқеаи фараҳбахш 16
Сеҳри қалами орзуофарин 18
История и современность в творчестве таджикского художника А. К. Хайдаров 22

Воспоминания

Детство 27
Вновь в Самарканде 31
Юность 34
Тревожные годы детства 36
Новые знакомства 43
Горькие сообщения 48
В плену 65
Избиение евреев 69
Тревога 70
Рассказ Гусейн-ага 74
Экстренное сообщение 75
Разговор с Гофманом 76
Первый и последний 77
Отправка и разговор с прикмахером 79
Встреча с варчом Гусейн-заде 81
Село Сороченское 82
Ночной разговор 84
Германия 85
Встреча за чашкой чая 85
Польша 90
Случай в селе Дубовка 104
Демобилизация 105
Случай в пересылке 110
Караганда — Сарань 112
Случай с академиком Красновым В.Н. 118
На родине 127
Декада Таджикистана в Москве 120
Смерть брата 132
Творческая поездка на Памир 133

Ашур Хайдаров

Жизнь в искусстве

Редактор	*М. Салим*
Тех. редактор и комп. вёрстка	*Ф. Рахимов*
Корректор	*С. Карими*

Сдано в набор 1.VI.2001. Подписано в печать 2.VI.2001. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная №1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Тираж 300. Цена договорная.